

Л.Э. Калнынь

**Фонетическая
программа слова
как пространство
фонетических изменений
в славянских диалектах**

ИСАРАН
Москва-2001

Российская академия наук
Институт славяноведения

Л.Э. Калнынь

**Фонетическая
программа слова
как пространство
фонетических изменений
в славянских диалектах**

Ответственный редактор
доктор филологических наук
профессор А.Ф. Журавлев

Москва, 2001

В книге обсуждается вопрос о причинах высокой фонетической дифференциации славянских диалектов, что находится в известном противоречии с той монолитностью, которая была присуща прасл. языку до падения редуцированных. Высказывается предположение, что после падения редуцированных фонетическое пространство регулировалось «фонетической программой слова», задававшей как направление фонетического изменения, так и его содержание.

Рецензенты:

доктор филологических наук Т.В. Попова
кандидат филологических наук М.И. Ермакова

ISBN 5-7576-0108-6

© Калнынь Л.Э., 2001

© Институт славяноведения РАН, 2001

Эту книгу я посвящаю
памяти моего мужа
художника Михаила Всеялодовича Иванова
† 17.04.2000

1.

Введение

1.1. Особенности фонетической синтагматики в славянских диалектах

Специфика фонетического строя любого языка/диалекта определяется не только инвентарем используемых сегментных единиц, но и правилами их сочетания и чередования в пределах тождественных морфем. Именно изучение этих аспектов звуковой речи принято относить к числу центральных задач фонетики как науки о звуковом строе языка. Ср. «Фонетика изучает звуковые законы, которые управляют сочетанием и чередованием звуковых единиц языка» [Панов 1967, 3].

Сочетания и чередования звуков иерархически не равнозначны. Звучащая речь представляет собою процесс, протяженный во времени [Высотский 1978, 9]. Процесс реализуется в виде следующих друг за другом звуковых сегментов. Линейное сочетание звуков – это онтологическое свойство звучащей речи. Наличие/отсутствие чередования звуков зависит от наличия/отсутствия синтагматических запретов на сочетание определенных звуков в пределах линейной последовательности. Поэтому можно считать, что функция фонетического чередования состоит в устраниении синтагматически запрещенного сочетания звуков, если оно провоцируется слово- и формоизменением. В принципе это означает, что возможна гипотетическая ситуация, когда при отсутствии синтагматических запретов нет оснований для позиционного чередования звуков.

Чередование, со своей стороны, свидетельствует о недопустимости определенного сочетания звуков. Так, произношение только *c'm'* (не *cm'*) в *c'm'енá* может считаться выражением синтагматического запрета на фоне того, что *c > c'* перед *m'* в *рас'm'i*. Однако логика отношений между синтагматикой и парадигматикой однозначно эксплицируется при определении условия позиционного чередования. Так, объяснение произношения *прут* тем, что на конце слова *đ > t*, бессодержательно, поскольку остается невыясненной причина такой замены. Адекватно отражает ситуацию объяснение, согласно которому синтагматический запрет на сочетание *đ* с паузой требует изменения *đ > t*.

В описаниях славянской фонетики, начиная с прасл. состояния, важное место занимают правила сочетания звуков. Пространство, в рамках которого это рассматривается, может быть разным – слог, морфема, слово. Иногда это пространство получает диагностическое значение для придания звуковой последовательности статуса сочетания. Так, в [Бернштейн 1961, 131, 137] прасл. «сочетанием согласных» считается только тавтосиллабическая комбинация звуков, а звуки, разделенные слоговой границей, образуют «простое соседство». Логика такого решения основана на том, что в прасл. изменения в группах согласных происходили именно в пределах слога. В то же время вне таких ограничений прасл. сочетания согласных констатируются в [Мейе 1951, 102].

В зависимости от допустимости/запрещенности отдельных сочетаний звуков, они или существуют стабильно или устраняются, т. е. подвергаются изменениям. Эти изменения на всех этапах изучения славянской фонетики рассматривались в рамках последовательности рядом стоящих звуков, т. е. сочетаний гласных, согласных друг с другом и с паузой (CC, CV, VC, #C, #V, C#, V#). Это означает, что каждое сочетание звуков, хотя оно и является частью слова/словоформы, изымается из фонетического контекста и рассматривается изолированно.

Если сопоставить синтагматическую фонетику в ее прасл. состоянии с правилами образования звуковых линейных последовательностей в отдельных славянских языках/диалектах, то обнаруживается следующее.

В прасл. фонетике в звуковой последовательности происходили: «воздействие гласных и *j* на согласные», «воздействие *j* и шипящих согласных на последующие гласные», изменения в консонантных сочетаниях: При этом в консонантных сочетаниях чаще всего происходит то, что Мейе называет «редукция сочетания», т. е. утрата одного согласного (*damъ* < *dadmъ*, *osa* < *opsa* и др.) [Мейе, 1951, 71, 95, 102]. Более редки изменения по способу и месту образования (*tt* > *st*, возможно, *tl* > *kl*, *dl* > *gl*) [Бернштейн 1961, 190].

На фоне этого общего наследия отдельные славянские языки/диалекты демонстрируют большое разнообразие синтагматических изменений в звуковой цепи, многие компоненты которой сформировались после падения редуцированных. Это проявляется в изменении как гласных, так и согласных. При этом стоит отметить, что разнообразие изменений обычно не может быть объяснено только спецификой артикуляции звуков в данном идиоме – как показывает транскрипция ОЛА [OLA. Вступительный выпуск. 1994], между звукотипами, используемыми в славянских диалектах, кардинальных различий не много. Несколько разнообразным может быть изменение одного и того же сочетания в разных диалектах можно показать на примере сочетания *dn̥*: в н.-луж. – *sleny*, *kranuš*, *parnuš*, *sturňa*, *pšelňica*; польск. – *stun'n'a*, *čannu*, *b'ennu*; словац. – *honni*, *pannít*, *hono*, *slobono*; хорват. – *Ino*, *bò:lňok*, *gláhna*, *'lasna*.

(=gladna). При анализе материала ОЛА специально отмечалось, что генетическая общность морфемного фонда, составляющая исходную базу ОЛА, показывает чрезвычайно большое расхождения в их фонетическом оформлении в разных славянских диалектах [Аванесов, Калнынь 1983].

Когда сообщается о синтагматических изменениях в звуковой цепи при описании одного языка/диалекта, это обычно дополнительных вопросов не вызывает. Объяснение в виде констатации уподобления или расподобления рядом стоящих звуков вполне укладывается в пересчет артикуляционных компонентов соответствующего изменения. Но по-другому воспринимаются синтагматически обусловленные изменения звуков, взятые в масштабах славянского диалектного континуума, т. е. как компонент диалектного различия, реализующегося в диалектах разных языков. В этом случае картина становится в известном смысле хаотичной.

Дело в том, что каждое изменение, происходящее в пределах звуковой последовательности, имеет своей целью произносительное удобство – фонетическое изменение в принципе не может стремиться к затруднению произношения. Но оказывается, что именно произносительное удобство в славянских языках/диалектах после падения редуцированных стало пониматься по-разному, хотя до падения редуцированных такого расхождения не было. Имея это в виду, можно предположить, что причина разнообразных изменений одинаковых сочетаний коренится не просто в артикуляционной специфике соответствующего сегмента, а связана с факторами иного порядка. Пытаясь найти ответ на этот вопрос, мы далее исходим из следующих соображений.

1.2. Фонетическая программа слова как инструмент интерпретации правил фонетической синтагматики

Основой фонемного/фонологического моделирования является представление о звуковой речи как, о последовательности дискретных единиц типа звук/фонема. Путем операций с дискретными единицами устанавливаются правила их сочетания, противопоставления, чередования. Логика непротиворечивой языковой модели предполагает, что эта модель максимально способствует пониманию сущности объекта, ею интерпретируемого. Между тем, знание об устройстве фонемной системы идиома отнюдь не дает гарантии 1) понимания звучащей речи, 2) правильного произношения, 3) выявления причин устойчивости/изменчивости отдельных фрагментов языкового идиома.

Это заставляет предполагать, что в звуковой речи актуализируются правила и связи, которые не могут быть сведены только к линейной комбинации/нанизыванию дискретных единиц типа звук/фонема.

Умение делить слово на звуки у носителей языка обычно вырабатывается на основе ассоциаций с буквенной передачей слов при фонетическом типе письма (хотя при этом говорящими может выделяться название буквы, а не собственно звук языка). Косвенно это подтверждается известными фактами неправильной идентификации вырезанных из слова звуков, т. е. в ситуации, когда апелляция к буквенному знаку невозможна. Более естественно деление слова на слоги. Даже в тех языках, где со слогом не ассоциируется жестко регламентируемая функциональная нагрузка, выделение слога как фонетического сегмента, ограниченного с обеих сторон слогоразделом, является для носителей языка достаточно банальной процедурой. Ср. утверждение Соссюра, что для говорящих первично дан не отдельный звук – слог дан более непосредственно, чем составляющие его звуки [Соссюр 1977, 36].

При моделировании процесса формирования звуковой последовательности каждое сочетание звуков, хотя оно и является частью словоформы, принято рассматривать изолированно – словоформа используется при этом как иллюстративное пространство, демонстрирующее то или иное сочетание. Между тем есть основания полагать, что фонетические изменения регулируются не только взаимодействием рядом стоящих звуков, но и правилами, актуальность которых проявляется в пространстве более длинном, чем сочетание звуков или слог.

Натуральной единицей членения звукового потока является фонетическое слово – звуковая последовательность, ограниченная с обеих сторон потенциально паузой. Именно оно как фонетическое целое присутствует в сознании носителей языка при порождении и восприятии речи. В основе фонетической организации слова находится произносительная программа. План-намерение возникает до произнесения слова и состоит в пересчете и выборе из серии сегментных и суперсегментных возможностей. В этой связи, используя термин Трубецкого [Трубецкой 1960, 280], речь может идти о влиянии рамочной единицы на изменение сочетающихся в ее пределах звуков/фонем. Рамочная единица при этом понимается не как статическая конструкция, образованная определенным образом расположеннымми элементами типа звук/фонема, а как динамическая категория, определяющая развертывание звуковой последовательности.

Фонетическая программа слова 1) отражает особенности артикуляционной базы идиома, 2) определяет правила линейной организации звуковой последовательности, 3) подразумевает коммуникативную неравнозначность разных частей слова.

Артикуляционная база – это «совокупность произносительных тенденций, характеризующих речедвижение говорящих на данном языке» [Ахманова 1966]. Специфика артикуляционной базы определяется тем, какие органы участвуют в образовании звуков, насколько интенсивно (напряженно) и в каком сочетании друг с другом [Зиндер 1979, 81]. Производными от этого являются: сосредоточение звуков в определенных зонах артикуляции, а также «способность речевого аппарата переключаться с одного типа артикуляции на другой» [Брызгунова 1969, 172]. Кроме того, артикуляционная база определяется и особенностями нейтрального уклада органов речи, т. е. их положением при молчании [Кузнецова 1969, 39; Скалоуб 1979, 29]. Ж.Марузо именно состояние покоя произносительных органов называет «артикуляционной базой», а для речедвижения использует термин «органическая база» [Марузо 1960, 38].

Артикуляционная база, создавая общую звукообразующую установку, общую нюансировку речи, характеризуется не только комбинацией органов речи, но и правилами артикуляционных переключений. В принципе можно считать, что полем этих артикуляционных переключений является именно фонетическое слово. Правила артикуляционной базы определяют особенности фонетики слова в целом, поскольку ее компоненты взаимосвязаны и не поддаются избирательной замене – изменение одного компонента артикуляционной базы автоматически влечет перестройку всей звуковой цепи [Высотский 1967, 9].

Во всех славянских языках/диалектах в той или иной мере известны фонетические изменения, определяемые как ассимиляция или диссимилияция в группах согласных и как аккомодация в сочетания согласного с гласным (CV, VC). В рамках сочетания звуков один его компонент играет ведущую роль, стимулируя изменение (утрату) второго компонента. В группе согласных при стимулирующем воздействии первого согласного имеет место прогрессивно направленное изменение – ассимиляция или диссимилияция. При воздействии второго согласного на первый те же изменения имеют регрессивную направленность. Разнонаправленным бывает взаимодействие гласного и согласного в последовательностях CV, VC.

Регрессивное и прогрессивное изменения в звуковой последовательности представляют собою категориально разные явления в рамках фонетического процесса, реализующего фонетическое слово.

Регрессивное изменение даже в группе рядом стоящих звуков по своей сущности дистактно. Это проявляется в том, что первый звук меняет свою артикуляцию в предвидении еще не произнесенного, а лишь только ожидаемого звука – импульс изменения заложен в фонетической программе слова до ее конкретной реализации. Именно поэтому О. Брок писал,

что «ретрессивное направление фонетического изменения означает, что оно основывается на принципе антиципации» [Брок 1910, 168]. Наглядно это подтверждается сохранением результатов регрессивно обусловленного позиционного изменения звука при устраниении позиции, вызывавшей такое изменение. Так бывает в случае прерванного произношения, когда первый звук ориентирован на следующий ожидаемый, но не произнесенный звук. Например, *c-/n'ina/, rاش-/شyt'*. Этим объясняется сохранение позиционной по происхождению мягкости в рус. диал. *кос'*, *жыс'* из *кос't'*, *жыс't'* или *жыз'n'*. Свидетельством того, что антиципация определенного звука оказывает на выбор произношения большее влияние, чем реальный состав звуковой последовательности, является сохранение звонкого согласного перед глухим после нулевой редукции разделявшего их гласного в русской разговорной речи и в диалектах [Русская разговорная речь 1973, 60; Пауфошима 1977, 217]. Такой же тип явления отражен в сохранении мягкости согласного после нулевой редукции следующего переднего гласного в болгарском говоре (в Молдове) – *св'ин't'i < св'ин'ит'i* (ассимилятивного смягчения в говоре нет). Таким образом, в регрессивном фонетическом изменении приоритет принадлежит произносительному намерению, а не конкретному контакту между звуками.

Прогрессивное направленное фонетическое изменение, напротив, всегда контактно. Артикуляция второго звука меняется (если это синтагматически предусмотрено) после того, как первый звук произнесен, т. е. произнесение первого звука является сигналом для выбора второго. В этой ситуации отрыв первого сегмента от второго сопровождается устраниением того изменения, которому подвергся второй согласный по правилу прогрессивного уподобления/расподобления. Так, в вологодском говоре (Тотемский р-н) слогоделение словоформ *йёшче, рожджён'йо* (прогрессивная ассимиляция по ряду и способу образования) превращает их в *йёш/t'e, рож/д'én/йо*. Поэтому можно считать, что прогрессивное направленное фонетическое изменение реализуется в сегменте не длиннее соответствующего сочетания звуков. В славянских диалектах прогрессивное изменение в звуковой последовательности редко носит диссимиллятивный характер – конфронтация непосредственно предшествующей артикуляции затруднена.

Контактная и дистактная связи между компонентами фонетического слова хронологически по-разному маркированы.

Контактная связь – это онтологическое свойство любой звуковой последовательности вне хронологических ограничений. Эта связь существует в связно произнесенном слове всегда. Она имела приоритетное значение в прасл. ситуации допустимости только открытых слогов.

Дистактная связь – это инновация, поскольку становится актуальной в основном после падения редуцированных, когда нарушился стереотип слова

как последовательности открытых слогов и, в частности, расширился ассортимент консонантных сочетаний.

Основываясь на сказанном, можно предположить, что в фонетическом слове программируются фонетические изменения, обусловленные контактной и дистактной связями между звуками. Поскольку дистактные связи являются инновацией, естественно предположить, что их внедрение в фонетическое слово могло происходить в конкуренции с контактными связями и с разной интенсивностью в разных диалектах. Кроме того, смена модели, при которой слово образовывалось нанизыванием слогов, на программируемую последовательность отдельных звуков, также могла происходить не равномерно в разных диалектах.

В естественной речи слово как фонетический процесс не может иметь на всем своем протяжении одинаковый уровень коммуникативной нагрузки – в одних частях слова она выше, в других ниже. Коммуникативно неравноценными могут быть предударная и заударная часть слова, начало слова и его конец. Эти параметры включены в фонетическую программу слова.

Перечисленные факторы могут определять специфику фонетической синтагматики в разных диалектах. Далее в этом аспекте рассматриваются некоторые проявления синтагматики гласных и согласных в славянских диалектах, учитывая как синхронные, так и диахронические отношения.

Следует подчеркнуть, что, рассматривая слово как реализацию фонетической программы, в качестве ее компонентов выделяем аудитивно воспринимаемые сегментные единицы. Обоснование фонетической программы слова необходимо именно на аудитивном уровне, поскольку инструментальным методом причинно-следственные связи в звуковой цепи, образующей слово, устанавливаются с высокой степенью определенности [Сорокин 1985].

2.

**Нижнелужицкая рефлексация *о
как свидетельство конкуренции
контактной и дистактной связи
между звуками
в фонетической программе слова
после падения редуцированных гласных**

Сразу следует подчеркнуть, что рассматриваемый факт серболужицкой фонетики демонстрирует раритетные факты синтагматических отношений гласного и соседних согласных.

В славянской фонетике используются такие термины, как *палатализация*, *веляризация*, *лабиовеляризации*. Значение их разнотактическое. С одной стороны, это – характеристика артикуляции отдельных согласных. А с другой – с помощью тех же понятий, обращенных преимущественно в поздний праславянский период, описывается специфическая ситуация в синтагматике согласных и гласных.

Палатализация и *веляризация* являются по своему происхождению результатом относимого к праславянскому периоду уподобления согласных гласным переднего ряда или гласным заднего ряда [Шахматов 1915, 30]. В упрощенном виде палатализация определяется как подъем средней части спинки языка к твердому небу, сопровождающий основную артикуляцию согласного, а веляризация – сближение задней части спинки языка с мягким небом [Трубецкой 1960, 153; ЛЭС 1990, 82, 357].

Понятие *лабиовеляризации* согласных менее ясно. А.А. Шахматов называет лабиовеляризацией влияние праславянских задних гласных на согласные, отмечая при этом: «Умышленно употребляю более сложный термин «лабиовеляризация», не определяя в каждом случае, имеем ли мы дело с приспособлением согласных к произношению лабиализованных гласных или с приспособлением их к произношению гласных заднего ряда» [Шахматов 1915, 62].

Существует также мнение, что веляризация, понижая собственный тон согласного, вызывает автоматически и некоторое округление губ и, наоборот, губное сближение сопровождается активностью задней части спинки языка [Брок 1910, 163; Мартине 1960, 156].

О присутствии элементов губной артикуляции у задненебных спирантов и задненебной артикуляции у губных спирантов (особенно билабиальных), т. е. о двухфокусности этих согласных, косвенно может свидетельствовать их взаимная мена, известная южнорусским [Аванесов 1949, 125], болгарским [Мирчев 1978, 258], македонским [FO 1981, п.п. 94–97] говорам.

Лабиовеляризация или усиливала основную артикуляцию согласного, или вносила в нее новый элемент. Это зависело от локального ряда согласного. У губных согласных присутствовала лабиализованность, а возможно, и активность задней части языка – в этом случае речь могла идти об усилении уже существующих параметров. У задненебных согласных велярность является основной артикуляцией, к которой мог присоединиться элемент лабиализованности. И только зубные согласные в результате лабиовеляризации должны были включить в свою артикуляцию новые элементы.

Отсутствие веляризации у твердых согласных в современных языках/диалектах принято оценивать как новую черту в сравнении с состоянием, близким к праславянскому. А.А. Шахматов по этому поводу заметил: «И веляризация, и лабиализация согласных исчезли в славянских языках постепенно в разное время в разных говорах и не сразу во всех группах согласных» [Шахматов 1915, 62].

Поиски следов лабиовеляризованности согласных в современных диалектах затруднены тем, что часто предполагаемую синтагматическую активность этих согласных нельзя отделить от аналогичной активности согласных губного ряда. Так, например, изменение **y* > *i* после губных согласных в белорусских говорах (*milo*, *tiš*, *bik*) демонстрирует прогрессивное уподобление по лабиальности без того, чтобы для объяснения этого факта привлекать особое значение лабиовеляризованности согласного. В целом свидетельства синтагматической активности лабиовеляризованных согласных носят фрагментарный характер и отчасти относятся к области реконструкции. Этим лабиовеляризация отличается от палатализации, присущей как один из главных факторов звуковой синтагматики в фонетике славянских языков/диалектов от прасл. до современного состояния. На этом фоне особое значение приобретают свидетельства синтагматической активности лабиовеляризованных согласных, которые содержатся в нижнелужицком диалектном вокализме.

Характерной особенностью нижнелужицкого диалектного вокализма является рефлексия **o* после твердых губных и задненебных согласных перед твердыми негубными и незадненебными согласными. Это явление достаточно подробно описано в литературе [Mucke 1891, 101-104; Stieber 1934, 56-58] и как компонент диалектного различия интерпретировано в серболужицком лингвистическом атласе [Sorbischer Sprachatlas (=SS) 13 1990, 80-99].

В последовательностях типа РоТ, КоТ (**mostъ*, **borъ*, **woskъ*, **koza*, **gora*, **golъ* и под.) на месте **o* в нижнелужицких диалектах произносятся гласные:

ó – лабиализованный, непередний ряд, средне-верхний подъем, более напряженный, чем *o*; аудитивно приближается к *u*; в транскрипции SS этот гласный определен как «очень широкий и дифтонгического характера» [SS 1, 17];

u – нелабиализованный, верхний подъем, ряд между средним и задним; в транскрипции SS – «широкий централизованный *i*» [SS 1, 17]; одним знаком обозначаются варианты, в зависимости от колебаний в подъеме производящие впечатление звука среднего между гласными *u* и *e* (*y^f*, *ɛ^v*);

ε – нелабиализованный, передний ряд, нижняя зона среднего подъема, аудитивно воспринимается как широкий *e*.

Фонетически это выглядит как [*dvór*, *dvyr*, *dver*], [*kón'*, *kvn'*, *ken'*], [*bósłv*, *býsv*, *besy*], [*gódy*, *gvdy*, *gedy*], [*kót*, *kyt*, *ket*], [*módry*, *mydry*, *medry*], [*mótk*, *mytk*, *metk*], [*góla*, *gyla*, *gela*], [*kóza*, *kyza*, *kezaj*], [*wósk*, *wysk*, *wesk*], [*hxórg*, *hxýg*, *hexyj*], [*póstola*, *pystola*].

В последовательностях типа PoP/K, KoP/K (**bokъ*, **bobъ*, **kopъ*, **mokъ* и др.) рефлексом **o* является гласный *o*.

Отношение между гласными *ó*, *u*, *ε* как между континуантами **o* определяется по-разному. Согласно одной точки зрения, эти гласные рассматриваются как последовательно сменяющие друг друга компоненты рефлексии **o*. В соответствии с этим выстраивается линия **o* > *ó* > *e*, *ε* [Mücke 1891, 103]. Согласно другому мнению, имеет место независимое друг от друга изменение **o* в *ó* и в *u*, *ε* [Fasske 1964, 84-86; SS 13, 80-99].

Нижнелужицкое изменение **o* то в *ó*, то в *u*, *ε* в контексте славянской фонетики проявляет несомненное своеобразие. Сужение гласного **o* и усиление его лабиализованности – факт достаточно распространенный. Это может быть обусловлено характером и местом ударения, закрытостью слога, влиянием соседнего, особенно последующего, билабиального согласного, уподоблением высокому гласному следующего слога. Делабиализация же **o* вне правил редукции в безударных слогах проявляется значительно реже. Часто это связано с дифтонгизацией гласного –ср. нелабиализованные рефлексы **o* в новом закрытом слоге в украинском языке, кашубская дифтонгизация **o* > *ue* [Селищев 1941, 325]. Указаний на связь нижнелужицкой делабиализации **o* с дифтонгизацией этого гласного нет.

Разные рефлексы гласного **o* в нижнелужицких диалектах объединены тем, что они реализуются в пределах однотипного сегментного контекста. Это означает, что в последовательностях типа PoT, KoT контраст между согласными создавал некое напряжение, определяющее то или иное изменение **o*. Это напряжение создавалось контрастом по наличию лабиовеляризованности у губных и задненебных согласных и ее отсутствию (или утрате) у негубных и нездненебных согласных.

Гласный *o в последовательностях типа РоТ, КоТ имел разный вид связи с предшествующим и последующим согласным. Связь с первым согласным – контактна, поскольку артикуляция гласного наступает после реального произнесения предшествующего согласного. Связь же гласного со вторым согласным дистактна, поскольку ориентация на согласный наступает до его реального произнесения. Учитывая это, можно считать, что рефлексия гласного *o в нижнелужицких диалектах определяется конкуренцией контактной и дистактной связей с окружающими согласными в звуковой последовательности. Контраст по наличию/отсутствию лабиовеляризации соседних согласных создавал для гласного *o альтернативу – ориентироваться на контактную связь с Р, К или на дистактную связь с Т.

Ситуация альтернативы возникла после падения редуцированных, когда слово перестало быть последовательностью только открытых слогов. До этого в условиях однотипных слогов, которые к тому же могли выступать как функционально нечленимые единицы (силабемы) [Аванесов 1974, 242], гласные однозначно гармонизовали с предшествующим согласным.

После падения редуцированных, при наступившей допустимости закрытых слогов, безальтернативная связь согласного с предшествующим согласным ослабевает. Становится возможной антиципация следующего гласного при образовании гласного, т. е. включается дистактная связь между звуками в звуковой последовательности. Эти две тенденции и отражает рефлексия гласного *o в нижнелужицких диалектах.

При стремлении сохранить архаические отношения связь *o с предшествующим лабиовеляризованным согласным не только сохранялась, но становилась более демонстративной, что эксплицировалось усилением напряженности лабиальной артикуляции гласного и, как следствие этого, повышением его подъема, т. е. $o > \dot{o}$. Это – прогрессивное уподобление гласного согласному, основанное на контактной связи между ними. О том, что усилию лабиализованности и напряженности гласного способствовала не сама по себе лабиовеляризованность предшествующего согласного, а контраст между первым и вторым согласным, свидетельствует отсутствие такого изменения гласного в последовательностях типа Р/КоР/К, хотя здесь усиление напряженности лабиализации было бы более логичным, поскольку этому способствует артикуляция как первого, так и второго согласного. Однако этого не происходило – артикуляция *o в таком контексте была стабильна. Можно отметить, что на связь нижнелужицкого изменения $*o > \dot{o}$ с лабиовеляризованностью предшествующего согласного указано в [Шахматов 1915, 61].

Включение дистактных связей при выборе гласного и, как следствие этого, ориентация на нелабиовеляризованный следующий согласный, имело

своим результатом делабиализацию *o с одновременным сдвигом его ряда и подъема несколько вперед и вверх или только вперед. В основе этого изменения лежит ориентация вокальной артикуляции на последующий согласный, т. е. имеет место регressiveное уподобление гласного, что означает одновременно ослабление связи гласного с предшествующим согласным.

Первично благоприятные условия для такого изменения возникли в односложном слове, оканчивающемся на согласный. Ставшая не обязательной открытость слога в сочетании с очевидной его закрытостью в последовательностях типа *most, kot* (из **mostъ*, **kotъ*) в первую очередь создавала проблему выбора из двух разнотипных согласных, на которые может ориентироваться артикуляция гласного, т. е. альтернативу прогressiveного или регressiveного уподобления гласного. Однако нижнелужицкое изменение *o не обусловлено конкретным типом слога, а только лишь тем, что благодаря появлению закрытых слогов создалась предпосылка для ослабления артикуляционной (возможно и функциональной) связи гласного с предшествующим согласным. Потряла актуальность программа слова в виде последовательности однотипных слогов. Слово стало программироваться как последовательность гласных и согласных. Это создало основу для включения в программу слова антиципации согласного при выборе гласного.

Из сказанного можно заключить, что рефлексы ó и y/ε на месте *o соотносятся с хронологически разным состоянием звукового строя – более архаическое состояние обусловило рефлекс ó, более новое – рефлекс y/ε.

В некоторых нижнелужицких диалектах имеются свидетельства неодинаковой синтагматической активности задненебных и губных согласных. Есть говоры, в которых ó выступает только после задненебных, т. е. KóT и Py/εT. Примеры этого приводятся в [SS 13, карты 20, 21, с. 86, 92] – góra, góla, kósa и zbyrk, bysy, myspu, myst. В то же время не отмечена ситуация, при которой ó был бы представлен только после губных согласных. Это означает, что связь *o с задненебным согласным, который однозначно имел велярную артикуляцию, была более сильной, чем с губным согласным, где велярность могла быть и проблематичной. На то, что велярность задненебных согласных могла препятствовать делабиализации *o (хотя и не изменяла его в ó), показывает и модель KoT и Py/εT, т. е. сохранение гласного o после задненебного и его делабиализация после губного [SS 13, карты 20, 21, с. 87, 95, 96] – golub, košol, gody, xolowy, xorom и zbežo, weska, meřo, pedzamk (в SS в этом случае в транскрипции используется знак e, а не ε).

Динамика включения антиципации нелабионвеляризованного согласного в фонетическую программу слова отражена в отношении *o к предшествующему и последующему согласному w из *l.

В говорах, знающих делабиализацию *o, она не происходит после *w* из */. Но перед *w* того же происхождения варьируются гласные ó//y, ε на месте *o. При этом делабиализация *o после задненебных фиксируется чаще, чем после губных [SS 13, с. 98]. Надо полагать, что делабиализация *o стал актуальной до изменения */ > w. Поэтому она отсутствовала в последовательности типа *lot*, но имела место в *köt, pot*.

Поскольку изменение связано с включением антиципации нелабиовеляризованного согласного в программу слова, то изменение */ > w должно влиять на выбор гласного перед этим w сильнее, чем после него. После w из */ действовала инерция предшествующего состояния, и гласный o не подвергался тем изменениям, которые можно было бы ожидать после губного согласного не перед губным и задненебным. Появление же w из */ после o (Kow, Pow) создавало конфликт между ожидаемым звуком (зубным /) и реально произносимым (губным). В этих условиях в соответствующих позициях мог вновь появляться o вместо u, ε. После задненебного согласного, имеющего высокую степень веляризованности, память о делабиализации гласного o была сильнее, чем после губного согласного – поэтому здесь чаще, чем после губных согласных, перед w из */ представлены результаты делабиализации *o. Как это выглядит в реальности показано в [SS 13, с. 98]. В пункте 28 – *rowuł, rowjo, gowr, gowy* – *wuł, gwur, wywoj, xwyj, gymbin, gwył, kwyki*; в пункте 42 – *wow, stowa, powkaś–xewoj, gewy, kewoži, gewub*.

Для трактовки нижнелужицкого изменения *o как компонента фонетической программы слова существенно то, что изменение особенно последовательно происходит в первом слоге слова. При фиксированном ударении этот слог обычно бывает ударным. На ударность слога, как на условие изменения *o > ó, u, указано в [Mucke 1891, 99].

В [SS 13, карты 23, 27 и комментарии к ним] даны сведения о рефлексации *o в последовательностях типа PoT, KoT в безударных слогах. При этом автор карт исходит из того, что всем нижнелужицким диалектам свойственно фиксированное инициальное ударение. В соответствии с этим, безударными считаются все неначальные слоги. Фиксируемое на востоке нижнелужицкого континуума ударение на предпоследнем слоге, а также возможность сосуществования ударения на первом и предпоследнем слоге [Mucke 1891, 149; Stieber 1934, 71; Щерба 1915, 36] в [SS 13] не принимается во внимание.

Для суждения о рефлексации *o в безударном слоге при фиксированном инициальном ударении наиболее удобны бесприставочные слова, имеющие в корневой морфеме во втором слоге гласный *o в позиции PoT, KoT. Именно в таких словах развитие *o минимально подвержено влиянию нефонетических факторов [SS 13, с. 99–100].

Как показано в [SS 13], рефлексия *o в ударном и безударном слоге не всегда совпадает. В бесприставочных корневых морфемах может не быть параллелизма в замене *o в безударном слоге после задненебных и губных согласных. Так, возможна ситуация, когда после задненебных произносится только o; а после губных происходит делабиализация *o – *ugor, kokot, rogoś, wogon, rixor, jagody, sobota/sobeta, gospedar̄, lobeda, komet, komyi, obyda, topel, toperišćo* [SS 13, с. 99, 100, 102, 103].

В том случае, если *o попадает в неначальный слог слова вследствие того, что корню предшествует префикс, то *o может вести себя так же, как в слоге под ударением, т. е. фиксируется как ó, так и делабиализация *o, и не только после губных, но и после задненебных согласных – *zawóra, nagótowaś, na pólō, pedgyla, wed dwyra, py dweře, pedwierowaś* [SS 13, с. 87, 88, 112].

Относительно делабиализации гласного o после губного согласного во втором слоге корневой морфемы в бесприставочном слове в комментарии к [SS 13, карта 23] сделано важное наблюдение. Установлено, что в некоторых говорах поведение *o в позиции Р-Т во втором слоге слова зависит от качества гласного в первом слоге. Если в первом слоге выступает гласный «не o», то o во втором слоге сохраняется. Если же в первом слоге произносится o, то в следующем слоге происходит делабиализация, т. е. *p'apora, gyspoza* и *sobeta, lobeda, komet*, дублеты *gespodar'* и *gospedar'* [SS 13, с. 99, 100]. Такое распределение o и «не o» во втором слоге указывает на то, что присутствие o перед губным согласным усиливает лабиовеляризованность этого согласного. Это увеличивает контраст между согласными в последовательности РоТ, что, в свою очередь, усиливает антиципацию Т, вызывающую делабиализацию гласного. Присутствие перед губным согласным гласного «не o», напротив, делает лабиовеляризованность согласного менее яркой и тем, если не ослабляет, то и не увеличивает контраст между согласными в сегменте РоТ, что и способствует стабильности гласного o. Это явление внешне выглядит как взаимодействие гласных соседних слогов. Однако в действительности здесь имеет место реакция гласного на предшествующий согласный – именно качество губного согласного в группах [oРоТ], [«не o»РоТ] играет решающую роль. Это – одно из проявлений контактной связи между звуками в линейной последовательности.

Фонетическая программа слова как план-намерение возникает до произнесения слова. При этом разные части слова оказываются в зонах неодинакового внимания со стороны говорящих. Это проявляется в том, что одни сегменты фиксируются в сознании говорящих более отчетливо, чем другие, реализуемые с большей степенью произносительной инерции.

В акте коммуникации в сфере повышенного внимания находится начало слова, поскольку оно открывает реализацию фонетической программы.

В нижнелужицких диалектах именно первый прикрытый слог должен был в первую очередь отреагировать на ослабление преимущественной связи гласного с предшествующим согласным, которая утратила свою радикальность в результате падения редуцированных. Для гласного *o в последовательности PoT, KoT создавалась альтернатива выбора согласного в качестве ориентира для артикуляции гласного. Сопротивление новой тенденции выражалось в изменении *o > ó и в сохранении o после задненебных согласных. Последовательности типа PoT, KoT, KoT отражают более архаическое состояние не потому, что в них сохранена или усиlena лабиализованность гласного, а потому, что артикуляция гласного связана с предшествующим согласным. В то же время надо подчеркнуть, что изменение *o > ó равно как и делабиализация *o является реакцией на общее изменение связи гласного и согласного в звуковой цепи.

Начальный слог слова возможен в двух типах морфем – в приставке и в корне. В соответствии с этим, изменение *o становится приметой этих морфем и отсутствует в послекорневой части слова [SS 13, с. 100]. Отступления от этого правила единичны – такова делабиализация o во втором слоге в *srom-ota*, *sam-o-sedk*.

В начале слова всегда находятся приставки **podъ*, *(u)*otъ*. Корневые морфемы *(u)*orěхъ*, *(u)*osъть*, **koz-*, **kot-*, **gor-* и др. попадают в неначальный слог, если корню предшествует приставка. В этих случаях гласный «не o», будучи признаком корневой морфемы, чей первый слог возможен и в начале слова, сохраняется, хотя и находится во втором от начала слоге [SS 13, с. 102]. Здесь имеет место приоритет позиции в морфеме над позицией в слове.

Если последовательность PoT, KoT, находится во втором слоге корня, то она не может выступать в начале слова. Как сказано выше, после задненебных согласных в этой ситуации представлен только гласный o, т. е. эффект, актуальный в начале слова, здесь отсутствует. После губных согласных во втором слоге корня произносится или o, или результат его делабиализации. Эти факты указывают на то, что наступившее после падения редуцированных гласных изменение в характере связи между гласным и согласным ощущалось во втором слоге корневой морфемы не так резко, как в первом. В последовательности KoT во втором слоге антиципация нелабиовеляризованного согласного вообще не включалась. В последовательности PoT во втором слоге такая антиципация имела место, вызывая делабиализацию гласного o. Но при этом артикуляционное расстояние между *o и нелабиализованным гласным может быть меньше, чем в первом слоге в той же позиции. Так, имеются говоры [SS 13, с. 100–103], где в первом слоге *o делабиализуется в u, что означает и повышение подъема гласного, а во втором слоге – в e, который находится на той же ступени подъема, что и *o. Хотя во

втором слоге корня тенденция к изменению *o в позиции между лабиовеляризованным и нелабиовеляризованным согласным действует более вяло, чем в первом слоге, тем не менее это указывает на то, что корень как компонент слова, имея приоритетную коммуникативную значимость, в целом находится в зоне повышенного внимания говорящих. Послекорневые морфемы такой нагрузки не несут. Здесь преобладает произносительная инерция, способствующая тому, что фонетические инновации сюда могут не проникать (другая сторона такого статуса послекорневых морфем – их подверженность фонетически не мотивированным изменениям). Именно благодаря фонетической консервативности послекорневых морфем гласный *o в них, за малым исключением, не подвергается изменениям (*xraposo*, *I'ubośc* и под.).

Альтернатива ударности ~ безударности континуанта *o в современных диалектах возникает в слове, состоящем более чем из одного слога. В условиях любой разновидности фиксированного ударения двусложное слово всегда имеет ударение на первом слоге. Представление об отношении континуанта *o к ударению во втором от начала слова слоге в трехсложных словах зависит от того, какой вид фиксированного ударения констатируется в нижнелужицких диалектах. Кажется более соответствует реальности мнение Муке, Штибера, Щербы, допускавшим, что ударение в нижнелужицких диалектах может быть не только на начальном, но и на предпоследнем слоге. При этом континуант *o может оказаться под ударением в неначальном слоге слова и без ударения – в начальном. Такого рода размещение ударения можно проиллюстрировать следующим материалом (полевые записи автора, сделанные в 1960 г.) Говор Móst/Heinersbrück (в SS 13 пункт 13) – 'xyjɛl'i', 'mydl'itwy, 'pydružba, 'kyšul'e, se 'bejal'i, 'mytanę, ky'l'asko, ky'sule, vytěb'e'ral'i, gyto'wany, do vy'l'ěja, py 'jacę (предлог), 'gydy, gy'dony, 'mytaš, my'tamy; в говоре Grožišč/Grotsch (в SS 13 пункт 14) – 'ven'a, ve'n'an'e, 'mecny, 'mec'n'ejšv, 'pyl'ak, py'l'acka, 'vyjak, vej'ovaš, 'pejedaš, 'gele. При допустимости ударения на предпоследнем слоге не просматривается в синхронном плане связь изменения *o с определенным ударенным слогом.

Думается, что синхронные акцентные характеристики вряд ли вообще правомерно привлекать для объяснения правил изменения *o. Это изменение относится к достаточно раннему времени уже потому, что в нем сыграла роль лабиовеляризованность губных и задненебных согласных. Эта особенность согласных была свойственна праславянской фонетике (см. об этом выше). О том, что в нижнелужицких диалектах губные и задненебные согласные в более позднее время перестали оказывать на о влияние, присущее лабиовеляризованным, свидетельствует отсутствие изменения гласного o в позициях Р-Т, К-Т в словах, заимствованных из немецкого языка. Если же в таких словах произносится ó, ε, у, то это является знаком того, что за-

имствование является старым. Ср. *špôda*, *špeda*, *špyda* [SS 5, 54], *kêlacyja*, *kólacyja* [SS 9, 168]. Изменение *o в позициях РоТ, КоТ происходило после падения редуцированных и до ослабления лабиовеляризованности губных и задненебных согласных. И, тем более, акцентная ситуация, в которой происходило изменение *o, не была тождественна современной. Смена свободного ударения фиксированным – явление длительное и более позднее, чем изменение *o в последовательностях РоТ, КоТ.

Нижнелужицкое изменение *o происходило в условиях свободного удараия и не было ограничено ударным слогом. Определяющей была позиция в первом прикрытом слоге слова. В корневой морфеме изменение было допустимо и во втором слоге, но последовательностью оно тут не отличалось.

Выше было сказано, что изменение *o > ó обусловлено хронологически более ранними отношениями между гласным и согласным (контактная связь). Соответственно, делабиализация o обусловлена возникшими позже дистактными связями. Возникает вопрос, – являются ли эти два вида изменений гласного o этапами одного процесса или возникли независимо друг от друга.

В [SS 13, с. 87, 88, 94, 95] показано, что наряду с говорами, в которых в позиции РоТ безысключительно происходит делабиализация *o, имеются и такие говоры, где при преимущественной делабиализации *o в то же время в немногих примерах на месте *o фиксируется ó и o. Нарушение принципа делабиализации в позиции КоТ происходит в виде произношения в нескольких словах гласного o, но никогда ó. В то же время в диалектах, для которых характерно изменение *o > ó, варианты с делабиализацией *o отсутствуют.

С точки зрения возможной преемственности изменения *o > ó и делабиализации *o диагностическое значение могли бы иметь факты употребления ó в говорах с делабиализацией *o. Однако считать эти факты остатком предшествующего состояния мешает то, что 1) ó фиксируется только в последовательности типа РоТ, но никогда в КоТ и 2) нельзя исключить при малочисленности примеров, что ó в них является фактом фонетики конкретного слова. Отсутствие фактов делабиализации *o в тех говорах, где господствует *o > ó, также не дает оснований считать эти виды изменения гласных этапами одного процесса.

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

1. Нижнелужицкое изменение гласного *o в последовательностях типа РоТ, КоТ является реакцией на ту перестройку отношений между гласным и согласным в фонетической программе слова, когда слово стало быть последовательностью открытых слогов. Утрачивается однозначная контактная связь гласного с предшествующим согласным и включается антиципация последующего согласного при определении артикуляции гласного.

2. В последовательностях PoT, KoT согласные контрастировали по наличию~отсутствию лабиовеляризованности. Лабиализованный гласный *o своей артикуляцией гармонирует с лабиовеляризованным согласным. В условиях контактной связи укрепляется устойчивость лабиальной артикуляции гласного. Ориентация на нелабиовеляризованный согласный означает включение дистактной связи между гласным и согласным, когда артикуляция гласного планируется и реализуется до произнесения следующего согласного. Включение дистактной связи создает основу для делабиализации гласного. В зависимости от наличия~отсутствия сопротивления новой тенденции находятся изменение *o > ó, а также сохранение o после задненебных, с одной стороны, и делабиализация *o, с другой.

3. Условия нижнелужицкого изменения *o не могут быть ограничены конкретным фонетическим сегментом. Это изменение выступает как компонент фонетической программы слова в целом, реализуясь в том ее участке, который находится в зоне повышенного коммуникативного внимания и поэтому активно реагирует на инновации в фонетическом строе языка. Такой зоной является первый прикрытый слог слова, а также второй слог в корневой морфеме.

4. Отношение к ударению не оказывало воздействия на изменение *o. Фрагмент фонетической программы слова, находящийся в зоне повышенного коммуникативного внимания, мог как иметь, так и не иметь ударения.

5. Изменения *o > ó и *o > y, e не находятся в отношении хронологической последовательности. Это – разная реакция на перестройку фонетической программы слова после падения редуцированных гласных.

3.

**Гласные
как компоненты
фонетической
программы слова**

3.1. Взаимосвязь вокальных компонентов фонетической программы слова

Фонетическая программа слова определяет выбор гласного в зависимости от ударения и качества соседнего сегмента. Наложение этих условий на вокальную часть слова придает ей значение целостного образования, компоненты которого имеют тенденцию сохранять стабильность.

Особенности организации вокальной части фонетического слова рассмотрим на материале восточнославянских диалектов, используя также данные из диалектов других языков.

Регламентированность последовательного выбора гласных в слове лежит в основе тех типов безударного вокализма, которые основаны на не-различении безударных гласных неверхнего подъема. Так, предударная часть слова при русском литературном аканье, основанном на двухступенчатой редукции, реализуется по модели [Съ-Са-] после твердых согласных (*въдаво́з*) и [С’-С’-и-] после мягких (*б’бр’т’гá*). В трехсложном слове гласный ъ/ь сигнализирует возможность произнесения в следующем слоге безударных гласных у, и, а (=ы, у, а), но не о, ӧ после твердых согласных; і, и (=и, у), но не е, ӧ, а – после мягких согласных. Наличие же гласного а в слоге автоматически указывает на то, что в следующем слоге может быть только ударный гласный.

При диссимилятивном аканье (рус., белорус.) произношение гласного а в предударном слоге сигнализирует недопустимость а под ударением. И, наоборот, предударный ъ (не а) предусматривает обязательность ударного а (*въдаво́з*, но *въда́*)

При двухступенчатой редукционной модели вокализма гласные в слове выступают как целостный блок, объединяющий взаимосвязанные компоненты, когда выбор гласного определяется вокальным компонентом следующего слога.

В [Пауфошима 1983, 43-47] описывается такой тип развертывания вокальной части слова в русских диалектах, как акающих, так и окающих, когда безударные гласные (1-го и 2-го предударного слогов) уподобляются

полностью или частично гласному следующего слога. Как пишет автор, это изменение предударных гласных “можно объяснить стремлением говорящих к преодолению артикуляционных трудностей – при таком произношении несколько отдельных слогов образуют единую артикуляционную программу”. В работе приводятся примеры межслогового уподобления гласных из окающегося севернорусского говора. Это – *a*-ассимиляция (*ваинá*), *o*-ассимиляция (*новозу*, *нозов'óт*), *u*-ассимиляция (*н'е спујú*, *прутуст'и́л'и*) (с.46). Как можно заметить, эта особенность диалектного вокализма отражает развертывание звуковой последовательности по принципу дистактных связей, когда выбор предударного гласного определяется антиципацией/предвидением еще не произнесенного гласного следующего слога.

Можно думать, что подобие гласных разных слогов лежит в основе тех типов русского диалектного предударного вокализма после мягких согласных, которые традиционно принято объяснять уподоблением предударного гласного гласному в последовательности VC. Это – ёканье и умеренное яканье. Они описаны в литературе [Аванесов 1949, 80; Русская диалектология 1964, 41, 44; Сидоров 1966, 98], их локализация показана в [ДАРЯ 1986, Карты 3-6].

При ёканье в предударном слоге после мягких согласных произносится *o* и «не *o*» в соответствии с *o*, *e* (**e*, **ь*) ударного слога. В [ДАРЯ 1986. Вступит. статьи, 98] приводятся и факты произношения *o* и на месте **e*, но лишь в отдельных словах и нередко под влиянием аналогии. При умеренном яканье в предударном слоге произносятся *a* и «не *a*» в соответствии с ударными гласными неверхнего подъема. Считается, что условием произношения '*o*', '*a* является твердость согласного, следующего после предударного гласного, а перед мягкими согласными произношение '*o*', '*a* запрещено. Но, как известно, с мягкими согласными по своей синтагматической роли совпадают консонантные сочетания СС'. В результате фонетика явлений выглядит следующим образом.

Севернорусский говор (Пинежский р-н) – *n'оку* / *n'ек'и*, *нап'еку'и*, *т'опло* / *т'епл'é*, *подм'олá* / *м'ем'i*, *на м'емл'é*, *зап'охнúла* / *зап'ехн'i*, *выгр'обáт'* / *гр'еб'óт*, *на гр'ебн'áх*.

Южнорусский говор (Моршанский р-н) – *в'ic'алó* / *в'ic'ил'éй*, *з'арнó* / *в з'ирн'é*, *ч'алó* / *ч'ил'é*, *н'асóк* / *нъ п'иск'é*, *с'м'ахý* / *с'м'ийбóцца*, *с'т'аклó* / *на с'т'икл'é*, *бъявóй* / *бъйв'éй*.

В названном севернорусском говоре под это же правило попадает распределение предударного *a* после мягких согласных, т. е. *зат'ану́ла* / *т'ен'i*, *пом'ану́и* / *пом'ен'i*, *иагúшка* / *иегн'бóнок*.

По мнению Р.И. Аванесова, отсутствие предударных '*o*', '*a* перед сочленением СС' нарушает ёканье и умеренное яканье как фонетическую модель, в

которой качество гласного связано с высотой тона следующего согласного, и переводит названные типы предударного вокализма в разряд грамматикализованных и лексикализованных явлений [Аванесов 1977, 9–12].

Перевод фонетического по происхождению явления в разряд нефонетических предполагает нарушение (отмену) первоначального фонетического правила. В соответствии с этим, отсутствие '*o*', '*a*' перед СС' принято объяснять или грамматической аналогией или тем, что первый согласный сочетания был некогда мягким и лишь позже отвердел [Аванесов 1948, 80].

Между тем можно полагать, что из имеющихся взглядов на закономерности ёканья и умеренного яканья наиболее адекватно отражает сущность явления точка зрения на эту проблему П.С. Кузнецова. Он считает, что выбор предударного гласного определяется качеством гласного под ударением, а качество консонантного элемента, разделяющего гласные, вторично и производно от ударного гласного [Кузнецов 1948, 84]. Это означает, что предударный и ударный гласный находятся в отношении сингармонизма. Для того, чтобы в предударном слоге произносился гласный '*o*', '*a*', следующий после него сегмент, включая слоговой гласный, должен завершаться элементом низкого тона, т.е. быть сочетанием твердого согласного с гласным или быть одним непередним гласным. Позицию перед гласным иллюстрируют следующие примеры из упомянутого севернорусского говора – *н'оддай* < *н'ооддай* < *н'еоддай*, *н'оста́вл'у* < *oo* < *eo*. При завершении сегмента элементом высокого тона (мягкий согласный + передний гласный, в том числе '*o*', '*a*', '*u*') гласные '*o*', '*a*' перед ним запрещены. Сегмент, гармонирующий с предударным гласным, не обязательно должен следовать непосредственно после него – он может быть отделен от него твердым согласным.

Сказанное означает, что ёканье и умеренное яканье репрезентуют вокальную модель слова, которой свойственна такая суперсегментная характеристика, как слоговая гармония. Модель может быть представлена как [*t'o* (C, CC) á, ó, ú, ý / *t'e* (C', CC') í, é, ·á, ·ó, ·ú] и [*t'a* (C, CC) á, ó, ú, ý / *t'i* (C', CC') í, é, ·á, ·ó, ·ú].

В идею дистактной мотивированности выбора предударных *o* и «*не o*» гармонией гласных укладываются и некоторые из объяснений, настаивающих на том, что этот выбор связан только с качеством консонантного сегмента. Так, В.Н. Сидоров считает, что отсутствие '*o*' перед СС' объясняется тем, что изменение *e* > *o* происходило «перед лабиализованными или лабиовеляризованными согласными, каковыми твердые согласные были только в положении перед гласными заднего ряда и твердыми же согласными» [Сидоров 1966, 139]. В этой интерпретации также просматривается дистактное влияние переднего гласного на гласный первого предударного

слога. Такое же соотношение гласных *o* и *e* после мягких согласных можно найти в русских говорах и в слоге под ударением – *в'όдро* и *в'έдр'ёю*, *н'όс* и *н'έс'ик*, *наб'ер'ош* и *наб'ер'ес'с'e*, *н'όгова* и *н'ётна*, *м'όрзой* и *зам'ёр'з'н'o*, *цέс'* и *поц'оствоват'* (Пинежский р-н); *ц'орной* и *ц'ёр'н'ен'кой*, *н'обо* и *пон'ёб'йо*, *б'ер'оза* и *б'ер'ёз'н'ик* (Кологривский р-н Костромской обл.). В этих примерах на выбор гласного под ударением равновероятно влияние как следующего согласного, так и гласного.

Характерно, что и А.А. Шахматов связывал изменение *e > o* после исконно палатальных согласных в древнерусском языке (*žota*, *dušo* зв., но *ženē*) с позицией не перед слогом с гласным переднего ряда, что также подразумевает гармонию гласных [Шахматов 1915, 133].

Описывая артикуляционный механизм изменения *e > o* перед переднеязычными согласными в польском, [Klemensiewicz 1955, 77] определяет его как нарушение иерархии переднего и заднего компонентов в артикуляции гласного *e* – после мягкого согласного ослабляется передний компонент, что перед твердым согласным ведет к замене *e > o*. Однако механизм этот реализуется не всегда, поскольку в диалектах отмечено сохранение *e* в таких примерах как *b'edro*, *m'etla*, *p'ełun*, *v'esło*, *v'esna*, *śestra* (с.80). В этом можно видеть знак отсутствия антиципации артикуляции низкого тона, включенной в следующий слог.

В связи с рассматриваемой проблемой показателен приведенный в [Атлас 1957. Вступительные статьи, 401–405] список слов с делабиализацией гласного *у* во втором предударном слоге в русских говорах. Эта делабиализация ни в какой мере не ориентируется на качество соседних согласных. Ср. *пызыр'óк*, *мъжыч'óк*, *пъст'акóв'ина*, *мыхамóрн'ик*, *кръувáи*, *рыкаá*, *зъльб'ин'éйт*, *льгавáйа*, *хъдаш'ш'áв'ин'къи* и под. Р.И. Аванесов считает, что это изменение гласного *у* вызвано «ослаблением и вялостью» его артикуляции во втором предударном слоге [Аванесов 1949, 109], хотя не очевидно, что *ы*, заменяющий *у*, отличается от него меньшей энергичностью артикуляции. Кажется вероятным, по крайней мере для акающих говоров, что в основе изменения *у* лежит стремление унифицировать безударную часть слова по признаку отсутствия лабиализованности гласных.

Уподобление гласных соседних слогов независимо от их ударности/безударности свойственно юго-западным украинским говорам. Это выражается в тенденции сблизить вокальные компоненты слова по уровню подъема и проявляется в изменении *u > i*, *e > u*, *ę* перед слогом с *i* и *o > ɔ* перед слогом с *u*, *o*, *i*. Знакам *ę*, *ɔ* в украинской транскрипции соответствуют *é*, *ó* [Жилко 1963; Бевзенко 1980, 50, 54]. В условия выбора гласного могут быть также включены следующие после гласного согласные палатализованные/палатальные, губные и задненебные. В данном случае имеет

место антиципация высокого или низкого (велярность) тона согласных. Этим устанавливается синтагматическое подобие по тону между согласными и гласными. Эта особенность украинских диалектов конкретно выглядит следующим образом.

hníla > hníl'i, hraníç'a > ḥraníç'i, chaptíia > chaptíi, to и drýhe > idé i сп'iváye, beréza > na beréz'i, çérkva > do çérkv'i, zémyňy > ziml'i, mené > min'i, tom > pøtømu, došic > døjedžju, hоловá > høłovu, kozá > kozí, а также dalí > dalíz'me, pes > nèc's'a, mértyvy > smirt' (Турковский р-н Львовской обл.).

воротílo > na vorotí'i, pižnýç'a > do pižnýç'i, križ > na krížci, pilá > na pil'i, u ného > na néii, do nétpria, namélimе > pomélt'yt, ne mnóho > nè d'lo, n'íd pòsteléy > u pòstil'i, seló > u cil'i, dérevo > na dériv'i, néklo > piš'ít (в этом говоре ч' > ш', дж' > ж'), piš' ýt, hólod > høłon'h'i, móже > mòžju, óre > ór'yt, hоворít > hañçwɔr'y, а также pisáti > piç'mó, merendzáti > merén'ž'e, mér'va//mýr'va, ñáreç'//ñáriç', hоловá > høłójuka (Великоберезненский р-н Закарпатской обл.).

ð'itýna > ð'itín'i, liscíç'a > liscíç'i, níva > na nív'i, mlin > na mlín'i, ýliç'a > na ýlíç'i; víd ného > v'íd néii, ta ýmér > smért', dérevo > derévt'án'i, med > mèd'anñik, chérep > chérépa'a, cùjeta > w cùjët'i; zémyňy > na zýml'u, ziml'á, stélu, steli' > stíl'át, c'a otélit > tyl'á, khrebéti > u xribt'i, na ledú > na lid'i; фронт > na фрón't'i, tórbä > tórbu, róbít > róbl'at, koróva > kørfóka, dólina > døflíñ'i, молодýi > molod'ata, поobzeraťa > poqb'iymáti, по triy > po ðv'i po piňát' ovéç', по нашому > po ýlíç'i (Межгорьевский р-н Закарпатской обл.).

Возможна и такая ситуация, когда межслоговому уподоблению подвергается только, безударный гласный. Так, ý, é > u', i перед слогом с i, i, ý, у реже перед палатализованным согласным и ó > o перед слогом с i, ý – shíti > v'ísh'ik'i, zéml'i > ziml'i, stén > u stíp'n'i, véselo > v'ic'i, é, xlop > xløp'i, góri > u gor'i, novýy > nøyvü, don'ká > døn'ký, tomá ž'inka > tutý žjinku, молодá > molod'i, дворóm > na dvor'i smolá > u smolú (Калушский р-н Ивано-Франковской обл.).

Следует подчеркнуть, что нельзя связывать повышение подъема гласных только с палатализованностью/палатальностью следующего согласного, не принимая во внимание гласный следующего слога. О.Брок, ограничивая рассмотрение изменения e, i, o, u > é, í, ô, ï рамками сегмента VC' в закарпатском (угорусском) говоре, вынужден констатировать известную алогичность этого явления. Он пишет – для переднего гласного указанное изменение означает повышение собственного тона («собственного звука») перед палатализованным согласным, «но для o, u – переход

обозначает понижение собственного звука, т. е. как будто бы удаление от качества, свойственного именно «мягким» звука» [Брок 1910, 157]. Между тем, если учитывать, что после палатализованного согласного следует гласный верхнего подъема, то и повышение гласного в предшествующем слоге выглядит закономерно. Так, Ф. Т. Жилко, фиксируя изменение *o > ô* перед палатализованными согласными в бойковских говорах, отмечает, что особенно заметное сужение гласного *o* происходит перед *i* следующего слога – *дôбр'i*, *вôрôn'i*, *на вôс'i*, *на кôн'i*, *û мôлôц'i*, *бл'îн*, *дôўгôйi* [Жилко 1955, 141].

В [Крывіцкі, Падлужны 1984, 159] показано, что в белорусском восточномогилевском диалекте в безударной части слова после твердых согласных доминирующее положение занимает гласный *u*. В соответствии с этим, безударные гласные, редуцированные по модели диссимиллятивного аканья, изменяются в *u*, если в последующем или предыдущем слоге выступает *u* – *хумуты́i*, *гурбузá*, *бурсук'i*, *кулукá*, *гусукá*, *пувук'i*, *пурушуц'ist*.

Слоговая гармония придает устойчивость фонетике слова, поскольку усложняет структуру связи между компонентами фонетического слова. Естественно предполагать, что связь между рядом стоящими сегментами более проста, чем связь суперсегментная. Именно этим обеспечивается устойчивость диалектных черт, эксплицированных слоговой гармонией. Такая особенность, как диссимиллятивное аканье, практически неустранима в речи даже тех лиц, которые в остальном демонстрируют орфоэпическую норму.

Для устранения ёканья и умеренного яканья должно быть нарушено подобие между предударным и ударным слогом, а не подобие между предударным гласным и последующим согласным, т. е. должен быть изменен динамический стереотип слова, согласно которому в линейной звуковой последовательности предударные '*o*', '*a*', произносясь раньше ударного слога, уже несут информацию о нем. Также и коррекция украинской слоговой гармонии означает не просто замену отдельных сегментов звуковой последовательности, а изменение фонетической программы слов. Поскольку фонетическая программа – это план-намерение, сформулированный до произнесения слова, то и предполагаемая коррекция связи между гласными разных слогов должна предусматриваться этим планом. Можно считать, что без специальной коррекции произношения это не всегда достижимо.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в русских диалектах известна ситуация, когда слоговая гармония обнаруживает свой потенциал только при условии нарушения традиционной вокальной модели слова. Известно, что при разрушении оканья под влиянием аканья актуализируется связь между качеством предударного и ударного гласного. Описание этого дано в [Пауфошима 1978; Кириллова, Новикова 1988]. Этую информа-

цию можно дополнить фактами, полученными при обследовании одного алтайского старообрядческого говора [Калнынь, Масленникова 1995, 68]. Анализ речи одного информатора показывает, что при нарушении модели оканья под влиянием аканья выбор предударного *o* и «не *o*» после твердых согласных ориентирован на подобие с гласным слога под ударением.

Перед слогом с *i* – *розойд' i'm'ec'*, *толч'i* (inf), *мол'icца*, *вос'ем оғн'if*, *пакостл'ivы*; *обат'm'i* (inf), *агн'ива*, *хъльд'il'n'ik*, *тътп'исывал'i*, *къръв'i*:

перед слогом с *ы* – *полторы*, *з головы*, *во"ды*, *машыт'* (=мшыть);

перед слогом с *é* (*ê*) – *пор'езана*, *поїехала*, *поїхай*, *забол'ёла*, *забал'ёл*;

перед слогом с *ú* – *во лбú*, *стойф*, *оддохнуу*, *фторуу*, *моиу*, *кому*, *росту́т*, *посту́п'iш*, *посу́да*, *допуст'ем*, *в одн'ём году*, *иа т'иду*;

перед слогом с *é* – *кон'ёц*, *софс'ём*, *вот ёта*, *в одн'ём*, *ат'ёс мáт'* (в говоре *ц > c*);

перед слогом с *ó* – *воротца*, *под'иом*, *подсолных*, *грузовой*, *мозгóф*, *дорог'i*, *колот'ат*, *гл'e ковó*, *роботат'*, *роботн'ик*, *попросит*, *горошкам*, *столовой*, *морос*, *работу*, *у братавиоф*, *а ёто кавó*, *въз'm'ом*, *котóру*, *с водой*;

перед слогом с *á* – *роскопа́ла*, *спор'ад*, *йеросла́ф*, *росп'ат'ие*, *пошлá* и *за двум гарам*, *на скълах*, *мазгá*, *б'ез ациá*, *тавár*, *пакаст'ат*, *аддáж дак*, *по"гáной*, *ф то"рфá*, *въинá*, *къгдá*.

Приведенные примеры показывают, что «не *o*» в предударном слоге представлен не только гласным *a*, но и *ъ* (утрата лабиализованности без понижения подъема), *o"* (уменьшение лабиализованности к концу гласного).

Сохранению лабиализованности благоприятствует антиципация лабиализованного гласного в слоге под ударением. В этом случае может даже происходить усиление лабиализованности предударного гласного (*o > o"/ð*). Произношение же *a* преобладает перед слогом с *á*. Можно даже найти примеры позиционной мены предударных *o* и *a* в зависимости от качества гласного под ударением – *стойу* и *стайлáт*, *мазгá* и *мозгóф*.

Проявляющаяся при разрушении оканья связь между предударным и ударным гласным актуализирует дистактные связи между гласными в фонетическом слове. При соблюдении правил оканья выбор предударного гласного ни в какой мере не содержит ориентацию на гласный в слоге под ударением. При нарушении оканья такая ориентация появляется, задерживая в определенных случаях предударный гласный *o*. Таким образом, включение дистактных связей в фонетическую программу слова препятствует генеральному вытеснению предударного *o* и выступает как стабилизирующий фактор диалектной фонетики. Это свидетельствует о том, что

вокальный компонент программы слова обладает определенным стабилизирующим потенциалом, который актуализируется при появлении синтагматических новаций в организации звуковой последовательности. Благодаря этому какое-то время элементы старой вокальной модели слова и синтагматические новации, направленные на разрушение этой модели, сосуществуют.

Вариант этой ситуации можно найти в македонских говорах, описанных в [FO]. Здесь в позиции после гласного происходит изменение *i* > *j* (*j*). Реакцией на это в программе слова является удлинение гласного перед *ij* из *i*, т. е. '*ne:idi* < *ne idi*, '*ne:igraj*, '*če:ica* < *čežica*, *s'na:i*, '*vujče:i* < *vujčei* <*vujčevi*, *laš'to:ica*, *ku'če:i mače* (= *kuče i mače*) (№ 92); *g'la:j*, '*lebo:oj*, *p'rā:ij*, *su:oj* (<*suvi*), '*vuoče:j* (№ 97), '*le:j*, '*sure:j* < *surevi*, '*guve:jt*, *s'na:j*, *se'ka:ja:ca* < *sekavica* (№ 99). При этом долгий гласный репрезентует две моры и в соответствии с этим ударение сохраняется там же, где оно было до изменения *i* > *j*. Так, в [FO № 109] имеется тенденция ударения на предпоследнем слоге. В соответствии с этим – *raz'bo:ij* (pl) и '*razboj*, *sla've:j* (pl) и *s'avej*, *no'žo:i* < *no'žovi*, *kla'so:i* < *kla'sovi*, *o're:j* и '*orex*. Двухморность продленного гласного является как бы знаком памяти о той модели слова, которая была актуальна до девокализации гласного *i*. В [FO № 101] в сферу такого же распределения ударения включены результаты стяжения гласных *u'ba:ta* < *u'bavata*, *ne'go:to* < *ne'govoto*, *ras'sto:ri* < *ras'tovari*.

По иному можно квалифицировать компенсационное удлинение гласного при утрате спиранта *x*. В [FO № 98] двухморность такого гласного подтверждается его последующим расчленением на два гласных, т. е. *mexlem* > *me:lem* > *mee'lem*, *boxča* > *bo:ča* > '*booča*, *duxna* > *du:na* > *duu'na*. В этом случае удлинение гласного выступает как способ стабилизации числа сегментов (звуков) образующих слово вообще, а не только его вокальную часть.

Придание слогового статуса сонанту в группе tSon, образовавшейся вследствие утраты интерконсонантного гласного, также можно расценивать как компенсацию вокальной потери в слове. В словенском говоре [FO № 8] – *mi:sl*, *sé:dm*, *vásm*, *uzi:yn*, *usé:kn*, *bvádl*, *ni:tjm* (D pl). Появление слогового сонанта в подобной ситуации часто объясняют недопустимостью восходящей сонорности в конце слова. Но под это объяснение не подходит появление слогового сонанта в соседстве с сонорным согласным. Так, в сербских говорах [FO] – *zapá:lli* (<*li*), *bólla*, *podvá:lli*, *progónli* (№ 49), *pr'l'as*, *pr'l'ika*, *masl'na* (№ 73), и даже совмещение двух слоговых сонантов в слове – *prvr:'nujo* < *prev* (№ 75).

В словенском говоре [FO № 11] отмечен и такой вид компенсации вокальной потери, когда гласный утрачивается после сонанта, а взамен во-

кальная артикуляция развивается перед сонантом – *kər'zi:št'e* (< *riž*), *zékər'ča:la* (< *rič*), *dər'ya:čin* (< *rug*), *dər've:na*, *pərtφče'ra:šnin* (< *ret*), *stər'Si:na* (< *raš*), *ərsi're:šena* (= *rastresena*), *yi'se:vənca*.

Примечательно, что стремление стабилизировать вокальный состав/каркас слова в качестве реакции на синтаксические изменения обнаруживается в разных регионах Славии в диалектах разной типологической характеристики – в «радикально консонантических» русских говорах и «радикально вокалических» [Исаченко 1963, 115] словенских говорах.

3.2. О линейной направленности изменения гласных в звуковой цепи

3.2.1.

Явление аккомодации гласных

Рассмотренные выше факты синтагматически обусловленных изменений гласных в звуковой цепи реализуются в сегментах более длинных, чем сочетание гласного и согласного. Темой данного раздела являются модификации гласных, происходящие в сегментах типа CV и VC. С точки зрения их линейной направленности эти модификации являются прогрессивными (развитие изменения слева направо) и регressiveвыми (то же справа налево) и эксплицируют, соответственно, контактную связь гласного с предшествующим согласным и дистактную связь – с последующим согласным.

По определению [Бондарко 1977, 93], изменения гласного в сочетаниях CV, VC отражают временное соотношение моментов включения артикуляционного механизма согласного и гласного – «в сочетании «согласный + гласный» изменение гласного вызвано инертностью артикуляционных органов, запаздывающих с перестроением своего положения; в сочетании «гласный + согласный» влияние согласного на гласный может быть вызвано тем, что артикуляция согласного начинается раньше, чем кончается артикуляция гласного». Это определение можно интерпретировать как артикуляционный эквивалент контактной и дистактной связи интерконсонантного гласного с соседними согласными.

Как было сказано, контактная и дистактная связь гласного с согласным по-разному маркированы хронологически.

Известно, что в славянских языках/диалектах, имеющих палатальные/палатализованные согласные, гласные аккомодируют этим со-

гласным. Приспособление экскурсии гласного к рекурсии предыдущего палатального/палатализованного согласного реализует прогрессивную аккомодацию – в этой позиции непередний гласный в своем начале приобретает *i*-образный тембр ($C'V > C''V$). Приспособление рекурсии гласного к экскурсии последующего палатального/палатализованного согласного создает *i*-образный тембральный отрезок в конце гласного ($VC' > V'C'$). Как показано в [Кузнецова 1965, 15], движение от *i*-образного участка к центру непереднего гласного и, наоборот, от этого центра к *i*-образному участку проходит через серию модификаций тембра гласного. Так, в сегменте *t'at* гласный *a* претерпевает изменения тембра по линии *i – ī – ē – e – ē – ā – a*; в сегменте *tat'* – по линии *a – ā – e – ē – ī*; в сегменте *t'at'* – по линии *i – ī – ē – e – ē – ā – a – ī – ē – ī – ī* (запятая под знаком в этом случае обозначает более широкое образование гласного).

Артикуляционно-акустическое изменение гласного может быть вызвано соседством губных (веляризованных) и назализованных согласных. У нелабиализованных гласных после губного согласного образуется переходный участок типа *o* (*a'*). В соседстве с назальными согласными элемент назальной артикуляции накладывается на гласный.

Модификацию гласных в соседстве с мягкими согласными в русском языке Р.И. Аванесов определяет как реализацию параллельных, не-пересекающихся чередований гласных (например, *a/a·//·a/ā* в *рад*, *рать*, *ряд*, *рядь*) [Аванесов 1956, 26]. Оттенки таким образом чередующихся гласных в сознании говорящих остаются в пределах «зоны рассеивания» соответствующего гласного и аудитивно не воспринимаются.

Но в славянских языках/диалектах реакция гласных на соседние согласные может не ограничиваться аккомодацией, а проявляется в изменении основной артикуляции гласного. Происходит аудитивно воспринимаемая замена одного гласного другим. Это явление славянской фонетики представлено достаточно разнообразно.

3.2.2.

Прогрессивное изменение гласных в сегменте CV

В позиции после палатального/палатализованного согласного гласный *a* заменяется более высоким и узким гласным, чем реализуется прогрессивно направленное изменение в фонетической последовательности.

В юго-западных украинских говорах региона Карпат позиционный статус мени гласного *a* обнаруживается в составе флексивных морфем, оформляющих твердую и мягкую парадигмы. Так, *стулá* (род.ед.) и

рубл'е, вудá и зімл'е, шуфíра и зáр'i (=зябь), нічá шóлува и німá здурóвї (Мостиский р-н Львовской обл.); *холовáми* и *вівц'éми*, *по сéлах* и *на йáйц'ех*, *на кóн'ех*, *два в'ідрá* и *два дн'е*, *спráва* и *нош'i*, *тотá* и *с'ic'é жéнка* (Раховский р-н Закарпатской обл.). В дофлексивных морфемах, постоянно имеющих передний гласный вместо *a*, в синхронном плане ничего не указывает на связь между этими гласными (*д'ек*, *пол'éна*, *стp'it'éти*, *вод'énka*).

В приведенных примерах гласный *a* и его замены являются континуантами **a*. В украинской диалектологии принято считать, что произношению *и*, *e*, *i* на месте **ē* также предшествует стадия *a* [Жилко 1955, 147]. Между тем, правдоподобным кажется предположение о несовпадении первичных рефлексов **ē* и **a* именно в юго-западных украинских говорах (ср. в этой связи [Залеський 1970, 37–70; Попова 1994, 286]). Сопоставление континуантов **a* и **ē* в одном гуцульском говоре (не эксперции из разных диалектов) дает основание считать, что первичным рефлексом **ē* может быть гласный “не *a*” [Калнынь, Масленникова 1995, 146].

Однозначность связи переднего гласного на месте **a* с предшествующим палатализованным согласным особенно выразительно проявляется в позиции после передненебных шумных согласных. В этом случае сочетание согласного с гласным функционирует как целостный комплекс. Перед гласным *a* допустимы только *ш*, *ж*, *ч*, а перед передним гласным – только *ш'*, *ж'*, *ч'*. Взаимная мена гласных автоматически сопровождается меной согласных и наоборот мена согласных влечет за собой мену гласных – *держ'ék* и *hуничáк*, *леж'éти* и *уважáти*, *ерж'é* и *ержá*, *душ'é* и *латшá*, *наш'i* *нош'i* и *éнша спрáва* (Путильский р-н Черновицкой обл.).

Отдельно следует выделить позицию после *й/j*. В гуцульском говоре Раховского р-на в этой позиции отсутствует сужение гласного *a*, хотя то же изменение широко представлено после других палатальных и палатализованных согласных, т. е. *д'ек*, *ус'éко*, *н'éн'o*, *скл'énka*, *пол'éна* и т. п., но – *йáhn'e*, *йáма*, *йáзва*, *йáичерка*, *йáк*, *на йáйц'ех*, *йáрмó*, *йáмч'éти*, *йáлейá*, *стáйа*, *шéйа*, *с'йáнка*, *йáзва*, *йáблекo*, *йáрка*, *йáв'ip*, *нейáкоho*. Как известно, особенностью палатального спиранта в прасл. было его поникающее влияние на следующий гласный переднего ряда – в [Мейе 1951, 98] это называно «дифференцирующим воздействием на гласные переднего ряда». Своебразную, хотя и весьма отдаленную, аналогию этого можно видеть в указанной особенности гуцульского говора. Палатальный спирант как бы дистанцируется от следующего непереднего гласного, чему, вероятно, соответствует слабая аккомодация гласного предшествующему спиранту.

Сужение гласного *a* после палатальных/палатализованных согласных независимо от качества последующего сегмента (пауза, твердый, мяг-

кий согласный) является чертой, отличающей украинские говоры зоны Карпат от остальных восточнославянских диалектов. И, напротив, этой чертой украинские говоры обнаруживают сходство с диалектами юго-западной Славии.

Как отмечает [Селищев 1941, 92], особенностью говоров чешской и словацкой группы было “палатализующее воздействие мягкого согласного на образование следующего гласного”, следствием чего стало изменение *a* > *ä* – *voják(ъ)*, *čäs(ъ)*, *čäšä*, *vol'ä*, *von'ä*. В дальнейшем эта модификация гласного *a* могла подвергаться позиционно обусловленным изменениям [Stanislav 1958, 380]. Связь между гласным *a* и его заменой после исконно палатального согласного просматривается при сопоставлении флексий твердого и мягкого вариантов именной парадигмы в чешском – *žena* и *duše*, род.ед. *chlapa* и *oráče*, *okna* и *moře*, *ženami* и *dušemi* [Lamprecht 1968, 67]. Именно в позиции конца слова, по мнению [Селищев 1941, 93], изменение *a* наиболее очевидно «происходило только в зависимости от предшествующего согласного». Такое фонетическое оформление флексий сходно с упомянутым выше явлением в украинских говорах. Поскольку сужение гласного *a* после согласных высокого тона нас интересует в сопоставлении с украинскими диалектами, где рассматривалась синтагматика континуанта **a*, то и из других диалектов приводятся примеры с этим прасл. гласным и не принимаются во внимание рефлексы **e*, совпадающие с *a*. Можно лишь заметить, что в словацких говорах *a* из **e* после **j* сохраняется вопреки тому, что позиция после согласных высокого тона требует изменения *a* > *e* – *jahňe*, *jasl'e*, *zajáč*, *jatelina* [Stanislav 1958, 402; Попова, Пожарицкая 1990, 174]. Ситуация похожа на сохранение *a* после *j* в украинском гуцульском говоре.

Сужение гласного *a* после палатального/палатализованного согласного свойственно болгарским и македонским говорам. В блг. – *чеша*, *грънчер*, *чес*, *шéнка*, *овчér*, *дъщер*'é, *дъл*'é, *каш*'é, *наш*'é, *ч*'éш'é [Стойков 1969, 13; Мирчев 1978, 134]. В мак. – *žeba*, *žehna*, *žeren*, *žesa*, *e'sika* < *jasika* [FO № 108; Видоески 1998, 108]; *водени'чär*, *кł*'у'чärka, *жäба*, *у'мäk*, *ny'läna*, *no*' ча̄с, *ш'ерену*, *јесли* [Конески 1965, 47; Видоески 1999, 13].

Сходное явление отмечено в отдельных случаях в [FO] в описаниях словенских говоров. Так, *a* > *e*, *ä* после палатальных согласных *s'vi:ńe*, *p'luče*, *'go:še* (= *gošča*), *m'rieże*, *'kuožq//kuože* (№ 10); *əlvè:čer*, *vè:je*, *garče* (№ 16); *a* > *e* – *'je:st* (= *jaz*), *če:* (= *tja*) (№ 12).

Вне юго-западного региона изменение *ja* > *je* в начале слова в некоторых польских говорах отмечает [Klemensiewicz 1955, 94] – *jesnyj*, *jegły*, *jeskinia*.

Украинские говоры, обнаруживая сходство с говорами юго-запада Славии в отношении реакции гласного *a* на предшествующий согласный высокого тона, в то же время отличаются от названных говоров тем, что в украинских говорах контакт с названными согласными не имеет последствий для гласных верхнего подъема.. Имеются в виду такие явления, как делабиализация и передвижение в передний ряд *u > ū > i* в чеш. и слцк. [Lamprecht 1986, 70; Stanislav 1958, 449] и, напротив, лабиализация *i > u* в блг. и мак. [Мирчев 1978, 143; Видоески 1999, 60]. Можно заметить, что в этих случаях реализуется разное отношение гласного к предшествующему палатальному/палатализованному согласному – артикуляционное сближение (*u > i*) и артикуляционное отталкивание (*i > u*).

Прогрессивно направленное ассимилирующее воздействие на гласный оказывают и согласные низкого тона – губные и задненебные. В этом плане среди восточнославянских диалектов выделяются белорусские восточнополесские говоры. Здесь представлена лабиализация гласного *ы* после губных согласных – *ву*, *му*, *бук*, *мұло*, *кобұла*, *рабұ* (=рябой), *н'емұ*, *с'енүе*, *рабұх*, *вұқ'инуұ* [Крывіцкі, Падлужны 1984, 225]. Возможна ситуация, когда лабиализация гласного *ы* происходит в дофлексивных морфемах, а в во флексиях гласный *ы* после губных сохраняется – *вұннаң*', *муш* (=мышь и муж), *бук* и *с'апың*, *кұптың*, *кұбыбы*, *хл'авы*, *дамы* (Лунинецкий р-н Брестской обл.).

В [Крывіцкі, Падлужны 1984, 195] в описании фонетики восточномогилевского говора сказано, что здесь в условиях диссимилиативного аканья безударный гласный *ы* (из *ы*, *а*, *о*) изменяется в *у* между губными согласными – *пұбрәл'i*, *пұпаша*, *бумб'аң'*, *муұчаң'*, *змұвáң'* и под. Но при рассмотрении позиции между негубным и губным согласным выясняется, что для появления гласного *у* все-таки приоритетное значение имеет предшествующий губной согласный, поскольку после негубного согласного перед губным чаще произносится *ы*, а не *у* – *сыбáка*, *кымáр*, *зыбраұ*, *тывáр*, *сывá*, хотя и *лұмáұ*, *тұвáр'иш*.

Лабиализующее воздействие губных согласных на следующий гласный *ы* отмечено в некоторых карпатских говорах. Но, в отличии от белорусской ситуации, гласный *ы*, за некоторым исключением, не заменяется лабиализованным гласным, а лишь получает элемент *o*-артикуляции. Так в бойковском говоре: *пý"сок*, *бý"к*, *кобý"ла*, *вы"мы"ти*, *збы"тковаұ*, а также после веляризованного латерального согласного – *колý"ска*, *слы"зá* (Турковский р-н Львовской обл.). В [Бевзенко 1980, 52] приводятся примеры *бы"ұ*, *мы"ш*, *кобý"ла*, *вы"росла*, *н'имы"й*. В [Жилко 1955, 141] к этому добавлены *вóтрíшчило*, *вóиче*(=вище), но при этом не исключается появление *ы"* и после негубных согласных – *сы"н*, *ры"бы*.

Ситуация, сходная с белорусской, имеет место в серболужицком регионе. В нижнелужицких диалектах контактная связь между гласным и предшествующим согласным отражена в синтагматике гласного *u* (**u*). В [SS 13] даны карты, на которых показаны диалектные различия, связанные с употреблением гласного после губных согласных. В части н-луж. диалектов фиксируется изменение *u* > *i* после инициального *w* – *wudra*, *wiś*, *wum'e*, *wudojena*, *wudać*. Гласный *u*, лабиализуясь, может артикуляционно сливаться с билабиальным спирантом и в начале слова произносится только *i* – *isok'i*, *im'e*, *ikniś*, *isenius*. Перед этим *i* возможно появление протетического *h* – *hušv* [SS 13, 59].

На то, что лабиализация *u* отражает достаточно архаические синтагматические связи, указывает следующее обстоятельство. Изменение *u* после инициального *w* касалось только **u*, а тот же гласный более позднего происхождения в той же позиции не подвергался лабиализации – *wuz*, *wyda*. В верхнелужицких диалектах изменение *u* > *i*, *ó* происходит после любого губного согласного – *wihon*, *wudra*, *wulēze*, *pisk*, *putać*, *bucķ*, *musl'e*, *wōp'erk*, *wóprajeno*, *módlo*, *bólo* [SS 13, 62–64].

Иные результаты синтагматической активности согласных низкого тона представлены в польских диалектах. Здесь, как показано в [OF 1983], губные и задненебные согласные усиливают лабиализацию следующего гласного *o*, что выражается в образовании ɿ-призыва перед *o* – *v^hosk*, *x^hory*, *k^hsyk* (№ 282), *b^hoćon*, *k^horyta*, *m^hotel* (№ 309), *k^hot*, *sx^hova*, *p^hole*, *k^hon'a*, *g^hora* (№ 318) и др. В [OF 1982, 129] подобная ситуация определяется как «антиципация лабиализованности», которой особенно способствует позиция после РК (губные и задненебные согласные) и в начале слова, хотя есть и такие говоры, где то же изменение позиционно не ограничено. Как сказано в [Klemensiewicz 1955, 96], в польских диалектах *r̥uoł*, *k̥uość* – повсеместно, *r̥ośće*, *d̥obry* – часто, *s̥ostra*, *ć̥otka* – редко.

Влияние губного и задненебного согласного на следующий безударный гласный *o* ведет к его сужению в *u*, *ø* в словенских говорах, описанных в [FO] – *pu'ya:ča*, *pøy're:p*, *kɔ'si:lø*, *'la:kut* (№ 5), *ku'bí:lca*, *yu'se:vñeca*, *tu'ž a:nø* (= *možgani*), *ku'lɔ:r*, *pøy're:p*, *spɔm'la:t* (№ 11).

Сужение безударного *o* > *u* после губных и задненебных согласных отмечено и в македонском говоре – *'vikum*, *'jaguda*, *gu'lem*, *ku'ga*, *gu'vec*, *puz'der* (FO № 104).

Эта ситуация отличается от тех видов безударного вокализма, когда в безударном слоге происходит сужение гласного *o* независимо от качества соседних согласных, как это имеет место, например, в украинских, болгарских, македонских говорах.

Рассмотренные изменения гласных в пределах сегмента CV обусловлены контактной связью гласного с предшествующим согласным и поэтому могут ассоциироваться с более архаической организацией звуковой последовательности, когда полем реализации синтагматических связей был слог.

Изменения гласных в сегменте CV могут быть как проявлением синхронной звуковой синтагматики ($a > e$ после t' , $o > "o$ после P, K), так и лишь фактами исторической фонетики. Среди этих фактов есть достаточно редкие явления. Например, $a > e$ после вибронта r в пол., слцк. [Селищев 1941, 326; Stanislav 1958, 392], влияние губных согласных на рефлексацию последующего * \dot{e} в словацких говорах – гласный e , а не a (*meso, peta, sveti:*) [Попова, Пожарицкая 1990, 174], специфическое развитие * \dot{e} после r в южнославянском регионе [ОЛА 1988, 158].

Изменение гласного под воздействием предшествующего согласного в славянских диалектах не относится к числу распространенных явлений. Оно полностью отсутствует в русских диалектах. По мере движения на запад появляются факты уподобления гласных предшествующему согласному. Синтагматически актуальное изменение такого рода предполагает сохранение в идиоме памяти о характере тех связей в сегменте CV, когда звуковая последовательность складывалась из открытых слогов и гласный ориентировался на предшествующий согласный. Исходя из этого можно считать, что память о старых отношениях в сегменте C'V (высокий тон) сохранялась на юго-западе Славии и в примыкающих к этому региону украинских гуцульских говорах, а в сегменте PV, KV (низкий тон) – на северо-западе Славии и в примыкающих к этому региону белорусских говорах.

3.2.3.

Регрессивное изменение гласных в сегменте CV

Регрессивное воздействие согласного на гласный в сегменте VC, когда для образования гласного приоритетное значение имеет антиципация следующего согласного, распространена в славянских диалектах достаточно широко.

Позиция перед следующим м я г к и м согласным (палатализованным/палатальным) способствует повышению/сужению гласного, выступающего перед твердым согласным.

В русских говорах такое синтагматическое воздействие мягких согласных определяет рефлексацию * \dot{e} ($t'\dot{e}t - t'iit'$), изменение a (< * \dot{e} , * a) в e [ДАРЯ 1986. Вступительные статьи, 139, 145]. Безальтернативное значение мягкого согласного для изменения гласного эксплицируется в том случае,

если за мягким согласным не следует гласный, т. е. *gr'áznyj > gr'éc'*, *n'ámyj > n'ém'*, *kn'ec'*, *gul'éj*, *xoz'éjka*, *kł'éd'ba* [Атлас 1957. Вступительные статьи, 452]. Если же за мягким согласным следует гласный, как правило, передний, то не исключено, что сужение гласного ориентировано не только на уподобление мягкому согласному, но шире – следующему слогу высокого тона. Это можно предполагать в таких примерах, как *m'ék'issi*, *vz'éj'i*, *kł'én'c'um*, *sm'ejéj'is'*, *d'éd'ej*, *pr'éd'iva*, *c'n'áj'i*, *m'ałt'h'icza* [Атлас 1957, 452]. Ситуация сходная с той, которая выше рассмотрена в связи с моделью ёканья и умеренного яканья в русских говорах.

О том, что чешская перегласовка *a* (*ä*) *> e* обусловлена как согласным, так и качеством гласного в следующем слоге сказано в [Селищев 1949, 93] – «перед слогом с гласным переднего ряда, т. е. перед мягким согласным, *ä* *> e* и *ä* *> a* перед слогом с непередним гласным, т. е. перед твердым согласным». В подтверждение этого же в [Stanislav 1958, 400, 401] приводятся примеры *přadu* и *předeš*, *držal* и *držeti*, *svatý* и *světi*, *zemanót* и *zeměné*.

Изменение *a* (*< *a, *ę*) *> e* перед палатализованным/палатальным согласным свойственно верхнелужицким диалектам и происходит в одних морфемах регулярно, а в других факультативно. Примеры этого – *r'ad* и *na r'edže*, *wojak* и *wojekí*, *pol'ak* и *pol'ek'i*, *l'aty* и *l'eče*, *pšadu* и *předěš*, *jehn'o*, *jejko*, *ječmjen'*, *wowcer'*, *kšesćan* и *kšesćen'o*, *džeržach* и *džeržeše* [SS 13, 192].

Такого же рода вокальное изменение препрезентует свойственный северо-восточным болгарским говорам «преглас» *a* (*< *ě, *a*) – *gul'ám* и *gul'ém'i*, *b'az* и *b'él'i*, *n'iyán* и *n'iyéñ'i*, *ż'áb'a* и *ż'éb'i*, *ł'átu* и *ł'ém'an*, *m'ástu* и *izm'ést'ian* (примеры из [Калнынь, Попова 1993, 92]).

Во всех рассмотренных случаях сужающее воздействие согласного на предшествующий гласный *a* как бы поддерживается высоким тоном (палатализованностью/палатальностью) согласного перед гласным (в ДАРЯ изменение *a* *> e* связано именно с позицией «между мягкими согласными»). Роль мягких согласных могут выполнять отвердевшие палатальные, манифестируя тем свою прошлую синтагматическую роль. Между тем подтверждением того, что приоритетное значение для сужения гласного *a* имеет именно последующий мягкий согласный, является отсутствие этого сужения на конце слова в русских говорах – *gr'éc'*, но зем'á, *zm'ejá*, род. кон'á и под. Как показано выше, в укр. и чеш. изменение *a*, вызванное предшествующим согласным, происходит и на конце слова.

Однозначная ориентированность сужения гласного *a* на следующий сегмент высокого тона имеет место в позиции после твердого согласного, что отмечается достаточно редко. Так, в польских говорах *a* *> e* после любого согласного перед тавтосилабичным *j* – *dej*, *džišej*, *godejče* [OF № 282], *celejta*, *fćorej*, *tutej*, *grej* (№ 291). В чешском – *volej*, *vejce*, но *vajec*,

nej- (суперлятивная частица), *stejnъ*, *dej* [Stanislav 1958, 401; Селищев 1941, 94].

В украинских и белорусских диалектах сужение гласного *a* в зависимости от последующего согласного высокого тона не происходит.

Но в украинских бойковских говорах (юго-запад) перед мягким согласным возможно сужение *e > ē (e)* – *отéц'*, *хлóпéц'*, *жнéц'*, *дéн'*, *чéтвéр'* [Жилко 1955, 141].

Аналогичное явление известно и в русских говорах, но при этом гласному *e* предшествует мягкий согласный – *ч'итв'ýр'к', п'íч'ку* (вин.), *ст'íн'*, *д'íн'*, *д'íн'и*, *топ'íр'*, *Ф'íт'ка*, *п'íч'*, *тв'éр'*, *евр'éй*, *т'íс'т'*, *св'íр'ху*, *ч'íс'* (=честь) и т. п. [Атлас 1957. Вступительные статьи, 432]. Распространение этой черты в русских говорах показано в [ДАРЯ 1986, карта № 41]. ТERRITORIALЬNAYA связи по этому признаку между бойковскими и русскими говорами нет.

Явление, подобное русскому, отмечено в польском говоре – *e > i* после мягкого согласного перед *n'*: *p'in'*, *"og'ij*, *džin'* [OF 1983, № 301], а также *korv'in'c*, *malin'k'i*, *p'in'odze* (кашубские говоры) [Селищев 1941, 324].

В применении к бойковским говорам [Жилко 1955, 141] допускает сужение *o > ô (ø)* перед мягким согласным. Однако здесь речь идет не об уподоблении гласного по высоте тона, а скорее по напряженности, свойственной мягкому согласному. Но независимость такого изменения от гласного следующего слога показывают только примеры *górc'ú*, *molôd'bá*. В примерах же *rózum*, *dôbr'í*, *vôrôn'í*, *na kón'í* нельзя исключить уподобление *o* гласному следующего слога.

Сужение *o > ø* перед *j* отмечено в македонском говоре [FO № 99] – *s'tqjte*, *po'čojna*, *t'rɔjca*, *'gojdo*, *'kojnar*, а в № 101 сужение *a > ^* перед *j* – *pr^j*, *tk^j*.

Синтагматическое значение твердых согласных с точки зрения их воздействия на предшествующий гласный в славянских диалектах более разнообразно, чем то же значение мягких согласных. Это проявляется не только в наличии/отсутствии такого воздействия. В случае синтагматической активности твердых согласных они могут выступать как в качестве представителей одного класса, так и дифференцироваться в зависимости от места и способа образования. Антиципация твердого согласного может стабилизировать артикуляцию предшествующего гласного или, наоборот, вызывать его изменение.

В русских диалектах поствокальные твердые согласные с точки зрения их синтагматической роли не дифференцированы по месту и способу образования. Перед твердыми согласными сохраняются архаические рефлексы *é (é, ie), не изменяется *a* после мягкого согласного.

В то же время перед твердыми согласными происходит передвижение к заднему ряду и лабиализация гласного *e* (из **e*, **b*) и замена его гласным *o*. При изменении *t'et* > *t'ot* синтагматическое значение твердого согласного оказывается выше, чем значение предшествующего мягкого согласного *o*. Изменение *e* > *o* в позиции *t'-t* означает ослабление контактной связи гласного с предшествующим согласным и усиление антиципации следующего твердого согласного (дистактная связь). При этом однозначное воздействие твердого согласного проявляется в том случае, если за согласным не следует гласный, т. е. исключается возможность межслогового уподобления, т. е. *n'ec'ik* и *n'os'*, *n'eu'* и *n'ok'*, *d'én'* и *d'ón'*, *omr'éat'ivam'* и *r'óf* (Пинежский р-н).

Изменение *e* > *o* провоцируется фонетическим контекстом, но, как считается, оно имеет и фонологическую подоплеку. После падения редуцированных гласных *e* и *o* функционально отождествились, поскольку вступили после твердых и мягких согласных в отношения дополнительного распределения на средней ступени подъема, т. е. *to-t'e*. Это и способствовало лабиализации *e* перед твердым согласным [Горшкова, Хабургаев 1981, 84]. Тем не менее, и в рамках этого объяснения приоритетным остается факт воздействия последующего согласного на предыдущий гласный, чему особенно способствовало их объединение в рамках одного слога после падения редуцированных – *n'e/s'c' > n'ec > n'os* [Иванов 1983, 197]. Произношение гласного *o* на месте *e* имеет место и на конце слова, т. е. перед паузой (*vc'ó*, *моjó*, *b'ej'yo*). Пауза не имеет свойств твердого согласного и поэтому сама по себе не может вызвать лабиализацию (понижение тона) предшествующего гласного. Поэтому принято считать, что в этих случаях гласный *o* не является результатом фонетического изменения, а вызван морфологической аналогией [Горшкова, Хабургаев 1981, 86; Иванов 1981, 196].

В украинских диалектах сходное воздействие твердых согласных на предшествующий гласный проявляется в виде лабиализации *e* (из **e*) в новом закрытом слоге – например, *w'öz*, *l'üeh*, *n'ös* [Жилко 1963, 16].

Твердые согласные в своем воздействии на предшествующий гласный не дифференцированы и в нижнелужицких диалектах. Здесь перед твердыми согласными любого ряда 1) *e* (**e*) > *o* – *šopły*, *šota*, *sotsa* (отвердение *s'*), *scogno*, *mloko*, *ścodry* *sr'oda* и под. и 2) *e* (**e*, **b*) > *a* – *br'aza*, *ja-zoro*, *p'jakar'*, *ścakły*, *żasety*, *kyl'aso*, *kl'apasć* [Калнынь 1970, 12, 33].

В польском изменение *e* в *o*, как и континуанта **ě* в *a*, происходит не перед любым твердым согласным, а только перед переднеязычными, т. е. *d*, *t*, *z*, *s*, *n*, *ł*, *r* (исключения в этом плане единичны) [Klemensiewicz 1955, 77, 82]. Отсутствие такого изменения перед губными и задненебными согласными может показаться нелогичным, поскольку именно эти согласные, обладая низким тоном, могли бы вызвать лабиализацию пред-

шествующего гласного. Эта ситуация может иметь следующее объяснение. Уподобление гласного последующему согласному предполагает ослабление контактной связи гласного с предшествующим согласным, с одной стороны, и включение дистактной связи со следующим согласным, с другой. Для этого контраст между гласным и следующим согласным не должен быть настолько велик, чтобы это стало препятствием на пути ослабления/нарушения контактных связей гласного с предшествующим согласным. Вероятно, именно соседство переднего гласного со следующим губным, задненебным согласным (лабиовеляризованность, максимально низкий тон) характеризовалось таким высоким уровнем контраста между ними по высоте тона, что это способствовало укреплению контактной (архаической) связи *e* с предшествующим мягким согласным высокого тона. (Ср. нижнелужицкую аналогию, когда в позиции Р/К-Т гласный *o* сужается в *ó*, отталкиваясь от следующего нелабиовеляризованного согласного). Переднеязычные согласные не находились в столь резком контрасте по высоте тона с предшествующим передним гласным *e*. В этих условиях включалась антиципация твердого согласного при образовании предшествующего гласного, что и вело к изменению *e* в *o*.

В польских диалектах дифференцирована рефлексия прасл. носовых согласных в зависимости от качества предшествующего согласного. Так, **ɛ* имеет разные континуант перед латеральным сонантом, перед твердым смычным, перед мягким смычным, перед фрикативным согласным [Попова, Пожарицкая 1990, 173]. Но различия между рефлексами **ɛ* не касаются тембра гласного, а относятся только к назальному компоненту артикуляции.

Среди твердых согласных лабиализующее воздействие на предшествующий гласный могут оказывать губные спиранты *ŷ, w, v*.

В украинских говорах региона Карпат в позиции перед *ŷ, w* в артикуляцию гласного *a* включается элемент лабиализации [Жилко 1955, 140; Бевзенко 1980, 57]. Так, *da"ŷ, kazd"ŷ, pозa"ŷčóra, ka"ŷk'é, zada"ŷk'é* (Калушский р-н Ивано-Франковской обл.); *gva"ŷt, sta"w* (=пруд), *vіn mru"ga"ŷ* (Мостиский р-н Львовской обл.); *ba"ŷs', poхová"ŷ, da"ŷnó, zá"ŷstpr'iíi* (но #á"ŷstpr'iíia), *ia"ŷka* (Турковский р-н Львовской обл.). По свидетельству [Бевзенко 1980, 57], может происходить и полная замена *a* гласным *o*, т. е. *próuda, spóŷ, zóŷtra, zóŷshi, kazóŷ, ukróŷ, vіddóŷ*.

Наряду с этим в закарпатских говорах отмечается и лабиализация *i > ū (ii)* перед *ŷ, w – d'ŷuka, xl'ŷy, cp'ŷváti* [Бевзенко 1980, 41].

Сходное явление представлено в польских говорах. В [OF 1983] изменение *i > u* показано перед тавтосилабическим *u* – *p'uć, pośiuc, dżel'uć, b'uć*, но *p'iça* (№ 301), *pośiuc, b'uć* (№ 304). Лабиализующее воздействие на

i/y может оказывать и веляризованный *I* – *p'ul*, *m'ežul*, *žen'ul* *še*, *zgub'ul* (№ 324). В [OF 1984] отмечена лабиализация *i > o*, *u* и перед гетеросилабилическими *u*, *I* – *noš'icja*, *nošula* (№ 263, 269).

В восточнославянских говорах изменение *a > o* возможно перед *m – dom*, *ja tom* [Селищев 1941, 199]. В этом также можно видеть лабиализующее воздействие губного согласного.

В белорусском полесском говоре (Лунинецкий р-н Брестской обл.) вокализм предударной части слова организуется по правилам аканья. Во втором предударном слоге в соседстве с губными согласными, образующимися с чрезвычайной интенсивностью, гласный *a* получает элемент лабиализованности – *na"maħč'i*, *na"lav'ik'i*, *na"na"l'eħħala*, *na"ħħárvaw'i*, *na"na"rehħamáti*, *na"na"n'ēj*, *ħħadħók*, *na"ħħiħ'ik*, *za"ħħiħ'is*, *wa"ħħeħħ'at*. Как видно из примеров, на гласный *a* лабиализующее воздействует как предшествующий, так и последующий согласный.

Регрессивное воздействие на гласные оказывают *назальные* согласные. Результат такого воздействия может быть двух видов. В одном случае трансформируется уровень подъема или отношение к лабиализованности гласного, а во втором – происходит назализация гласного. Эта, так называемая, вторичная назализация гласного является следствием того, что «перед носовым согласным гласный артикулируется при опущенной (значительно или незначительно) небной занавеске» [Селищев 1941, 323] или – «мягкое небо опускается преждевременно и часть выдыхаемой воздушной струи проходит через нос пока еще продолжается образование гласного» [Стойков 1961, 161].

В польских говорах назальные согласные вызывают повышение подъема предшествующего согласного (ср. об этом [Klemensiewicz 1955, 96, 100, 102]). Это выражается в изменении [*o > ɔ, u*] и [*a > o, u*], примеры чего даны в [OF 1983] – *mɔt*, *zɔtɛk*, *çɔta*, *çɔdɔp*, *çɔn* (№ 318); *vɾɔna*, *brɔna*, *kɔn'*, *ɔn*, *mɔt*, *dɔt* (=dam), *barun*, *kun'a*, *kɔrɔny* (№ 319); *boćin*, *dum*, *çytut*, *vruna*, *skovrunek*, *bruna* (№ 305).

В [Селищев 1941, 324] сужение *o > ɔ* (*o"*) отнесено к особенностям кашубских говоров.

В [OF 1983] фиксируется и такая ситуация, когда перед носовым согласным сужается гласный *o > ɔ*, но, напротив, расширяется *u > o* – *p'eŋon*, *p'erɔn*, *gɔn'e*, *çɔŋɔn* (№ 312); то же при изменении *u > ɔ*, *o > ɔ*, но *a > o* – *p'ełɔn*, *p'erɔn*, *dłɔn'*, *vɾɔna*, *dɔm*, *"ɔna*, *baron*, *c'itom*, *zɔtɛk* (№ 316). В этом случае назальные согласные как бы провоцируют снижение уровня различия по подъему предшествующих гласных. Однако в целом не вполне понятен механизм воздействия носового согласного на уровень подъема предшествующего гласного. Тем более, что это может быть как повыше-

ние, так и понижение подъема. Объяснения нет и в [OF 1982, 133], где специально рассматривается изменение гласных перед N в польских говорах.

Влияние носового согласного на предшествующий гласный, реализованное в виде изменения *a, a:* > *o, o:*, показано в описании хорватского говора [FO № 153] – *lɔ̄:nski, rɔ̄:na, slɔ̄:n, svitjɔ̄:m* (D pl), *vargɔ̄:ń, p'lō:ten, 'joma, s'loma, d'lona*.

Включение назальной артикуляции в гласный, т.е. образование вторичной назальности, присущее польским диалектам. Так, отмечено произношение *dqna, bqn'a* [OF 1982, № 241]. То же в [OF 1983] – *dɛqn', ćqn'* (№ 304), *k'op'qny, śqno, k'olqno, ln'qny, v'qñ'ec* (№ 318), *mɔ̄t, barqñ, kɔ̄n'ec, szɔ̄tna, p'euqñ, p'erqñ* (№ 311).

Такая же назализация гласных показана в македонском говоре [FO № 106] – *ko'rqnka, fqm̄b'rika, F'rqncko, ćem̄b'rica*.

В приведенных примерах назализация гласного происходит при сохранении носового согласного. Лишь в [OF 1983 № 304] показано преобразование *in* > *u* перед *k* – *k'ijuka, b'edryka*. Между тем [Klemensiewicz 1955, 111], описывая вторичную назализацию гласных в польских говорах, иллюстрирует ее примерами, в которых носовой гласный выступает на месте сочетания VN – *iq* < *iəm*, *śp'uyu* < *śpievam*, *ty babɔ* < *tym habom*, *z bratę*, *v'y* < *wiem*, *z dobryxlopę*, *śnij* < *nim*.

Вторичная назальность гласного, поглощающая носовой согласный, показана в [FO] в хорватских говорах – *o'co* < *oco:n*, *ɛnq* < *ɛna:n*, *'ri:taq* < *pita:n* (№ 23). Условия преобразования *an* > *q* в (№ 37) ограничены закрытым слогом. В (№ 146a) с гласным сливаются *n*, а *ń* переходит в назализованный спирант *j* – G pl *čutjë*, *s krà:vpɔ*, *kijɔj*, *'iti* (< *an*), *edqɔ:ʃedqɔ:*. В (№ 148a) назализация гласного сочетается с изменением *ń* > *j*, что квалифицируется как назализация слога – *kijɔj*, *'vrga:j*. Своеобразное проявление соседство гласного с назальным сонантом отмечено в хорватском говоре в [FO, 22] – здесь гласный *a:* после назального согласного образуется как назализованный дифтонг [*ə:*] – *nə:a:ʃjeti*, *belnə:ák*, *mə:á:lo*, *dvanə:js*.

Синтагматически обусловленная назализация гласного известна болгарской фонетике. Здесь это связано с особенностью артикуляции *n* перед согласным и перед паузой (конец слова). Носовой сонант имеет перед гласным смычно-проходное образование, в котором участвуют кончик языка и мягкое небо, а переднеязычная смычка разрешается частично через носовой резонатор. В позиции же перед согласным и паузой тот же сонант не имеет переднеязычной артикуляции и образуется только активностью мягкого неба и прохождением воздушной струи через носовую полость. Такой сонант в болгарской транскрипции обозначается как *v*.

Проходное образование сонанта способствует его артикуляционному объединению с предшествующим гласным. С фонетической точки зрения в последовательности VnC, Vn# перед согласным и паузой произносится назальный согласный, т. е. «гласный, который в своем начале является ротовым (оральным), а в конце носовым» [Георгиев 1985, 44]. Назальный гласный произносится в словах, транскрибированных со знаком *v* – *m'iužúč*, *s'evc'óp*, *óvs'i*, *bróvc*, *dlaumá*, *l'évt'ic'ka*, *n'it'iv*, *kam'uóv*, *d'ákov* (примеры из [Калнынь, Попова 1993, 124, 132]).

Своебразное регressiveное воздействие на гласный со стороны назального, как одного из сонантов, описано в сербских говорах в [FO]. Здесь перед сочетанием Sont продолжается предшествующий гласный. В этом случае имеет место механизм компенсации. Сонанты, сопротивляясь возможному снижению голосности перед шумным согласным, включают ее в предшествующий гласный, т. е. действует тенденция стабилизовать уровень голосности в слове. Так, *nò:vci*, *slà:mka*, *ípa:ntile*, *stè:nci* (№ 55), *slà:mka*, *serà:ŋka*, *lè:vka*, *ó:vca*, *dá:nce* (№ 83). Как отмечает П. Ивич, это явление чисто синтагматическое и не действует в позиции, где запрещены долгие гласные.

В восточнославянских диалектах назальные согласные не проявляют синтагматической активности в отношении предшествующих гласных.

В целом регressiveное воздействие согласных на гласный по своим результатам образует достаточно дробную картину, компоненты которой менее определенно локализованы в сравнении с прогрессивным изменением гласных в сегменте CV.

Основанное на антиципации мягкого согласного (высокий тон) сужение гласных разной этимологии присутствует в разных регионах Славии – русские, чешские, верхнелужицкие, болгарские говоры. При этом констатировать только влияние мягкого согласного на гласный можно в таком контексте, когда за мягким согласным не следует гласный и тем исключается идея межслогового уподобления.

Воздействие твердых согласных на предшествующий гласный дифференцировано в зависимости от качества согласного. Недифференцированно твердые согласные влияют на гласные в русских, белорусских, нижнелужицких говорах. В польских – согласные в этом плане делятся по месту образования. В украинских и польских говорах известно лабиализующее воздействие спирантов *ŷ*, *w*, *v*.

Только в польских и части южнославянских диалектов назальные согласные влияют на предшествующие гласные.

Регressiveное уподобление гласных основано на ослаблении контактной связи гласного с предшествующим согласным и включении анти-

ципации следующего согласного при определении артикуляции гласного. Антиципация актуализирует дистактные связи в звуковой цепи, приходившие на смену контактным связям между звуками, в данном случае между согласным и гласным.

Судя по разному проявлению регressiveвой ассимиляции гласных, дистактные связи в разных диалектах внедрялись с разной степенью интенсивности. По-разному это выглядит даже в близкородственных языках. Так, в русских говорах актуальна антиципация мягкого согласного для *a*, а в украинских и белорусских этого нет. И, напротив, влияние лабиализованного согласного, особенно *ȳ*, *w*, *v*, на предшествующий гласный отсутствует в русских говорах.

3.3. Участие принципа антиципации при формировании корреляции палатализованности

Классифицирующим компонентом славянской фонетики является наличие/отсутствие корреляции твердости/мягкости в идиоме. В корреляции этого рода центральную роль играет возможность оппозиции согласных, различающихся высотой тона. Говорим о высоте тона как об общем определении, поскольку артикуляционно то же явление более сложно организовано. Если принять за точку отсчета артикуляцию твердых согласных, то смягчение губных достигается поднятием средней части спинки языка, а зубных (альвеолярных) и задненебных – перемещением места образования зубных и задненебных согласных смягчение достигается перемещением центра артикуляции в противоположном направлении [Брок 1910, 151].

Появление мягких согласных в славянских языках/диалектах принято возводить к прасл. сингармонизму, при котором сочетание согласного с передним гласным унифицировалось по высоте тона. Справедливо предполагать, что унификация по тону не в равной степени проявлялась во всей Славии. Наиболее очевидно это касалось велярных, подвергшихся в результате этого палатализации. Остальные согласные перед передними гласными получали позиционное повышение тона разной интенсивности. Позиционное смягчение могло иметь характер необязательных вариантов. Принято считать, что появление корреляции палатализованности было связано именно с характером позиционной мягкости. Ослабление мягкости (ее слабость) было предпосылкой отсутствия корреляции, усиление же мягкости, наоборот, способствовало оформлению корреляции. Такие взгляды на гене-

зис названной корреляции традиционно принятые и отражены в работах последних лет [Stawicka, Grzybowski 1999].

Ориентация на большую или меньшую мягкость согласных перед гласным переднего ряда как на решающий фактор образования корреляции практически ставит появление фонологической категории в прямую зависимость от фонетического качества согласного. Это – неверно. Как показывает практика, мягкие фонемы достаточно широко варьируют высоту тона. Как пример слабой фонетической мягкости при развитости фонемного инвентаря обычно приводится болг. язык. Различие между более или менее мягкими согласными состоит в соотношении длины переходного (*i*-образного) участка и ядра гласного, следующего после согласного.

В генезисе корреляции палатализованности могут играть принципиально разную роль позиция перед передним гласным и позиция перед **ь*. Отсутствие параллелизма в воздействии этих сегментов на согласные отчетливо просматривается, в частности, в украинском языке.

Центральным моментом в образовании корреляции твердости-мягкости является утрата слабого переднего редуцированного **ь*. Это разрушает слоговую монолитность сегмента CV, но при этом сохраняется позиционная мягкость согласного, вызванная утраченным **ь*. При этом уровень этой мягкости значения не имеет – любое позиционно обусловленное качество должно исчезнуть вместе с вызвавшим его сегментом. В сохранении мягкость согласного после утраты **ь* есть элемент алогичности, требующий объяснения.

В. Мареш высказал следующее предположение о динамике изменения редуцированных гласных. Количество «половина моры» в слабой позиции перестало считаться фонологическим слогом; редуцированный вокальный элемент стал частью предшествующего согласного или сонанта и со временем полностью исчез *rogъ, nož* (2 слога) > *rog, nož* (1 слог), *elen'* (3 слога) >*elen'* (2 слога). Но при этом В. Мареш отмечает, что для него неясно, произошла ли в результате этого корреляция по мягкости у лабиальных и альвеолярных согласных [Мареш 1983, 11]. Это сомнение в возможности сохранения позиционной мягкости вопреки устраниению вызвавшего ее сегмента весьма примечательно. Должен был существовать специальный механизм, противостоящий этой алогичности и способствующий сохранению мягкости (высокого тона) согласного в указанных условиях.

Утрата редуцированных гласных не была одномоментным сдвигом, существовали «переходные стадии от полного существования к исчезновению звука». «На этих стадиях имеется еще в душах говорящих воспоминание о представлении известного звука, но без необходимости исполнения,

которое таким образом является факультативным» [Бодуэн дэ Куртене 1903, № 4].

В ситуации подобной произносительной вариативности в фонетической программе слова может по-разному проявляться такой синтагматический момент, как антиципация гласного **β*. Имеется в виду следующее.

Мягкость согласного могла сохраняться или развиваться, если фонетическая программа слова продолжала ориентироваться на присутствие **β* в звуковой последовательности. Непроизнесение этого гласного создавало значительный контраст между ожидаемым гласным (передним, достаточно высоким) и реально следующей паузой (конец слова). Не реализованный импульс ожидания сегмента высокого тона мог компенсироваться сохранением или даже усилением повышенного тона согласного – в этом случае **β* как бы включался в согласный, внося в него тоновую окраску (по Марешу – становился частью согласного). Это – компенсационная мягкость согласного, выступающая как реакция на утрату **β*.

Но фонетическая программа слова могла по-иному реагировать на ослабление участия редуцированного в звуковой цепи – отсутствие гласного **β* воспринималась как данность, без речевых конфликтов и позиционная мягкость согласного, если она была перед **β*, утрачивалась (произношение твердых согласных после утраты финального **β*).

В фонетической программе слова, сохранившей антиципацию **β*, контраст между ожидаемым и реальным сегментом был ощутим, если после **β* следовала не только пауза, но и губной или задненебный (т. е. веляризованные) согласные. Здесь также включался компенсационный механизм сохранения/развития позиционной мягкости. Поэтому в позиции перед губными и задненебными противопоставление по твердости-мягкости представлено везде, где есть корреляция палатализованности.

Сбой в фонетической программе слова был менее ощутим, если **β* утрачивался после губных согласных на конце слова. Низкий тон веляризованных губных согласных не способствовал компенсационному повышению их тона. Поэтому, за исключением части русских говоров, в диалектах, имеющих корреляцию палатализованности, мягкие губные согласные в конце слова отсутствуют – так в польских, серболужицких, украинских, белорусских, во многих русских диалектах. Наличие мягких губных, а также заднеязычных на конце слова в болгарских диалектах объясняется как результат турецкого влияния и расценивается как «неэтимологическая мягкость» [Кочев 1968].

Утрата **β* не создавала конфликтной ситуации в программе слова и в тех случаях, когда **β* находился между зубными согласными. Здесь после утраты **β* мягкость обычно не оставалась. Некоторые отступления от этого

правила не меняют общей картины. В [ДАРЯ 1, Карты 77,78] показано произношение *н'* в сочетаниях **нъц*, **ньск*. Произношение типа *жé[н'ск]ая*, *деревé[н'ск]ая* фиксируется в основном на северо-востоке территории атласа, а *сó[н'ц]е*, *полотé[н'ц]е* еще и в центральной части к востоку от Москвы. В [Атлас Вост. Комментарии 1957, 617] приводятся примеры *полотён'ца*, *кон'цá*, *с'ен'цá*, *дён'цъ*. Можно считать, что из двух вариантов произношения *сónца/сón'ца* второй вариант несет следы более архаических отношений, когда в программе слова сохранялась антиципация гласного **ѣ*, хотя реально он уже не произносился.

Из сказанного можно заключить, что утрата слабого редуцированного **ѣ* создает особые условия для появления мягкости предшествующего согласного – именно антиципация нереализованного переднего гласного компенсируется повышением тона предшествующего согласного. Этому повышению совершенно необязательно должна предшествовать позиционная полумягкость.

В пользу того, что позиционное смягчение согласных перед гласными переднего ряда не было общим свойством позднего прасл. периода, дают аргументы украинские диалекты.

Как известно, в украинском языке/диалектах перед рефлексами **i*, **e*, **ъ* представлены только твердые согласные. Генезис этого явления имеет разное толкование. Согласно одной точки зрения, мягкости согласных в названной позиции не было никогда [Smahl-Stockyj 1913, 48; Німчинов 1926, 253; Синявський 1927, 271; Ossowski 1935, 250]. Другое принятное в русистике объяснение того же явления было предложено А.А. Шахматовым [Schachmatov 1903, 223; Шахматов 1915, 127; Шахматов, Кримський 1924, 61]. Считалось, что согласные перед *e* (из **e*, **ѣ*) и *i*, как и в других восточнославянских диалектах усилили полумягкость до мягкости и лишь позже отвердели. В подтверждение этого А.А. Шахматов приводит такие факты, как мягкость согласных перед континуантом **e* в новых закрытых слогах; сохранение мягкости согласных после утраты последующего **ѣ*; мягкость конечного согласного в формах 2 л. мн. императива *ber'it'*, *nes'iu'* < **berěte*, **nesěte*; и, наконец, то, что перед *e*, *i* твердыми являются не только те согласные, которые предположительно имели позиционную мягкость, но и прасл. палatalные.

Идея отвердения согласных перед *e*, *i* предполагает реконструкцию процесса [*t'i*, *t'e* > *t'i*, *t'e* > *ti*, *te*], т. е. позиционно полумягкие согласные в этих позициях сначала повышают свой тон до мягкости, а затем, наоборот, отвердевают. Последнее означает, что согласные перестают аккомодироваться последующим передним гласным *i*, *e*. Еще более длинную цепь преобразований реконструирует Н.Н. Дурново. Он считает результатом вторич-

ногого смягчения произношение мягких согласных перед *i, *e в некоторых североукраинских и карпатских говорах, т.е. имеет в виду процесс [t'i, t'e > t'i, t'e > ti, te > t'i, t'e] [Дурново 1924, 233].

Между тем предлагаемая реконструкция оставляет определенную неясность, если твердость согласных перед рефлексами *i, *e *ə рассматривать в общем контексте синтагматических связей согласных и гласных. Оказывается, что отвердение согласного (понижение тона) не обнаруживает связи с высотой тона следующего гласного, поскольку мягкость согласного утрачивается перед заменой гласного верхнего подъема *i, однако сохраняется перед более низкими рефлексами *ē, *e в закрытом слоге (верхненесредний подъем), *ē (средний или нижний подъем), *a (нижний подъем).

Парадоксально воздействие *b, *v на предшествующий согласный. Перед рефлексом *b, как и перед рефлексом *e в открытом слоге, представлены твердые согласные. А заменившийся нулем звука гласный *ə оставил мягкость предшествующего зубного (а в некоторых говорах и передненебного вибрента) на конце слова (т.е. перед паузой) и перед губными и задне-небными согласными (*pen'*, *cil'*, *zv'ip'*, *d'át'ko*, *svád'ba*).

В целом поведение украинских согласных перед рефлексами прасл. гласных в рамках традиционно принятых объяснений аналогично с точки зрения синтагматики – гласные переднего ряда не выступают здесь как члены одного класса (ср. в этой связи западноболгарские диалекты, где согласные тверды перед i, e любого происхождения). Более того, часть украинских диалектов демонстрирует мягкость согласных перед континуантом непереднего гласного *o в закрытом слоге, что никак не может ассоциироваться с прасл. полумягкостью согласного перед передним гласным.

Для объяснения украинской ситуации, вероятно, нужна другая система доказательств, чем та, которая традиционно принята.

Бесспорным поводом появления мягких согласных в конце слова и перед согласными является антиципация утрачивающегося *ə. Развитие компенсационной мягкости в этом случае не обязательно предполагает предварительную полумягкость, т.е. аккомодацию согласного гласным (передним). В этом случае в явном виде эксплицируется дистактность связей элементов звуковой цепи.

Что касается позиции перед прасл. передними гласными, то нет оснований предполагать в праукр. позиционную полумягкость перед ними, как безысключительное явление. Поэтому для объяснения особенностей украинской фонетики можно допустить, в качестве общего положения, что:

1) не во всех прасл. диалектах согласные повышали тон перед гласными переднего ряда;

2) в одном и том же прасл. диалекте не все передние гласные одинаково влияли на предшествующие согласные;

3) повышение собственного тона согласных перед гласными переднего ряда в разных диалектах могло происходить в разное время, т. е. не одновременно.

Распределение мягких согласных перед гласными в украинских диалектах показывает, что включение антиципации переднего гласного в фонетическую программу слова не может быть отнесено к одному хронологическому периоду, а именно, до падения редуцированных. Совершенно очевидно, что повышение тона согласного перед континуантом *o в новом закрытом слоге могло произойти только после падения слабых редуцированных. Произошло не повсеместно, как об этом свидетельствует произношение твердых согласных перед i из *o. После падения редуцированных развилась и мягкость согласных перед *e в закрытом слоге, поскольку она определенно связана с продлением этого гласного. Мягкость согласных перед рефлексами *ě, *ę в принципе с равным правом можно отнести как к периоду до падения редуцированных, так и после него, т. е., возможно, она развилась в более позднее время, чем это было в других восточнославянских языках.

Континуанты *ě, *o, *e (последние в закрытом слоге) объединяются в один класс как напряженные гласные. У континуантов *o, *e напряженность образовалась как компенсация долготы; напряженность *ě – его исходное качество. Напряженность артикуляции, повышая подъем гласного, осложняет переключение согласного в гласный и облегчает это переключение повышением тона согласного.

Высокую степень мягкости имеют согласные перед рефлексами *ę, т. е. a, ä, e, i. Показателем интенсивности повышения тона является декомпозиция мягких губных согласных, выделивших самостоятельную палатальную артикуляцию (*п̄єт'*, *п̄ийт'*, *п̄äйт'*, *мн'áсо*). Мягкость согласных перед рефлексом *ę является важным аргументом в пользу того, что смягчение согласных вызывалось антиципацией не просто переднего гласного, а гласного напряженной артикуляции, которая оказалась приоритетной в сравнении с подъемом гласного (т. е. более высокий, но ненапряженный гласный не вызывает повышения тона предшествующего согласного). Напряженность рефлекса *ę могла быть обусловлена самой спецификой назальной артикуляции этого гласного, а именно включением носового резонатора.

Если принять, что в укр. диалектах смягчение согласных происходило перед напряженными гласными, то естественно сделать вывод, что

перед рефлексами **i*, **e*, **ъ* мягкость не развилась из-за того, что гласные не были напряженными.

В то же время отсутствие мягкости согласного может быть вообще не связано с нюансами переднего гласного. Среди украинских говоров есть такие, в которых перед гласным верхнего подъема переднего ряда *i* независимо от его этимологии произносятся твердые согласные. Так, в надсянском говоре (Мостиский р-н Львовской обл.) – *зубіска*, *стіск*, *hnіда* (=гнида), *hn'їда* (=гнедая); в [ОЛА 1988, 159] – *'tilo*, *'sino*, *did*, *lis*, *'mis'ec*. Можно думать, что в этих случаях проявляется автономность гласного и согласного компонента в последовательности CV, когда выбор согласного никак не связан с качеством следующего гласного.

Автономностью компонентов сочетания CV обусловлены и те изменения, которым подверглись в украинских диалектах континуанты **i*, **e*. Как известно, диапазон континуантов *i* охватывает пространство от верхнего подъема до среднего, т. е. *mixy*, *dіka* (надсянский говор) ~ *míxo*, *díka* (многие говоры и литературный язык) ~ *mí'xo*, *dí'ko* (бойковский говор) ~ *méxo*, *déka* (гутульский говор). Континуанты **e* располагаются в диапазоне от верхней зоны среднего подъема через его нижнюю зону до нижнего подъема, т. е. *méta* (надсянский говор) ~ *méta* (во многих говорах и в литературном языке) ~ *mäta* (гутульский говор).

В трудах по исторической фонетике понижение артикуляции рефлекса **i* в украинском языке принято объяснять отвердением предшествующих согласных, которое одновременно спровоцировало совпадение **i* и **y*. Однако такому суждению противоречат два обстоятельства: 1) твердость предшествующего согласного не всегда способствует понижению артикуляции **i* (ср. надсянский говор) и 2) понижение артикуляции **i* не обязательно сопровождается совпадением с рефлексом **y* (ср. *mí'xo* и *тыжджин'* в бойковском говоре).

Таким образом, твердость согласных перед континуантами **i*, **e*, **ъ* можно расценивать как отражение особенности исходной синтагматики в праукр. диалектах.

Исходным импульсом появления мягких согласных в определенных позициях (вне зависимости от следующего гласного) была утрата слабого редуцированного, вызвавшая компенсационное повышение тона предшествующего согласного. Это явление находится вне аккомодации согласных передним гласным. Именно поэтому перед рефлексом сильного редуцированного **ъ* (*=e*) нет мягкости согласного.

Парadoxальность реакции согласных на утрату **ъ*, с одной стороны, и на прояснение **ъ* в *e*, с другой, О.Б. Ткаченко объясняет тем, что в украинском языке слабый редуцированный **ъ* якобы сохранялся дольше, чем в дру-

гих языках [Ткаченко 1998, 20]. Однако и в рамках этого объяснения позиционно обусловленная мягкость согласного должна была бы утрачиваться независимо от времени исчезновения гласного, вызвавшего эту мягкость.

Идею вторичного отвердения украинских согласных перед *i*, *e* принято относится к числу существенных аргументов в пользу существования древнерусского фонетического единства до периода падения редуцированных. Наиболее серьезным аргументом в пользу этого считается, что гласный *e* перед губным, за которым следовал *ɸ*, не подвергался лабиализации, как и перед мягким согласным. Это – североукр. *c'iem*, но не *c'uom*; рус *c'em*, но не *c'om* при *c'omyj*. Однако для этих фактов допустимо и альтернативное объяснение. Переход *e* > *o* в восточнославянских диалектах – это не одномоментное событие, а процесс, протяженный во времени, возможно, имевший несколько этапов [Якубинский 1953, 150; Иванов 1983, 196]. Включение лабиализованности в артикуляцию *e* могло происходить как вследствие аккомодации гласного следующему согласному, так и по причине уподобления гласному следующего слога. Если лабиализация *e* была ориентирована не только на следующий согласный, но и гласный, то после падения редуцированных она проявлялась перед согласным, за которым следовал **ɸ*, но отсутствовала перед согласным, за которым следовал **b*, хотя этот согласный и стал твердым.

В число приводимых А.А. Шахматовым аргументов в пользу вторичного отвердения согласных перед *i*, *e* включено указание на то, что в этой позиции произносятся твердые согласные в соответствии с прасл палатальными, т. е. *niva*, *книга*, *vіd nich*, *pole*. Однако, если учесть немногочисленность такого рода сочетений, то можно допустить, что отвердение согласных в них произошло именно в целях подравнивания к значительно более многочисленным сочетаниям твердых согласных с *i*, *e*, появившимися после падения редуцированных.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы о включении мягких согласных в синтгматическую последовательность в украинских диалектах.

1. В праукраинских диалектах уподобление согласных по высоте тона следующему гласному в целом относится к периоду после падения редуцированных.

Мягкость зубных согласных на конце слова и перед губными и задненебными согласными не является следствием аккомодации согласных переднему гласному. Это исключительно результат компенсационного повышения тона, вызванное тем сбоем в фонетической программе слова, который возник при утрате **ɸ* в названных позициях. Антиципация исчезаю-

щего гласного – причина появления мягких согласных (поглощение согласным переднего слабого редуцированного).

2. В праукраинских диалектах в качестве приоритетного фактора, вызывающего смягчение согласных, выступала не просто локализация гласного в переднем ряду, а напряженность его артикуляции даже и при условии отодвинутости гласного в более заднюю зону. Рефлексы *i, *e, *ъ не были напряженными, поэтому мягкость перед ними не развивалась.

3.4. Неодинаковая коммуникативная нагруженность разных частей слова как компонент его фонетической программы

В естественной речи слово как фонетический процесс не может иметь на всем своем протяжении одинаковый уровень коммуникативной нагрузки. Этому соответствует разный уровень внимания к отдельным зонам фонетического слова в сознании говорящих.

В таком соотношении находятся предударная и заударная части слова в рамках фонетической программы. Предударная часть слова, образуя его начало, находится в сфере большего внимания со стороны говорящих, чем заударная часть слова. Это проявляется не только в более тщательном произношении начальной части слова – сп., например, более сильную редукцию заударных гласных в сравнении с предударными в русской разговорной речи [Русская разговорная речь 1973, 46].

Сегментация слова на зоны, маркируемые разным уровнем внимания со стороны говорящих, особенно актуализируется при нарушении синтагматических стереотипов. Так, перестройка безударного вокализма с целью устранения из него диалектных черт раньше и с большим успехом проявляется именно в предударной части слова.

Примером этого может быть динамика такой черты диалектного вокализма, как употребления безударного гласного *o* после мягких согласных в севернорусском архангельском говоре (Пинежский р-н). Здесь в 1-м предударном слоге варьируются гласные *e* и *o* в тождественной позиции в тождественной морфеме. Правило варьирования сводится к тому, что каждый гласный *o* после мягкого согласного может быть заменен гласным *e*, но не наоборот, поскольку *e* в предударном слоге произносится не только на месте **e*, *ъ, но и **ɛ*, *ѣ, *ѧ. Конкретно это выглядит так: *у́п'ехáт'i//зап'охнúла*, *в'еснá//в'оснá*, *т'еплó//т'оплó*, *студ'енó//студ'онó*.

з "ернó//з"орнó, з "евáм//проз"овáл'i, ц'огó к ц'ему, л'еккó//л'оккó, ичекú//шчокú и под. Но только с "и"енóк, п'ефкá жónка, зас"екú, а также р'есухá//р'асуха, м'еснóй//м'аснá. Частота варьирования предударных гласных *о* и *е* неодинакова по идиолектам.

Совершенно иная картина представлена в заударной части слова в том же говоре. Здесь высока частота употребления гласного *о* после мягкого согласного. Хотя варьирование с *е* возможно, но вариант *е* выбирается не часто. Заударный *о* выступает не только перед твердыми согласными, но и перед мягкими. В последнем случае *о* является стабильным компонентом формальных морфем. В целом *о*-окрашенность заударной части слова выглядит следующим образом.

с "íв'ор, ўм'ор, óз"оро, мац'оха, в'éц'ор, ц'ér'ова, хв'er'ос,
п'ин'ога, д'er'ово;

род.мн. – кáп'ол, с "éс"ц'ор, п'éc"он, д'én'ок;

ц'ém'в'оро, вóс"м'оро, п'ém'оро;

д'én'ожны, нýн'ошины, роз"йéд'он, постáвл'он, подзолóц'оно, вýгуц'оны;

им.ед.м.р прилагат. – с "íн'ои, жыт'н'ои, скóт'н'ои; другие падежи – ф т'ýр'ом, в жытн'ом, с "íн'ом, с 'íц'ц'ово, прокóп'иоф д'ен';

тв.ед.сущ. – з"éт'ом, в'éхт'ом, вáс"ои, кól'ои, говор'ои;

членные формы – д'én'от, з"éт'от, кón'от;

глагольные формы – бýд'ом, вып'ек'от, л'éг'оши, мóйом.

Если считать, что произношение слова – это реализация определенной произносительной инерции, которая однако не исключает и автоконтроля со стороны говорящих за своим произношением, то надо будет признать, что этот контроль неодинаков в предударной и заударной частях слова. Заударная часть слова более инерционна и менее подвержена фонетическому варьированию.

Пример более сложного членения фонетического слова содержиться в одном белорусском полесском говоре (Лунинецкий р-н Брестской обл.). Говор описан в [Калнынь, Масленникова 1981].

В этом говоре безударный вокализм после твердых согласных комбинирует принципы *аканья* и *оканья*. В этом отражена динамика перестройки вокализма от различения безударных гласных неверхнего подъема к их неразличению. При этом явления *аканья* и *оканья* строго разграничены в фонетическом слове.

Аканье безальтернативно присутствует в предударной части слова, а в заударной его части лишь в корневых морфемах, т.е. в *аннóм*, да *дн'á*, па"маку'и, на *нажóх*, *начóука*, *пóмач*, *чóбаты*, *вúсах*, *hóлаву*, *вúнан*, *кóлас*, *стóраж*, *вúкатала*.

Фонетика послекорневых морфем характеризуется тем, что в них в заударном слоге устранение гласного *o* не является обязательным. При этом одни морфемы выступают только с заударным гласным *o*, в других *o* варьируется с *a*, *a'*, в третьих *o* всегда заменяется гласными *a*, *a'*. Изложенная ситуация выглядит следующим образом в конкретных морфемах.

Замена *o* заударным *a* не происходит:

- 1) во флексивном сегменте после твердого согласного перед паузой, т. е. на конце слова; в этом случае сохранение заударного *o* можно интерпретировать и как обусловленное фонетической позицией (перед #) – им.ед.сущ.ср.р. *слóво, м'éсто*; зв. форма – *бáбо, с"éйко*; числит., местоим., нареч. – *héто, дз'ев'ено́сто, н'и́чо́но, рáно*;
- 2) во флексии тв.ед. сущ.м. и ср.р. – *слóвом, л'éсом*;
- 3) во флексиях дат.местн.мн.ч.сущ.м. и ср.р. – *сус"éдом, ч'ел'áтом, на дúбох, па рестарапох*;
- 4) во флексии род.мн.ч.сущ. – *aнаро́доù, hýмноù*;
- 5) в именном суффиксе *-ок-* – *пáсынок, б'ерéмок, пáчок* (им.ед.);
- 6) в форме род.мн.ч. с «беглым гласным» – *сóток, йáмок, трáпок, калатúшок*;
- 7) во флексии местн.ед.ч.прилагат.м. и ср.р. заударный *o* сужается в *у* – *нóвум, стáрум, вáшу*.

Варьирование заударных гласных *o* и *a/a'* происходит:

- 1) в именном суффиксе *-очки-* – *дз'ёвочка//дз'ёвачка, йóлочка, жéрта"чка, хúсточка//хúстачка*;
- 2) в суффиксе прилагат. *-ов-* – *мал'иновый//мал'инавый, рóза"вый, дз'ёдовы*; в первом предударном слоге в этой морфеме гласный *o* всегда заменяется на *a* – *бал'кавыйе, хрантавыйе*;
- 3) во флексии род.ед.ч.прилагат.м. и ср.р. *-оho-* – *hрúбоho, лý-coho//лýсаho, б'ilaho, héтоho//héma"ho, hлúпоho//hлýпаho*;
- 4) во флексии род.ед.прилагат.ж.р. *-ойi-* – *лýсойi//лýсаi, нóвойi//нóвайi, стáрайi//стáраi*.

Всегда гласный *o* заменяется заударными *a*, *a'* во флексиях тв.ед.ч.сущ. и прилагат.ж.р. – *карóваiу, вúп'ишкаi, бáбайu, нóваiу, б'éлайu, стáрайu*.

Можно думать, что заударный *o* в известном смысле стал приметой формальных морфем. В этом плане показательна замена ударного гласного *a* заударным *o* во флексии дат.мн.сущ.ж.р. – *наháм, halaváм* и *карóвом, с"óстром, бáбом*.

Особенность совмещения двух принципов организации безударного вокализма в рассмотренном говоре состоит в том, что для их регламента-

ции используется не только фонетическая позиция, но и позиция в морфеме. Фактор фонетической позиции, а именно положение слога по отношению к ударению, проявляется в том, что в предударных слогах оканье запрещено, а в заударных допустимо. Фактор морфемной обусловленности создает специфику фонетического оформления разных морфем в заударной части словоформы.

Существование двух принципов организации безударного вокализма эксплицирует состояние структурной перестройки вокальной системы по линии замены различия безударных гласных неверхнего подъема их неразличением. Суждение о том, что в говоре оканье заменяется аканьем, а не наоборот, основывается не только на их абсолютной хронологии – неразличению гласных, естественно, должно предшествовать их различие. О том, что оканье более старая для говора черта, свидетельствует его привязанность именно к заударным послекорневым морфемам. При свободном ударении заударная часть словоформы находится в зоне меньшего внимания говорящих, реализуясь на основе произносительной инерции в большей степени, чем предударная часть. Особенно это относится к формальным морфемам которые склонны противостоять собственно фонетическим изменениям (но подвержены нефонетическим изменениям по аналогии).

Особенностью сосуществования оканья и аканья в белорусском полесском говоре является то, что в выборе предударного гласного никогда не участвует антиципация гласного под ударением, как это свойственно русским говорам.

Столь специфическая организация безударного вокализма после твердых согласных в белорусском говоре стала возможна потому, что изменения звуковой синтагматики в слове соотносятся не с дискретными сегментами, а с фонетической программой в целом. Реакция этой программы на возможные изменения может быть неодинаковой в ее разных частях. При этом эксплицируются такие особенности фонетической программы слова, которые в условиях стабильной фонетики находятся как бы в латентном состоянии. Получает диагностическое значение деление слова на зоны с разной коммуникативной нагрузкой и с разным вниманием на них со стороны говорящих. Иерархизация этих зон фонетической программы слова и обуславливает их готовность/неготовность принять новации фонетической синтагматики.

3.5. Влияние фонетической программы слова на фонетику конкретных морфем

Через призму фонетической программы слова могут быть рассмотрены явления, выходящие за пределы собственно фонетического уровня. Покажем это на некоторых проявлениях морфологической аналогии.

В формировании славянских именных парадигм традиционно важная роль отводится аналогическому выравниванию флексий. Констатация действия аналогии предполагает: 1) выявление той продуктивной грамматической модели, которая вызвала образование новой формы и 2) доказательство того, что изменение флексии не является частным случаем некоторого общего фонетического процесса, происходящего в неограниченном круге морфем.

В славянской грамматике достаточно подробно каталогизированы факты аналогического выравнивания флексий, в том числе и именных. В целом известно, когда система окончаний, характерная для определенной группы слов, отрываясь от этой лексической среды, проникала в другие группы [Иванов 1983, 262]. Это проявляется как во взаимодействии парадигм разного типа, так и в унификации флексий в пределах одной парадигмы. Картина аналогического выравнивания именных флексий исключительно индивидуализирована в разных языках и диалектах.

В то же время, в отличие от констатирующей части, в изучении морфологической аналогии значительно менее развит объяснительный аспект. Объяснить действие аналогии – значит назвать те факторы, которые стимулируют продуктивность определенной грамматической модели. С этой целью далее рассмотрим особенности оформления флексии им.ед.сущ.ср.р. в русских, польских и серболужицких диалектах.

Именная флексия им.ед.ср.р. относится к числу явлений, которые могут рассматриваться на пересечении морфологии и фонетики. Все названные диалекты имеют у существительных ср.р. твердую и мягкую основу с соответствующим различием в вокализме флексии им.ед. -*o/e* (*mylo*, *pol'e*). Мягкая основа пополнена существительными на **en* (**vremę*, **ramę*, **żrebeć*).

Все диалекты имеют корреляцию твердых-мягких согласных и пережили фонетическое изменение *e > o* после палатализованных согласных, хотя позиционные правила этого изменения не во всем совпадали в разных диалектах. Во флексиях замена *e* на *o* могла поддерживаться морфологической аналогией, давление которой приводит к появлению флексивного *o* в позиции, противопоказанной фонетическому изменению *e > o* (ср. русск. *z'eml'oj* как *ženój*, хотя лабиализация *e* перед согласным высокого

го тона не происходила). Принято считать, что фонетическое изменение *e* > *o* не происходило перед паузой – конкретно это относится к флексии им.ед.ср.р.

Хотя основания для аналогии в рассматриваемых диалектах казалось бы одинаковы, тем не менее выравнивание твердой и мягкой парадигмы в этом фрагменте именного склонения происходит по разным правилам и с разным эффектом.

Во многих русских окающих говорах флексивный гласный *o* независимо от ударения распространяется на все существительные с мягкой основой, включая основы на **en*, где *o* заменяет собою флексию -*a*. Это – *pól'o*, *mór'o*, *b'el'jó*, *s'ém'o*, *vr'ém'o*. Сам по себе флексивный гласный *o* не является свидетельством фонетического процесса, так как может существовать и при отсутствии изменения *e* > *o* в середине слова [Иванов 1983, 196]. Акающие говоры в этом плане менее показательны, так как в них редукция заударного гласного неверхнего подъема (*e?* *o?*) является основой аналогического выравнивания другого типа, а именно включения имен ср.р. в парадигму ж.р.

В польских говорах флексия им.ед -*o* отсутствует после мягких основ ср.р. В фонологических/фонетических описаниях польских говоров, включенных в сетку ОЛА, гласный *o* вместо *e* в рассматриваемой флексии не зафиксирован [OF 1982, 1983, 1984]. Нет указаний на такое изменение и в трудах по истории польского языка – среди фактов аналогической замены *e* гласным *o* именная форма им.ед.ср.р. не приводится [Klemensiewicz 1955, 79, 80].

В серболужицких диалектах распределение флексивных *o* и *e* в форме им.ед.сущ.ср.р. сложное. Это показывают карты и материалы к ним, посвященные рассматриваемому сюжету в [SS 13, K. №№ 24–26]. Здесь существительные ср.р. делятся на две группы. Неосложненные основы на исконно палатальный (отвердевший) согласный, т.е. на **je*, почти без исключения сочетаются с флексией -*o* (*mor'o*, *jajo*, *žušćo*). В принципе это в равной мере можно было бы расценивать и как результат фонетического процесса (позиция перед #), и как следствие морфологического уподобления твердым основам. Однако в фонетическом происхождении флексивного *o* в *pol'o* заставляет сомневаться особенности употребления гласных *e* и *o* в им.ед. отлагольных и собирательных существительных ср.р. на *-*je*. Сравнительная частота гласных *o* и *e* в отдельных словах этой группы в разных говорах неодинакова. Так, в зависимости от частоты флексивных *o* и *e* в отлагольных существительных (*biče/o*, *biše/o*) серболужицкий диалектный континuum делится на 7 регионов. То же в слове *zhože/o* дает на карте 11 регионов [SS 13, K. №№ 24–26].

Такое распределение флексивных *o* и *e* усложняет в некоторых говорах грамматические средства семантической классификации. Окончание -*o* ассоциируется с отглагольным существительным со значением предмета (*tvarjenje* 'строение', *swéčenje* 'керосин'), а -*e* – свойственно существительным со значением действия (*rachwanje, pisanje, šicē*) [SS 13, 110].

В верхнелужицких диалектах флексия -*o* проникает и в существительные с основой на **en*, а в нижнелужицких здесь сохраняется -*e*, т. е. представлено диалектное различие *ćel'o* ~ *śel'e*, *znamjo* ~ *znamje* [SS 13, 106].

В результате разного проявления морфологической аналогии в именах ср.р. в рассматриваемых диалектах складывается принципиально разная грамматическая ситуация. В русских диалектах происходит унификация флексивного показателя независимо от типа основы в существительном ср.р. В польских говорах – в сравнении с исходным состоянием существенных изменений не происходит. В серболужицких – флексивные различия усугубляются не только благодаря варьированию флексий -*o*, -*e* в одном типе основ и отсутствию такого варьирования в другом, но и потому, что употребление *o* и *e* в определенном классе основ начинает связываться с семантическим различием.

Для объяснения разного действия морфологической аналогии в названных диалектах это явление можно поставить в связь с особенностями фонетической программы слова в них и той ролью, которое играет в этой программе ударение.

Рассматриваемые диалекты различаются типом ударения – стабилизированное в польских и серболужицких, свободное в русских.

Эти типы ударения не только имеют разную языковую функцию (смыслоразличительную при свободном ударении, сегментирующую – при стабилизированном), не только создают разную фонетику флексий, исключая их ударность при стабилизированном ударении. Существенно то, что разные типы ударения ассоциируются с фонетической программой неодинаковой сложности. Выбор места ударения в реализации этой программы играет важную роль.

При свободном ударении в речевой последовательности происходит постоянная смена разных акцентных контуров слов, каждый из которых строится по своим правилам. Это создает сложный психолингвистический фон речи – планируются не только связи между звуками, морфемный состав, но и место ударения, часто разное в словоформах, входящих в одну парадигму. Как сказано выше, при свободном ударении коммуникативная нагрузка заударной части слова снижена. Этим в сочетании с индивидуализацией акцентного контура форм одной парадигмы создаются предпосылки для унификации флексивной части слова, что легко происходит при

включении морфологической аналогии. Аналогия – это весьма эффективный способ упрощения языковых моделей.

Стабилизированное ударение формирует однотипные акцентные контуры слова. Место ударного слога не альтернативно и ударение не создает специфических сложностей в фонетической программе слова. Этим ослабляются основания для коммуникативной иерархизации разных частей слова. Как следствие этого, не используется возможность аналогии для унификации формальных морфем – стабилизированность ударения снимает потребность в упрощении фонетической программы слова за счет сокращения ассортимента флексий в парадигме. Поэтому, в частности, в польских диалектах сохраняется варьирование флексий им.ед.ср.р. -o/-e в зависимости от твердости-мягкости исхода основы.

В то же время серболужицкие говоры показывают пример того, как при стабилизированном ударении аналогия может использоваться не для упрощения, а для усложнения морфемной дифференциации. Здесь произошло проникновение флексии -o в мягкую парадигму, но использовано это было в целях семантической дифференциации.

4.

**Согласные
как компоненты
фонетической программы слова**

4.1. Общие замечания

Падение редуцированных гласных кардинальным образом изменило фонетическую модель слова. Было отменено правило открытого слога и появились ранее неизвестные консонантные сочетания, а также сочетания согласных с паузой (конец слова). Слог престал быть той рамочной единицей, в пределах которой преимущественно взаимодействовали рядом стоящие сегменты. Падение редуцированных гласных было не одномоментным явлением (фонетическим сдвигом), а процессом, протяженным во времени. В свете этого можно предположить, что перестройка конкретной фонетики слова, с одной стороны, и формирование на новой основе фонетической программы слова, с другой, не совпадали синхронно. Программа слова могла оказаться более консервативной и не поспевать за конкретной фонетикой. Возможность такой ситуации иллюстрирует приведенный выше пример из русских говоров и русской разговорной речи, когда при нульевой редукции безударного гласного во вновь возникшем консонантном сочетании продолжает произноситься звонкий согласный перед глухим в противоречии с существующим синтагматическим запретом [Пауфошима 1977, 217; Русская разговорная речь 1973, 60]. О неизбежности переходных стадий между исчезновения одного состояния и возникновением другого пишет В.Н.Сидоров, ссылаясь на Бодуэна дэ Куртене [Сидоров 1966, 63]. Подтверждение этого часто находим в реальной фонетике.

Однако по мере утверждения новой фонетической реальности она начинает включаться в фонетическую программу слова. Проявление этого может быть неодинаковым в разных языках/диалектах. В частности, потому, что была неодинаковой реакция на появившиеся новации в развертывании фонетической последовательности в слове. Они могли как восприниматься, так и отторгаться.

После падения редуцированных появились сочетания согласных, различающихся между собой по всем консонантным признакам – участие голоса, высота тона, место и способ образования. Включение принципа антиципации в фонетическую программу слова обуславливает регressive

направленные изменения в группах согласных. Но при сохранении ориентации на архаическое состояние принцип антиципации, т.е. дистактная связь, отторгается. В этих условиях усиливалась контактная связь между согласными, что вызывало прогрессивные изменения в группах согласных.

Ассимиляция и диссимиляция в группах согласных различны не только по типу своей фонетической репрезентации (уподобление/расподобление), но и по их фонетической реализации.

Ассимиляция, основанная на приспособлении рекурсии предшествующего звука к экскурсии последующего и наоборот, может протекать как нарастающее изменение артикуляции [Брок 1910, 169]. Диссимиляцию трудно представить как процесс постепенного изменения. Увеличение контраста между рядом стоящими звуками достигается скачкообразным изменением. Этому соответствует и словарное определение этого явления – «Замена одного из двух одинаковых или сходных звуков другим менее сходным с тем, который остается без изменения» [Ахманова 1966, 136].

Далее покажем, как изложенные соображения находят подтверждение в консонантной синтагматике в славянских диалектах.

4.2. Изменение шумных согласных по признаку участия голоса

Вследствие падения редуцированных появились последовательности шумных согласных, различающихся по признаку наличия/отсутствия голоса в их образовании. Контраст по глухости/звонкости между рядом стоящими шумными согласными до падения редуцированных был невозможен, поскольку имеющиеся сочетания шумных согласных были однородны по участию голоса в их образовании [Мейе 1951, 105].

Вопрос о том, как в новой ситуации отношение к признаку участия голоса проявилось в фонетической программе слова, рассматривать следует отдельно в применении к консонантным сочетаниям, с одной стороны, и к сочетаниям согласных с последующей паузой, с другой.

4.2.1. Позиция перед согласными

Сочетания шумных согласных, неоднородные в отношении участия голоса, имели альтернативное развитие в зависимости от того, включалась

или нет антиципация второго согласного при выборе первого. Обусловленная антиципацией регressive ассимиляция согласных по участию голоса присутствует в большей части славянских диалектов. Так, в [FO 1981, 30, 282, 630] при реконструкции исходного состояния фонетики для включенных в сетку ОЛА словенских, хорватских, сербских, македонских говоров констатирована унифицированность по участию голоса сочетаний шумных согласных после падения редуцированных. В [OF I 1982, II 1983, III 1984] тоже сказано о польской системе, принимаемой в качестве исходной.

Но в некоторых говорах антиципация не включается в программу слова. В этом случае как бы сохраняется фантомная память о гласном, разделявшем согласные, и произносится последовательность согласных неоднородных в отношении участия голоса.

При этом включение глухих и звонких согласных в фонетическую программу слова лишено параллелизма. В славянской речи очень редко встречается отсутствие антиципации звонкого согласного при выборе предшествующего шумного. Например, на такой факт указывает Георгиев в болгарском языке: «...В нашем литературном языке глухие согласные в предлогах и приставках *от*, *с*. *в* (произносимый как ϕ) обычно не уподобляются последующим звонким согласным» [Георгиев 1985, 49].

Отсутствие антиципации глухого согласного и, как следствие этого, произношение звонкого согласного перед глухим встречается чаще. Так. в состав украинских диалектных различий входит наличие/отсутствие звонких шумных согласных перед глухими, т. е. *кáзка*, *рýбка*, *сторóжка* / *кáска*, *рýпка*, *сторóшка* [Жилко 1955, 71, 93, 161; Бевзенко 1980, 200, 209]. Звонкость может ослабляться, но не утрачиваться полностью – *рýбка*, *т'áжко* [Жилко 1955, 93].

Звонкие согласные перед глухими свойственны белорусским восточно-полесским говорам – *рыбка*, *л'óгко*, *ц'егц'i*, *солóдши*, *рédко*, *дз'áдз'ко*, *л'éз'ц'e* [Кривіцкі, Падлужны 1984, 232]. Записи из белорусского говора Лунинецкого р-на Брестской обл. показывают непоследовательность замены звонкого согласного глухим перед глухим согласным, следствием чего является варьирование согласных – *йа бхадз'ila//пхадз'ila* (=я обходила), *ск'íбка//ск'íнка*, *сус"íдка//сус"íтка*, *róзка//róска*, *хóдко//хóтко*.

Традиционно принято интерпретировать регressive ассимиляцию по голосу как единый процесс, но в отдельных своих проявлениях имеющий разную хронологию: озвончение глухих происходит раньше, чем оглушение звонких, а произношение звонких перед глухими означает не-законченность процесса [Бернштейн 1961, 263]. В основе этого суждения лежит представление о том, что 1) сразу после падения редуцированных глухие и звонкие согласные образовали один синтагматический класс и

2) унификация рядом стоящих согласных по голосу задается как универсальный для славянских диалектов процесс, основанный на межзвуковом контакте. Однако объединение глухих и звонких согласных в один синтагматический класс для ранних эпох (вскоре после падения редуцированных) не бесспорно.

Как известно, глухие и звонкие согласные в принципе различаются не только участием голоса, но и уровнем напряженности основной артикуляции. Согласно [Брок 1910, 49], это разные «степени в силе согласных образований», чему соответствует «большее или меньшее мышечное напряжение для создания традиционных степеней внутри согласного образования, тождественного в остальных отношениях». Так образуются артикуляции типа *fortis* и *lenis* (сильная и слабая). Глухость/звонкость и разная степень напряженности могут конкурировать в своей значимости для опознания согласного как звукотипа. От того, какой из признаков является доминирующим, зависит и синтагматическое поведение согласных [Пауфошима 1987, 100]. Высказывается предположение, что оппозиция согласных по напряженности является более ранней фонетической чертой, чем различие по участию голоса [Князев 1991, 34].

Исходя из артикуляционных особенностей шумных согласных в севернорусских говорах, некоторые авторы считают возможным констатировать в них оппозицию по напряженности, а не по голосу [Русская диалектология 1989, 72; Касаткин 1993, 1995; Пауфошима 1987]. Не касаясь функциональной характеристики глухих/звонких согласных, а учитывая лишь комбинацию артикуляционных параметров, вряд ли можно допустить их тождественное синтагматическое поведение после падения редуцированных. Если оценить унификацию по голосу как реализацию дистактных связей в пределах фонетической программы слова, то можно допустить следующее. Антиципация звонкого (или ненапряженного) и антиципация глухого (или напряженного) согласного как компонента фонетической программы слова могли сформироваться независимо друг от друга, а не как элементы единого процесса. Поэтому современные модели типа [dt, dd] и [t̪, d̪] могут и не находиться в отношении хронологической последовательности, а отражают разное включение в фонетическую программу слова сочетаний шумных согласных, образовавшихся после падения редуцированных.

Следует учитывать и следующее обстоятельство. Частота сочетаний типа *td* после падения редуцированных была ниже, чем *dt*. Это связано с особенностью фонетического оформления приставок и суффиксов, так как новые сочетания согласных образовывались главным образом на стыке этих морфем с корнем. Приставки чаще оканчивались на звонкий соглас-

ный, а суффиксы начинались преимущественно на глухой согласный. Отсюда и большая частота *dt* в сравнении с *td*. После падения редуцированных гласных в сочетании *td* после глухого/напряженного согласного следовал сегмент, образованный с голосом и сходный в этом отношении с гласным, т. е. контраст по звучности между сегментами *tъd* и *td* отчасти был сглажен. Это способствовало включению в программу слова антиципации звонкого/ненапряженного согласного и озвончению глухого согласного. Тот же контраст между сегментами *dъt* и *dt* был более резким и поэтому ожидание гласного после *d* могло задерживаться вопреки фонетической реальности. Это тормозило включение антиципации глухого/напряженного согласного в фонетическую программу слова и задерживало звонкий/ненапряженный согласный перед глухим/напряженным. Из сказанного следует, что допустимость сочетания типа *dt* – это знак архаической фонетики с недостаточной развитостью дистактных связей в звуковой цепи.

Значительно реже в славянских диалектах в консонантных сочетаниях происходит прогрессивно направленное изменение по признаку голоса. В основе этого лежит сохранение/усиление контактных связей между согласными, способствующих воздействию первого согласного на артикуляцию второго.

В польских диалектах это выражается в изменении *v > f* после шумных согласных. В [OF 1982] отмечено *v > f* после *k, x, t* (п. 245), после *t, k* (п. 249). В [OF 1984] – *śfeca, śfyńa, śferśc, ćferć, śfentojańk'i* (п.п. 271, 272, 283, 285). Оглушение *v* в этих сочетаниях означает, что в них контактная связь стала более ощутимой, чем это было в более ранний период –ср. *světo, *svěť. Это усиление могло быть проявлением известного отторжения дистактных связей, внедрившихся в консонантные последовательности после падения редуцированных.

Прогрессивное оглушение губного спиранта отмечено в сербских говорах в [FO] – *t'vrt, s'vet'a, s'vekər, s'fińa, o c'fi (=od svih)* (№ 168), *s'vitka* (№ 84). Данное явление может рассматриваться и в связи с синтагматически обусловленным снижением голоса в образовании сонантов, о чем сказано ниже.

Своебразное проявление контактной связи между согласными содержится в надсянском украинском говоре (Мостисский р-н). Здесь происходит прогрессивное озвончение согласного *k* (и его производных) – *vuzók* и *na vízgáx, hp'éðga, ф'ið'gó, níbíjgga, na dyr'íz'dz'i, ж'ébgä, dóbga, píríjge'i, náz'ga*.

4.2.2.

Позиция на конце слова.

Диагностическое значение

фарингальные/задненебных спирантов

Синтагматическое значение позиции на конце слова для шумных согласных отличается по диалектам и не всегда совпадает с тем, что происходит в отношении участия голоса в консонантных сочетаниях. Существуют диалекты, в которых консонантные сочетания унифицированы по участию голоса, а на конце слова представлено различие глухих и звонких согласных (*t*, *dd*, но *t#-d#*). Обратного соотношения, т.е. *t-d* перед шумным согласным и только *t#* на конце слова, в диалектах нет – если звонкость сохраняется перед согласным, то она допустима и на конце слова.

В применении к украинским диалектам Ф.Т.Жилко отмечает, что «утрата звонкости согласных в середине слова значительно больше выражена, чем в конце слова» [Жилко 1955, 93]. Существует мнение, что оглушение звонких согласных на конце слова является самым поздним проявлением начавшегося после падения редуцированных изменения шумных согласных по участию голоса [Бернштейн 1961, 263; Колесов 1980, 161].

Падение редуцированных создавало на конце слова принципиально новую синтагматическую ситуацию – сочетание согласного с паузой (C#), чего не было в прасл. Унификация консонантных сочетаний по участию голоса имела синтагматический образец, существовавший до падения редуцированных. Для новой позиции C# такого образца не было. Поэтому в произношении звонких согласных перед паузой может сохраняться старый консонантный состав слова. Эта фонетическая черта проявляется следующим образом.

В описаниях фонетики словенских диалектов, включенных в сетку ОЛА [FO 1981], в нескольких пунктах отмечено сохранение звонких согласных на конце слова. В п. 8 – *zjɔ:b*, *lɛ:d*, *rɔ:γ*, *mráz*, *ri:ž* (с. 85); в п. 4 сохранение конечного звонкого согласного связано с восходящим ударением на предшествующем гласном – *žà:p* и *žá:b*, *rì:p* и *rí:b*, *nó:h* (с. 54). Возможно, в этом случае реализуется контактная связь в сегменте VC и подъем голоса при аките задерживает звонкость следующего согласного.

В [Peco 1980] приводятся сведения о сохранении звонкости конечных согласных или их неполном оглушении в сербских диалектах – *drûg*, *bôg*, *nôž* (с. 71), *drûg^k*, *bôg^k*, *nôž^k* (с. 72), *grâd^l*, *zûb^ø* (с. 317) и др. Отмечается возможность в тех же говорах вариантов с оглушением конечных звонких согласных (с. 62, 103).

В описаниях фонетики хорватских, сербских говоров сетки ОЛА [FO 1981] также даются указания на возможность произношения звонких и полузвонких шумных согласных перед паузой. Это следующие примеры:

mézéq, òba:q, lâ:q, gòlu:b, zò:b, prag, kóvceg, tû:z, tráz и zvјèrad, tèla:d, lù:g, bò:g (№ 38); звонкие согласные на конце слова частично теряют звонкость – *zù:b//b, grèb//b, mè:d//d, vrà:g//g* (№ 65); *'tâd, 'zid, g'rob, 'tmž, 'nož, tuž, 'rž, p'rág, rog* (п. 84); *s'nieg, s'varž//š* и *'lat, 'noš, o:b'ras* (п. 29); *grèb//n, râ:ž//š, t'ò:g//k, jè:jž//š*, чаще звонкость сохраняется (№ 153); на сохранение звонкости указано в описаниях говоров пунктов №№ 33, 46.

В [FO № 168] на конце слова на месте звонких шумных согласных произносятся глухие согласные, полузвонкие (знак [~] под буквой), глухие ненапряженные (знак [~] под буквой) – *züp, ku'kuruc, sles, jet, ješ, bok, š'tərb, breg, glad, rod*.

В [БДА III, карта 52] выделен ареал болгарских говоров, в которых сораняются звонкие согласные на конце слова – *боб, зуб, плуг, нож*.

В серболужицких диалектах сочетания шумных согласных унифицированы в отношении участия голоса. Что касается позиции перед паузой, то в этом отношении имеются различия между верхнелужицкими и нижнелужицкими диалектами. Этому сюжету посвящена в [SS 13, 1990] карта 58. Как сказано в комментарии к карте, в верхнелужицких диалектах на конце слова допустимы лишь глухие согласные и отклонения от этого правила единичны (с. 238). Ситуация же в нижнелужицких диалектах описывается следующим образом.

Во многих говорах на конце слова сохраняется оппозиция шумных согласных по участию голоса. Эта черта нижнелужицких говоров известна по диалектным описаниям [Schroeder 1958, 29, 37, 40; Michalk 1964, 222]. Но в [SS 13] то же явление описывается несколько по-иному. Учитывается, что артикуляция глухих и звонких согласных различается не только участием голоса, но и уровнем напряженности, чему соответствуют согласные класса *fortis* и *lenis*. Эти артикуляционные параметры могут меняться вне связи друг с другом. Если звонкий согласный утрачивает голос, но не повышает напряженность, он становится безголосым согласным *lenis*, который следующим образом описан Броком: «голосовые связки при звонких согласных образуют в гортани преграду, невольно уменьшающую давление выдыхаемого тока в ротовой полости, а эта преграда в гортани может до известной степени сохраняться, хотя бы и исчезло звучание голоса» [Брок 1910, 59].

Такие безголосые *lenis*, по данным [SS 13], наряду со звонкими согласными произносятся на конце слова во многих н-луж. диалектах. В комментарии к карте 58 сказано, что между глухим *lenis* и звонким *lenis*

(b – b) акустическое различие меньше, чем между глухим *lenis* и глухим *fortis* (b – p) (с. 238). Это может указывать на то, что опознание шумных согласных в большой степени определяется уровнем напряженности их артикуляции.

Произношение типа *kléb//b*, *jaścęb//b*, *snęg//g*, *rod//d*, *wyz//z* – это черта старой фонетики, присущей речи носителей диалектов старшего поколения [Michalk 1964, 222]. В [SS 13 K. № 58] показана разная частота сохранения сегментов типа *b#*, *b#* на фоне замены *b > p* в отдельных говорах – всего на карте выделено 11 зон.

О том, что после падения редуцированных шумных согласные могли оказаться в ситуации, когда в качестве их главной характеристики конкурировали признаки участия голоса и уровня напряженности, в применении к чешскому языку сказано в [Vachek 1958]. При состоявшейся ассимиляции по участию голоса согласные продолжали различаться по напряженности – в *led* безголосый *lenis*, в *let* безголосый *fortis*, в *zde < sde* звонкий *fortis*. Но это состояние в чешском не задержалось, поскольку вновь восстановилось исходное соотношение признаков глухости/звонкости и напряженности/ненапряженности.

В украинских и белорусских говорах сохранение звонких согласных перед глухими и перед паузой обычно сосуществуют.

В [ДАБМ карты 45, 46] показано диалектное различие, состоящее в сохранении/утрате звонкости шумных согласных перед глухими согласными и на конце слова в белорусских говорах. Зона безальтернативного сохранения звонкости примыкает к украинским диалектам, имеющим ту же фонетическую черту. Примеры такого произношения: *боб*, *сад*, *год*, *м'едз'в'едз'*; *марóз*, *јéж*, *нóж*, *дождj*, *берéг*, *мурóг* [Кривіцкі, Падлужны 1984, 232]; *дуб*, *хл'éб*, *hóд*, *hраз*, *нóж*, *муж*, *атréж*, *дождj*, *снéh* (Лунинецкий р-н Брестская обл.).

В украинских говорах оглушение звонких согласных в названных позициях является признаком юго-западного наречия [Жилко 1955, 93].

Динамику преобразования конечного звонкого согласного можно проследить на материале одного гуцульского говора (Раховский р-н Закарпатская обл.). Здесь в соответствии с этимологическим звонким шумным согласным перед паузой произносится 1) согласный с ослабленной звонкостью (полузвонкий), далее обозначенный знаком ^ под буквой; 2) безголосый согласный *lenis*, т. е. глухой, но ненапряженный – знак v под буквой. Эти согласные оформляют фонетические дублеты слов – *hreb//b*, *ob'ið//ð*, *чéл'ið//ð*, *v'iž//z*, *hruž//z*, *bivdž//dž*, *zámužj//ž*, *dóždžj//dž*, *kl'éž//z*.

Отсутствие оглушения конечных звонких согласных (*б*, *д*, *з*, *ж*, *г*) известно и некоторым русским говорам, как это показано в [ДАРЯ 1986, карта 73]. Эта черта свойственна западнорусским говорам, примыкающим к украинской и белорусской территории, а также некоторым островным ареалам на северо-востоке территории ДАРЯ. Участие голоса в образовании конечных согласных в материале атласа иногда обозначается как *n^h*, *b^h*, *m^h*, *d^h* и под. [ДАРЯ, Вступительные статьи, 177], что подразумевает неполную утрату голоса.

Замена звонкого согласного глухим означает снижение/утрату голоса и повышение напряженности. Такое изменение выглядит достаточно мотивированным при контакте со следующим согласным. Но пауза, являющаяся звуковым нулем, не содержит мотива для выключения голоса в предшествующем согласном – нет никаких оснований считать, что позиция перед паузой несовместима изначально с участием голоса в образовании согласного (тем более, что это подтверждает синтагматика сонантов). Хотя уже свершившееся изменение и может квалифицироваться как “антиципация безголосности паузы” [Брок 1910, 168], тем не менее утрата голоса в конечном согласном не является проявлением прямого уподобления согласного паузе. Думается, что понять названное изменение можно, если подойти к нему с позиций фонетической программы слова.

Утрата конечных редуцированных гласных была одним из свидетельств того, что конец слова находился в зоне сниженного производительного внимания. Слабая напряженность согласного (звонкого), не поддерживаемого перед паузой следующим гласным, снижала его выразительность и могла способствовать его утрате независимо от того, сохранялся в нем голос или нет. Характерно, что отдельные примеры такой утраты встречаются. В [ДАРЯ комментарии, 177] приводятся данные из одного южнорусского говора, в котором при сохранении конечных звонких согласных отмечена утрата конечного *г* (вероятно, *γ*) – *дру*, *плу*, *кру*, *сто*, *ша*, *твόръ* (=творог). На явление такого же рода указано в описании сербского говора в [FO № 65]. Здесь *t*, *d* на конце слова часто ослабляются или утрачиваются. Но при утрате обычно на месте согласного остается слабый гортанный взрыв (*glottalni ploziv*) благодаря чему носители диалекта не ощущают полной утраты согласного – *pè:t//pè://pè:^h//pè, cí:ta//cí:ta'^h//cí:ta*.

В этом отношении показательно синтагматическое поведение фарингального спиранта *h* в некоторых украинских говорах. Особенность артикуляции этого спиранта состоит в ненапряженности и в неполном образовании голоса – «уже самые незначительные перемены голосовых связок в передней части щели ведут к безголосому *h*» [Брок 1910, 47, 48]. Такого

рода артикуляция могла не иметь ресурсов для повышения напряженности. Результатом могло стать или ослабление фарингальный спиранта вплоть до утраты или замена его другим согласным. Примеры того и другого имеются в украинских говорах зоны Карпат.

В [Вопросник КДА 1957] содержатся вопросы (546, 550), предлагающие выяснить наличие/отсутствие оглушения шумных согласных на конце слова. Среди иллюстративных слов даны *rih*, *norih*, *oborih*, *snih*, *oblih*. Позиция после *i* специально выделяется потому, что *h* после узкого гласного *i* ослабляет напряженность, с одной стороны, и изменяется в *j*, с другой.

Как показывают записи ответов на вопросы, в этих словах фарингальный спирант обозначен буквой в экспоненции, что означает ослабление артикуляции. В одном из ответов (Калушский р-н Ивано-Франковская обл.) ситуация прокомментирована так: в *sn'i^h*, *bér'i^h* фарингальный согласный произносится как звонкое приыхание.

Подобное ослабление не распространяется на другие звонкие согласные в той же позиции. Так, в Сtryйском р-не (Львовская обл.) – *sn'i^h*, *p'i^h* и *n'iж*, *v'iž*; в Косовском р-не (Ивано-Франковская обл.) – *p'i^h*, *por'i^h*, *obor'i^h* и *v'iž*, *n'iж* и др. Факты такого произношения свидетельствуют о том, что слабая напряженность *h* становилась еще слабее перед паузой и лишь сохранение голоса позволяло опознавать этот спирант.

Возможна и такая ситуация, когда *h* полностью утрачивается при том, что другие звонкие согласные сохраняют элементы голоса перед паузой – так в Долинском р-не (Ивано-Франковская обл.) – *p'i*, *por'i*, *sn'i* и *v'iž*, *n'iж*, *p'ád* (примеры взяты из ответов на Вопросник КДА).

В гуцульском говоре (Раховский р-н Закарпатская обл.) фарингальный спирант, ослабляя свою артикуляцию перед паузой, становится почти неслышен, напоминая слабое приыхание – *váta^h#*, *obor'^h#*, *lú^h#*, но и *váta^h одéн*, *lú^h у нас*, *obor'^h на horbáх*. Слабый фарингальный перед паузой носителями диалекта ощущается как полноценный согласный и отвергается возможность произношения типа *váta^h*. Такое же явление показано в [АУМ 2, карта № 128] – *por'i*, *por'i^h*, *sn'i^h*, *p'i*, *p'i^h*.

Фарингальный согласный, попадая в позицию между предшествующим гласным *i* и последующей паузой, может заменяться спирантом *й* (*j*). Передвижение фрикативной артикуляции в средненебную зону обусловлено близостью места образования *h* и *i* и сходством по низкому уровню напряженности. В то же время в этой ассимиляции просматривается тенденция сохранить согласную артикуляцию в контуре фонетического слова. Изменение *h* > *й* должно происходить через стадию *h'*, но она в рассматриваемой позиции не зафиксирована. Примеры из говора Турковского р-на

(Львовская обл.): *не моhлá > не м'íй, ѫа зам'íй, порóха > пор'íй, б'ihати > в'ин' поб'íй, к'ин' б'íй, бéреhа > бéр'íй, оборóhi > обор'íй* [Калнынь 1973, 199]. Изменение *h* > *й* происходит только перед паузой, так как в этой ситуации *h* безальтернативно связан с предшествующим гласным, находясь с ним к тому же в одном слоге, что способствует уподоблению спиранта предшествующему гласному.

Но и в финальном спирантне *й* благодаря его ненапряженности шумовая составляющая может ослабляться, что сводит акустическое впечатление от него почти к нулю. Так, например, в Сторожинецком р-не (Черновицкая обл.) – *p'i^h·por i^h, c'n i^h, оборi^h* при *p'et, cat, v'ic, n'iš*.

Украинским говорам известна утрата *й* (*j*) в позиции *i-#* и вне связи с фарингальным согласным. Так, например, в гуцульском говоре (Раховский р-н) – *л'i, тв'i, hní, поб'i, id n'i, ч'i*. Между *й* и *i* существует минимальный контраст по уровню шума. Уподобляясь предшествующему гласному *i*, спирант *й* к тому же максимально снижает свою напряженность и, как следствие этого, ослабляет голос до нуля. Переход от артикуляции других гласных к *й* требует большего артикуляционного напряжения и это способствует сохранению собственного шума у *й* в том же говоре в таких примерах, как *дай, кóней, heróй, купúй* [Калнынь 1976, 186].

О том, что спиранты, локализованные в фарингальной/задненебной зоне, являются менее напряженными в сравнении с другими согласными, свидетельствуют факты из разных славянских диалектов. В данном случае интересно, как это связано с участием голоса в артикуляции согласного.

В южнославянских диалектах специфическую синтагматику имеет спирант *x*. В частности, будучи локализован вблизи голосовых связок и имея слабую напряженность, этот спирант воспринимает голосную артикуляцию в позициях V-V, V-Son. Так, в [FO] приводятся примеры этого из сербских говоров: *s'nəya, 'uyo, st'raya* (с. 525), *'tiya, 'jaya:, 'nosa:yu, b'jeu:* (с. 539):

На озвончение спиранта *x* в болгарском обратил внимание О. Брок – имея в виду позицию V-Son, он констатировал произношение *kíriute, cíyute*, где *у* “звучало с весьма слабым велярным трением, находясь уже на переходе к голосному гортанному” [Брок 1910, 74, 166]. На такое же явление указано в [Стойков 1942, 83]. Факты изменения *x* > *у* не только в позиции V-Son, но и V-V приводятся в материалах [БДА I, карты 67, 69] – *муá, мъуála, снауá, str'aúa, triúchku, strauuvé, plýuóci, cýúa, vrýuuvé, гуубýua, нуштá уóди, дréуи, утýдууми, закláua, да үráни, тýнало;* в ответе из пункта 3147 (Кортен Старо-Загорско) знак *у* определен как “звукно гърлено, но слабоучленявано *x*”.

В македонском говоре – *buy'na, piy'na, 'eyla, 'teymet* [FO № 104 с. 741]. Здесь же в позициях V-Son и Son-V в соответствии с *x* произносится *v* – общее между этими согласными только их веляризованность (низкий тон), но губной эквивалент *x* произносится с голосом – *mavna, evla, bevme* [FO № 92 с. 643], *bolva, mevlen, nivno, bevme* [FO № 94 с. 675].

Отдельные случаи такого типа отмечены в польских говорах в [OF 1983]: *tuja, teyu, bez uya* (№ 309 с. 62); *tuja, "ożeyy, ul'iya, blayat* (№ 310 с. 68); *suuy, macoya* (№ 319 с. 103). О слабости артикуляции задненебного спиранта перед паузой свидетельствуют и такие польские примеры в [OF 1983], как *da^x, k^xozu^x, da, stra, gro, břu* (№ 309); *da, gr̥y, gr̥^xθ* (№ 310 с. 68). Здесь же указано на утрату *j* после *i, y* во 2 л.ед. *imperat* – *śm'i śe, ne b'i, žv'igńi, my* (=myj), *zuoži, moji* Gen sg f (№ 292 с. 21).

Спирант *x* благодаря своей ненапряженности может после переднего гласного передвигаться в средненебный ряд, но, получив при этом участие голоса в своей артикуляции, изменяется в *j*. Как показано выше, в украинских диалектах подобное преобразование претерпевал звонкий спирант *h* и только перед паузой. В говорах, описанных в [FO], такого ограничения нет. Так, в хорватских говорах – *ori:j, sná:ja*, характерно, что в этом же говоре после лабиализованного гласного *x > v*, т. е. также имеет место подобие между согласным и предшествующим гласным – *'ivo, bý:va* (№ 34); *snē:ja, 'nijov, 'tije* (=tiho), *tij, gr̥e:* (№ 35);

в сербском – *strīja, kī:ja, m'acíja, grí:ji, tī:j, gri:j* (№ 57 с. 467);

в македонских – *nijno, grej, mej, orej*, а также *suj lep* (№ 102 с. 727); *mej, zmej, orej* (№ 107 с. 766);

в болгарских – *тéйна* и *т'áwna* [БДА II, карта 90], *грей, смей, орей,* но и *грай//gra, граф* [БДА II, карта 91], *дрéя, стрéята, смей, блей, грей и страй, зáдуй* [БДА IV, карты 90, 93].

В качестве подтверждения того, насколько слабая напряженность спирантов делает их подверженными влиянию образованного с голосом контекста, можно привести факты озвончения согласного *ф* в позиции V-V в болгарских говорах – *кóвъ, Стéван, къртóви, кувáр, Стéвън* [БДА II, карта 97]; *Сóвийа, картóши, катистрóва, шав'оро, уш'ицéрти, ставíди, калавáр*, а также *саráвие* [БДА III, карта 81]; *кóва, совéл'ка, шkávът, центриvúга, мъсрáви, телевóнът, шáверка* [БДА IV, карта 101].

Замена конечного согласного *x* средненебным спирантом отражает тенденцию сохранить фонетический контур слова как имеющий в своем конце согласный звук. Контур мог быть нарушен в связи с возможной утратой спиранта *x*, артикуляция которого не имела ресурсов для повышения напряженности. Охранительное отношение к контуру слова в его фонетической программе особенно выразительно проявилось в сербском говоре,

демонстрирующем изменение $x > g, k$ в конце слова – *órag, ní:g, grág, misla:g, vižog, ūze:g, svjeg* и отсюда *pastú:ga, óraga* и др. [FO № 76 с. 550].

В говоре вообще уже может не быть спиранта, но замена его задненебным смычном перед паузой несет память о более раннем контуре слова (FO № 73 с. 532) – 'vr:k, ar'ak, 'rekok, sé'dža:k.

Учитывая изложенные факты, можно предположить, что как сохранение звонких согласных перед паузой, так и преобразование конечного согласного типа $d > t$ было вызвано охранительным отношением к фонетике слова. Это отношение было заложено в фонетическую программу слова и выражалось в сопротивлении возможному понижению акустической выразительности конечного согласного. В случае сохранения конечного звонкого согласного действовала антиципация уже утраченного редуцированного гласного (фантомная память). Это явление аналогично описанному выше компенсационному усилинию высоты тона согласного перед ожидаемым, но не произнесенным * \emptyset .

В изменении $d > t$ перед паузой приоритет отдавался усилинию напряженности, поскольку именно эта артикуляция более эффективно фиксировала конец слова. А усиление напряженности согласного автоматически сопровождалось выключением голоса, поскольку звонкость комбинировалась с ненапряженностью. Как показано выше, само по себе ослабление голоса при низкой напряженности не делало конечный согласный (безголосый *lenis*) более выразительным в сравнении со звонким *lenis* (ср. нижнелужицкую ситуацию).

Охранительная тенденция в отношении конечного согласного (фонетического состава слова) может проявляться не только в повышении его напряженности/оглушении, но и в произношении гласного пазвука после звонкого согласного. Так, в русских говорах Горьковской обл. по данным [ДАРЯ комментарии, 177] и [Атлас 1957. Вступительные статьи, 558] отмечено произношение *хлéбъ, хóладъ, вóзъ, гóдъ, навóзъ, мéжъ, южъ, халхóзъ, пагíбъ, сас'éдъ*. Поддержка вокальным пазвуком звонкости конечного согласного отмечена в чешских диалектах – *duba, vid'a* [Lamprecht 1986, 102].

Напряженность глухого согласного может сопровождаться придыханием, следующим после основной артикуляции [Касаткин 1995, 43]. Если предположить, что и глухой согласный отреагировал на утрату конечного редуцированного усилием своей артикуляции, то это должно бы выразиться в повышении его напряженности и, как следствие этого, в придыхании после согласного. Известное подтверждение этого можно видеть в особенности артикуляции конечных согласных в одном болгарском говоре, описанном в [Калнынь, Попова 1993]. В этом говоре шумные глухие согласные перед паузой усиливают артикуляцию фазы рекурсии, когда рече-

вые органы выходят из занятого ими положения. У *t*, *k* это создает эффект сильного придохания, у *s*, *sh*, *ç*, *ch* – эффект долгого спиранта. Это свойство конечных согласных особенно заметно при сопоставлении с их произношением в других позициях. Произношение выглядит следующим образом: *n'et⁺* (так обозначаем усиление рекурсии), *m'et⁺*, *km'et⁺*, *nom⁺*, *nar'et⁺*, *n'ëamat⁺*, *b'ärptom⁺*, *l'ic⁺*, *pryc⁺*, *uv'ëc⁺*, *pál'ic⁺*, *noš⁺*, *n'esh⁺*, *staš⁺*, *k'er'ëc⁺*, *dob'ít'k⁺*, *b'ult'k⁺*; определенно долгий спирант произносится в *mos:#*, *tøy mnógu si прос:#*, *kryc:#*.

Своеборное подтверждение того, что глухие согласные благодаря своей напряженности более эффективно фиксируют конец слова после падения редуцированных, имеется в польском языке. Здесь снижение выразительности конца слова, оканчивающегося на звонкий согласный, после падения редуцированных компенсировалось заменительным удлинением гласного в предшествующем слоге. Перед глухим согласным не было потребности в таком способе фиксации фонетики слова. Поэтому *chlop*, *oś*, *pos* и *ród*, *wóz* [Klemensiewicz 1955, 52].

4.2.3.

Позиция на стыке слов

Проблема изменения согласных по признаку участия голоса возникает и в условиях сандхи, т. е. на стыке слов. В славянских диалектах на стыке слов шумные согласные сочетаются с последующими сегментами #t, #d, #V, #Son.

Перед #t, #d на выбор согласного, оканчивающего предшествующее слово, накладываются ограничения в отношении голоса. Но реализуется это в разных диалектах неодинаково.

Часто это проявляется в унификации согласных по участию голоса подобно тому, как это происходит в слове. Таковы примеры из севернорусских говоров:

kórop c'et'ëi, gólup' c'ízoi, dróf pólón ç'uláni, nágom pr'ín'ös, ras n'ám', шук пошóл, д'én'ок пólójьши и хл'éб заç'órs, сýb' быстр'ë, горóу да в'íka, óколо однýúг godóf, д'ëv'ed' д'ón, на поç'óð доск'i, зат'egád глазá, над' завárka завár'ivat', т'óз да жолóб'йо, ов'ëdz' д'оржál'i, што хóж д'élai, óтпузг был, р'ág жолútku (Холмогорский р-н Архангельская обл.);

ňástr'ep c'érói, z'án pačám'; *качкóf сáшка, být' pox'ítp'ëi, m'ót slátkoi, morós c'ílnoi, noši tupoý, róši c'n'élai'a, c'n'ëk nað'ót и ukrób запашýstoy, штрáv dадýt, двайг дýši, у шайг д'én'g'i, мózð был, схлон'óð*

глазам, н'ёд дак н'ёт, скод д'ёржат, вэ'ёд' за дом, ѹёз' гр'ехá, ѹёж да р'ёж, в м'ешо́ да уб'ива́й (Кологривский р-н Костромская обл.).

То же представлено в украинском надсянском говоре (Мостиский р-н Львовская обл.), где сочетания шумных согласных как в слове, так и на стыке слов однородны в отношении участия голоса:

хл'іп країi, хто міх то с"i бáвіù, лúх такóїi (луг=щелок), д'іт прíйде, кс"éнц сам, зáрас ты, ріх крівый и сніб жыта, кріб ду бóчк'i, саміh жнівáh зліhlá, суд дулhносы, буліd hулуvá, віз'dз' зал'ізла (=есть), пéз hájкай, бідж бірá в рýk'i, ѹаг дбáйi таg майдi, біг буліt.

Сходство в синтагматическом поведении глухих и звонких согласных в слове и на стыке слов свойственно и белорусскому полесскому говору (Лунинецкий р-н Брестская обл.) – здесь перед #t звонкие согласные имеют альтернативу в виде утраты или сохранения голоса, а перед #d глухие согласные озвончаются. Это выглядит следующим образом:

хл'éб//п'екл'i, а коб таб'i, с"н'éh пáдаиe, бóh ты мой, сус"іd куп'іj, дз'ёд пам'ор, м'їýd продáj, заhóдз' пайé, воз цýлыj, вóчарадз' стаiц', кryж стáрый, н'абóж пам'йор и снóб жыta, ас"т'об дз'ёд, укрóб héтak сáмо, мун баháто, бóh зап'icáj, асóд héтыj, кóд б'ётыj, нóз бал'іj, мág héтыj.

В гуцульском говоре (Раховский р-н Закарпатская обл.) сандхи оформляется по правилам, отличающимся от тех, которые актуальны в пределах слова. Звонкие согласные перед #t заменяются соответствующими глухими более напряженной артикуляции. В позиции же перед #d глухие шумные заменяются согласными, в образовании которых принимает участие голос, однако распространяется он не на всю длительность согласного, а лишь на завершающую его часть (т. е. t̪). Акустически эти согласные отличаются от неполнозвонких согласных, которые заменяют собою звонкие перед паузой (*об'іd, в'іz*). Различие состоит в распределении звонкой и глухой частей согласного: перед #d сначала глухая, а потом звонкая часть, а перед паузой – сначала звонкая, а потом глухая. Звуки, заменяющие собою глухой согласный перед #d, далее обозначены буквой глухого согласного со знаком ^ над ней.

Надо отметить, что звуковое качество, обозначенное знаком ^, варьируется в зависимости от количественного соотношения глухой и звонкой части согласного. Это связано со способом образования согласных – у аффрикат глухая часть более продолжительна, чем у фрикативных; с качеством последующего согласного – звонкая часть значительно превалирует над глухой, если предыдущий и последующий согласные различаются только участием голоса. В целом сочетание, образованное согласным

со знаком [~] и последующим звонким согласным, неоднородно в отношении голоса. Примеры этого явления:

зуп к'éнуми, б'ин с'инати, бут' тéхо, мэдв'ит' хóдит, в'ic с'иा, зáрас и'ту мéску, не мóш купéти и осл'и' бес, п'и' ду'же дóбрый, сéн hléну, муф з лéса (=муфта из лисы), тéх hróший, мúх дóста, вéрх груп'е, з'éт' боháтий, пácк háукае, так' бúде.

Особую ситуацию репрезентует стык слов, первое из которых оканчивается на шумный согласный, а второе начинается на гласный или сонант. Имеются следующие варианты синтагматической экспликации этого вида сандхи.

Звонкий согласный оглушается так же, как перед паузой. Так, например, в говоре Кологривского р-на – *руп од'и, остáф на пол'иц'к'e, в'з'аф éту комун'иску, в лáйт' вышывáла, м'едв'ит' лáту с'с'от, оц'ер'ем' ид'от, обрас ыкóна, стóрои он ноиной.*

В то же время, как показано в [Пауфошима 1983, 36], в северорусских говорах на фоне статистически преобладающего изменения типа t-d > #V.Son нередки случаи сохранения оппозиции t-d в этом положении. Это явление, по словам автора, «распространено едва ли не повсеместно на территории русского Севера».

Различаются глухой и звонкий согласный, как это имеет место перед гласным и сonorным в пределах слова, в гуцульском говоре (Раховский р-н):

н'и'п идë, хюп р'еже, hóтуб лëт'и', hréб одéн, штрóф одéн рубéл', муф рéжий, шут ласу'иц' так, дéс'и'п' и'и', пар'и'д не знае, hóспод' у рáйу, с'и'м б'и'о обнаи'аи', чéт'и'д' велика, на вás уважáйу, зáраз уби'ю, раз и'эн'о, лáпиц' рози'сзати, мáйчи ужé, не мóж ужé, бóконч одéн, дóждj на плéчи, так и'иа, кт'е'г' рóбит, на см'и'к' оз'мúт, м'и'н' éнак зробéти.

Такая же ситуация в условиях сандхи представлена в белорусском полесском говоре (Лунинецкий р-н):

снон аи'сá, бáб аи'квайи'ц', кóт антóнуù, раздúц' аhón', и'ёнав'идз' у л'удз'е'и ук'и'нласа, нóс ап'иx, вóз адз'и, наш антóн, нóж упáу, таk у каhó, памóh антóн, пah'и'б на хрóн'ц'i, браt рóзк'и, и'еэз'дз'ац' л'удз'i, дз'ед' мармúче, м'едз'в'едз' л'из'e, у нас л'удз'i жыве'ц', прыто'з у в'éчеры, hраz' на дорóз'i, кóш мук'и, и'ебóж начавáу, дз'в'ох и'х, бóh и'х в'едаи'e.

Наконец, представлен такой тип сандхи, когда на стыке слов перед #V.Son не только сохраняются звонкие согласные, но и глухие заменяются звонкими. Пример этого дает украинский надсянский говор (Мостицкий р-н). Здесь в условиях сандхи оказываются запрещенными сочетания, допустимые в слове, т.е. tV, tSon. Выглядит это следующим образом:

хл'іб мн'юк'їй, хлобъ нашъ, мояжі маю с"им л'ід мояжі маю дёвийід' л'іт, ѹак'їз" маёпор, выл'із вікномъ, тіёдз набірाइі сопуху, за доз"дз" ѹе (=дость), скажыж і підеж ду дому, с"в ітіж мн'ї, прыждж мі збіш на нос"ї, тута р'ідж ішлá (=речь), ріг ліж'єў, худа́г на но́ху, нот'ік т'іг на т'імъ, кап'үн на холуву, пірін напéрит.

Допустимость только звонких согласных в позиции перед #V,Son свойственна некоторым польским говорам, образуя так называемый «краковский тип сандхи». Так, в [OF 1983] приводятся следующие примеры:

sez razy, kuez nosy, poz i žyń, (с. 17), brad jest, końez nosy, ueb ofcy (с. 34), brad "ojca, ktuz jíže, iż ode mnie (с. 41), fcac rano, brad ma, tyz jes, sez a p'eć, poz' i žej (с. 72) и под.

Такой вид сандхи является следствием того, что на стыке слов звуковая последовательность регулируется антиципацией голосности сонанта и гласного. В словоформе такой антиципации нет, хотя артикуляционная связь здесь между звуками должна быть более тесной, чем на стыке слов. Брок по этому поводу заметил, что “для прикосновения разных слов принцип регressiveного голосного уподобления развился в более широких размерах, чем внутри отдельных слов” [Брок 1910, 168].

Озвончение шумных согласных перед #V,Son не может быть аргументировано непосредственным артикуляционным контактом. Это изменение можно расценивать как реализацию тенденции не увеличивать после падения редуцированных на стыке слов количество сочетаний, контрастных по голосности. Включение антиципации гласного и сонанта в процесс выбора шумного согласного, оканчивающего предшествующее слово, исключило на стыке слов перепад по голосности, поскольку последовательности, имеющие в своем начале согласный, приобрели вид t#t, d#d, d#V, d#Son. Можно заметить, что такая модель наиболее близка к оформлению сандхи до падения редуцированных, когда перепад голосности имел место только в [dъ-# t], [tъ-# t] и отсутствовал в [tъ-# d], [dъ-# d], [tъ-# V], [dъ-# V], [tъ-# Son], [dъ-# Son]. Озвончение глухих согласных перед #V,Son компенсирует утрату *ъ с тем, чтобы сохранить ровное протекание голосности в условиях сандхи. Изменение t#V,Son > d#V,Son вполне укладывается в такое протекание голосности. При таком объяснении следовало бы признать, что модель [d # V,Son] в сравнении с [t-d # V,Son] более категорически настаивает на старом типе протекания голосности на стыке слов.

Рассмотренные виды межсловного сандхи различаются в зависимости от включения в звуковую последовательность антиципации не только следующего согласного, но и гласного, что презентует разный уровень актуализации дистактных связей.

Модель [t#t, d#d, t#VSon] основана на антиципации шумного согласного, а позиция перед гласным или сонантом следующего слова приравнивается к позиции перед паузой, где у звонких согласных повышается напряженность и снижается голос.

Модель [t#t, d#d, t#VSon, d#VSon] включает антиципацию шумного согласного, а перед #V,Son сохраняется ожидание голосного элемента, что способствует стабильности шумных согласных. Позиция перед #V,Son тождественна позиции в слове перед гласным и сонантом. Сандхи t-d#VSon в одних диалектах реализуется последовательно, а в других носитrudиментарный характер на фоне t#VSon [Пауфошима 1983, 36].

Модель t#t, d#d, d#VSon своим своеобразием обязана позиции перед #V,Son, где запрещена глухость шумного согласного. Этот вид сандхи порожден неприятием возможного на стыке слов перепада голосности как результата падения редуцированных.

4.2.4.

Выводы об особенностях изменения шумных согласных по признаку участия голоса в рамках фонетической программы

Эти особенности эксплицированы следующими правилами синтагматики шумных согласных.

1. Различие в поведении глухих/звонких согласных зависит от того, включается ли в фонетическую программу слова антиципация следующего сегмента при выборе предшествующего согласного. При этом не исключено, что в ранний период после падения редуцированных глухие и звонкие согласные не были объединены в один синтагматический класс. Антиципация звонкого (или ненапряженного) и антиципация глухого (или напряженного) согласного в качестве компонентов фонетической программы слова могли возникнуть независимо друг от друга, а не как компоненты единого процесса. Поэтому современные модели типа [dt, dd] и [tt, dd] могут и не находиться в отношении хронологической последовательности, а, возможно, отражают разное включение в фонетическую программу слова сочетаний шумных согласных, образовавшихся после падения редуцированных.

2. Отсутствие антиципации обусловлено сохранением ожидания (предвидения) после согласного уже утраченного редуцированного гласного. Это – один из случаев несовпадения фонетической программы и реальной фонетики.

3. Содержание изменения согласных по признаку голоса в сочетаниях *dt*, *td* и *d#* неодинаково. В сочетании согласных происходит регressive, реже прогрессивное, уподобление по голосу и напряженности – в данной синтагматической ситуации приоритеты этих видов артикуляции не просматриваются. Перед паузой же в силу включенной в фонетическую программу слова охранительного отношения к концу слова приоритетным становится уровень напряженности, усиление которой автоматически выключает голос.

4. Позиция #VSon отражает степень продвинутости фонетической модели слова в направлении новых отношений, становящихся актуальными после падения редуцированных. Модель *t#VSon* является наиболее новой. Модель *t-d#VSon* сохраняет память о старых отношениях до падения редуцированных. Модель *d#VSon* также ориентирована на старые отношения, но достигается это новыми средствами, а именно – недопустимостью перепада голосности на стыке слов.

5. В целом разнообразие синтагматического поведения глухих и звонких шумных согласных в славянских диалектах отражает хронологию изменений, которым подвергалась фонетическая программа слова после падения редуцированных. Разные этапы этого изменения образуют в славянских диалектах хронологически маркованную линию.

4.3. Отношение сонантов к возможному изменению уровня голосности в их артикуляции

4.3.1.

Оглушение передненебного вибранта

Синтагматической особенностью класса сонорных согласных считается отсутствие реакции на сочетание с глухими шумными и паузой. Участие голоса как компонента артикуляции сонанта характеризуется в большинстве диалектов стабильностью.

Межу тем, как отмечает [Брок 1910, 169], “Следы прогрессивного уподобления в артикуляции гортани (т. е. голосовых связок – Л.К.) встречаются повсюду в славянской речи в сочетаниях безголосого шумного со следующим сонорным согласным, именно первая часть сонорного согласного становится часто безголосою ... Но так как безголосая часть лишь минимальна, а решающим для слуха моментом становится в таких случаях

последняя часть сонорного согласного, то этот початок уподобления остается без заметного значения для звукового строя”.

Важным моментом этого наблюдения является указание на прогрессивное направление изменения сонорного согласного, что отражает приоритетность контактной связи в сегменте.

Вместе с тем в славянских диалектах известны факты, когда снижение голоса в образовании сонанта превышает порог аудитивной невоспринимаемости и наступает эффект оглушения сонанта. Известным фактом такого рода является прогрессивное оглушение вибрента *r*, *r'*. Этому способствует сама артикуляция вибрента, поскольку дрожание сопровождается элементом спирантизации [Брок 1919, 37]. О том, что *r'* “больше похож на щелевой, чем на дрожащий, по своим артикуляционным и акустическим свойствам”, сказано в [Бондарко 1977, 84].

Наиболее архаическое проявление прогрессивного оглушения вибрента имеет место в нижнелужицких диалектах. Здесь после глухих смычных согласных на месте *r* может произноситься передненебный корональный спирант *š*, на месте *r'* (перед передним гласным) – палатальные *š*, *č*, палатализованные *š'*, *č'*. В транскрипции, использованной в [SS 1, 17] для этих согласных использованы определения – *stumpf weich š*, *č*, *stumpf halbweich š'*, *č'*, *stumpf hart š*, *č*. В описаниях фонетики серболужицких пунктов сетки ОЛА [Michałk, Sperber 1983] для обозначения тех же согласных использована транскрипция, данная в [OLA. Вступительный выпуск 1994, 49-52], в соответствии с которой – *š* среднеязычный палатальный спирант, *š'* палатализованный переднеязычный передненебный спирант, *č* среднеязычная палатальная аффриката, *č'* палатализованная переднеязычная передненебная аффриката, *š* переднеязычный передненебный спирант. Параллелизм в оглушении *r*, *r'* представлен не всегда – в целом изменение *r'* распространено шире [Mucke 1891, 229; Stieber 1934, 49].

Особенность нижнелужицкого фонетического явления состоит в том, что замена вибронтов *r*, *r'* шумными согласными после смычных *p*, *t*, *k* происходит лишь в прасл. койсонантных сочетаниях и отсутствует в аналогичных последовательностях, возникших в результате метатезы плавных и падения редуцированных. Исключение составляют префиксы, восходящие к **pergđь*, **pergъ*. Имеются разные объяснения изменения *r'* в этих случаях – более слабая артикуляция предлога «благоприятствовала утрате вибрации в *r'*» [Селищев 1941, 239]; аналогия с префиксом **pri* [Fasske 1964, 108]. Можно также предположить, что метатеза в инициальной группе **tert* происходила раньше, чем в следующих частях слова и захватывала период, когда еще был актуален процесс оглушения вибрента. Особенностью нижнелужицких диалектов является то, что десоноризация под-

вергается не только *r'*, что свойственно западнославянским языкам, но и *r*, что за пределами нижнелужицких диалектов является редкостью.

Примеры нижнелужицкого прогрессивного оглушения вибрата:

p̄sosyš, *p̄sawy*, *p̄soso*, *t̄sawa*, *t̄suzník*, *bratš*, *wětš*, *p̄sēšć*, *p̄sēgaš*, *japš*, *t̄šešć*, *wětšík*, *bratši*, *nutš*, *kšiwy*, *kšida*, *kšēn*, *kšut* и отсутствие изменения в новых сочетаниях – *prose*, *prom'e*, *škrodawa*, *krynuš*, *krop*, *tr'ěš*, *kr'ick*, *butra* и под. [Fasske 1964, 107]. Надо отметить, что позже тот же автор результаты изменения вибрата после *t* обозначает только как *tr > č* [SS 13, 224], что не соответствует фонетической реальности.

В нижнелужицких диалектах возможна ситуация, при которой вибрант оглушается только после *t*, но сохраняется после *p*, *k*. Так, например, в восточнокотбусском говоре – *jatšy*, *t̄sax*, *t̄suna*, *braša*, *wu'tšobny*, *wičoba*, *brač*, *soxi*, *jačy*, *'čawa* и *krupy*, *kryšo*, *prawy*, *prosty* [Калнынь 1967, 108].

В [SS 13, K.55, 224] показано диалектное различие, выражающееся в изменении сочетания *tr* перед паузой в словах *bratr*, *kmótr*, *wětr*, *přatr*. Различие состоит в изменении вибрата или его утрате. Так, в верхнелужицких говорах – *brat*, *wět*, *kmót*, а в нижнелужицких – *brač*, *weč*, *kmoč*, *p̄sēč*. Но в промежуточной зоне отмечен сонант с пониженным уровнем голоса, но не перешедший в шумный спирант – *bratř*, иногда параллельно с *bratrə* (гласный плавик после сонанта), а также изменение *tr# > ter#* – *brater*. Варианты *bratř*, *brač* находятся в хронологической последовательности – сочетание *tr* предшествует сочетанию *tš*. Варианты же *brater*, *bratrə* могут указывать на противодействие возможному оглушению сонанта. При этом в варианте *bratrə* не исключена стадия слогового сонанта, т. е. *bratr*. О том, что такая ситуация в лужицких диалектах возможна, свидетельствует, как это показано в [SS 13, K. 54], произношение слоговых сонантов *l*, *n* на конце слова после шумного согласного – *potn*, *jedn*, *robl*, *manl*, *m'etl* < *m'etel*. Явление такого же рода можно встретить в южнорусском говоре (Моршанский р-н), где произносится *l'imp*, *m'etr*, *внутр'*, *кадр*, а при слогоделении те же слова образуют два открытых слога – *l'ímpy*, *ad'ín m'é/trы*, *vñú/trp'i* [Калнынь, Масленникова 1985, 66].

В нижнелужицких диалектах спиранты, заменившие собою вибрант, в дальнейшем подверглись разным изменениям. Это показано в [SS 13, 124–132; Калнынь 1989, 169]. В данном же случае обращается внимание на то, что эти диалекты содержат результаты наиболее раннего прогрессивного оглушения вибрата, когда задерживается включение голоса при артикулировании сонорного после шумного согласного, а повышение шума превращает сонант в фрикативный согласный. Это изменение могло происходить в условиях интенсивной контактной связи между звуками. Вибрант и шумный спирант – это две крайние точки процесса, между

которыми находится состояние глухого сонанта, когда голос утрачен, но шум остается на уровне сонанта, т. е. ξ .

Нижнелужицкое оглушение вибронта могло реализоваться при высоком уровне напряженности глухих смычных согласных. Отсутствие рассматриваемого изменения в сочетаниях, появившихся после метатезы плавных и падения редуцированных, может означать, что новые сочетания не имели тех свойств, которые послужили предпосылкой для унификации по отсутствию голоса старых сочетаний *p, t, k* с вибронтом.

Различие может касаться: 1) качества глухих взрывных, 2) качества вибронта, 3) характера связи между этими согласными. Глухие согласные могли стать менее напряженными, в связи с чем ассимилирующее воздействие на последующий сонант стало слабее. Артикуляция нижнелужицкого вибронта, вероятно, исконно была раскатистой [Брок 1910, 36]. Но не исключено, что она на протяжении истории была неодинаковой с точки зрения количества ударов, образующих раскат. Чем больше ударов, тем выше эффект шума, тем больше шансов для вибронта подвергнуться оглушению. Наконец, артикуляционная связанность прасл. сочетаний могла быть более тесной, чем это было во вновь возникших сочетаниях. Ср. замечание Л. В. Щербы о наличии вокальной связки между *r* и *r'* в *r'rose* в говоре Вускиль [Щерба 1915, 57], что возможно в условиях ослабленной связи между согласными.

Надо полагать, что близкие по локальному ряду согласные имеют большие оснований для ассимиляции, чем согласные, место образования которых удалено друг от друга. Вибронт по месту приближения языка к твердому небу соседствует с зубным взрывным. Поэтому можно считать, что прогрессивная ассимиляция вибронта шумному согласному раньше всего происходила после *t* и в части нижнелужицких говоров этим ограничились. В других говорах процесс продолжился и в него были включены группы *pr, kr*. Импульс ассимиляции должен был быть достаточно сильным, чтобы преодолеть расстояние между *p, k* и *r* – шумные были удалены от *r* не только по месту образования, но и отличались от сонорного веляризованныстью, присущей согласным губного и задненебенного ряда.

В отличие от нижнелужицкого явления, десоноризация вибронта *r'* в польском позиционно не ограничена. Возможное оглушение ξ (из *r'*) является фактом синтагматики спиронта, а не сонорного. В то же время надо отметить, что в [OF 1982, 72, 73, 85 и др.] сообщается о возможном изменении *r > ξ* «в позиции оглушения», но примеров этого не дается. В качестве иллюстрации можно привести примеры из польского «крэсового» говора – *p'jotξ, v'atξ, cufξ* [Калнынь, Масленикова 1985, 51, 66].

Позиционное оглушение вибрента не как реликт, а как факт современной фонетики, известно в севернорусских говорах. Достаточно распространено оглушение вибрента (но не замена его спирантом) в позиции между шумным согласным и паузой. Так, например, в вологодском говоре (Тотемский р-н): *в'епвр'*, *нойáбр'*, *бобр*, *п'отр* – звонкий согласный может снижать уровень голоса перед *p*, но полностью превращается в глухой согласный только перед паузой при утрате вибрента (*д'ёдушко доп по лобу хлон*).

Но в архангельском говоре (Пинежский р-н) вибрант теряет голос также и в позиции между согласным и гласным – *трáва*, *полл'íтра*, *до трубы*, *тр'í*, *зáфтр'е*, *тр'опáл*, *стр'ец'íны*, *прос"и"í*, *во правóй*, *продмáк*, *пр'éжной*, *пр'ишл'í*, *прабáпка*, *до покровá*, *в крушк'í*, *кр'ук*, *кр'ивóй*; глухой вибрант становится прозрачным для действия паузы на шумный согласный – *окт'áпр'*, *бóбр*, *лафр*, *к'едр*. В этом говоре отмечено снижение сонорности вибрента и перед шумным согласным, в чем реализуется дистактная связь между согласными – *гор'с"*, *йорш*, *парк*, *в'ер'х*.

Следует подчеркнуть, что прогрессивное оглушение вибрента (как и других сонантов) в русских диалектах носит характер возможности и не осуществляется с той последовательностью, которая свойственна нижнелужицким и польским говорам.

4.3.2.

Оглушение других сонорных согласных

В славянских диалектах известны факты позиционно обусловленного снижения участия голоса и в образовании других сонорных согласных. Возможно, это явление распространено шире, чем это показано в диалектных описаниях, поскольку программы обследования диалектов обычно не ориентируют внимание эксплораторов на данную фонетическую черту. Можно привести следующие примеры оглушения сонорных согласных.

Согласный *v*, имеющий статус промежуточный между шумными и сонантами, в позиции после шумных имеет значение сонанта.

v > f:

в польских говорах – *śfińske*, *ćfyrć*, *śfat*, *tfaš'*, *śferšć*, *śfyńa* [OF 1984, №№ 246, 251, 265, 271]; *pletfa*, *tfoš*, а также указания на оглушение *v* после *t*, *k*, *ś*, *x*, *s*, но без примеров [OF 1982, №№ 244, 254, 277-279];

в чешских говорах – *tv*, *kv > tf*, *kf – tfoje*, *kfočka*, при этом *tf* чаще, чем *kf* [Lamprecht 1986, 101];

в хорватском говоре – *cri:kva//cri:kfa*, *'merkval//merkfa* [FO № 153];

в сербском говоре – снижение голоса может не доходить до совпадения с *f* – *tyrt*, *s'jeta*, *s'yckər*, *s'fiňa*, *o c'fi* (=od svih) [FO № 168];

в македонских говорах, описанных в [FO] – *sfat*, *sfaka*, *sfianar*, *sfršen* (№ 90), *s'fari*, *sfet*, *s'fetec*, *š'faler*, *s'fekoj*, *s'faden* (№ 97) и др. В приведенных примерах оглушение *v* происходит после спирантов. Но это же отмечено и после смычных в № 108 – *s'feki*, *s'fešča*, но и *tfoj*; в № 112 – *s'fašta*, *s'finsku*, *s'fir'a*, *sf'at* и *'tikfa*, *'žentfa*, *'bženča*, *k'lentfa*, *s'mokfa*. В № 103 согласный *v* ослабляет голос, но не совпадает с *f* – *syoj*, *syat*, *tvoj*, *s'mokya*.

В [Русская диалектология 1989, 77] приводятся примеры из русских (вероятно, северных) говоров – *tfojó*, *sf'ějju*, *sf'oi*, *sf'ědy*.

Оглушение сонанта *j* между согласным и гласным выражается в его заменен шумным спирантом палатального ряда.

В польских говорах это происходит с *j*, развившимся в результате декомпозиции палатализованных губных согласных. В [OF 1982] указано на изменение *j > ſ* после *p* – *p̄uer'ou*, *kowuſ* (№ 241), после *p*, *f* почти регулярно (№ 245), *j > x'* спорадически после *p* (№ 269). В [OF 1984] *j > x'* – *popx'ou* (№ 246), редко после *p*, *f* – *kop'ō*, *marxf'i* (№ 251), *p̄erſćonek* (№ 262), *p̄eże*, *gciſpx'ec* (№ 271), *p̄eń*, *goçotpx'* (№ 273), *p̄iuk'a*, здесь же *j* заменяется шумным спирантом и после звонкого согласного – *by'odro* (№ 274). Примеры *kowuſ*, *goçotpx'* несут следы палатализованности конечных губных согласных, что не характерно для польского.

Оглушение спиранта *j* свойственно упомянутому архангельскому говору (Пинежский р-н) – *n'jánka*, *žytm'jó*, *k'jermac'ix'e*, *c"jčem*, *n'at'jčep*, *k'jét'i*. В [Русская диалектология 1989, 77] приведены примеры *n̄ju*, *coſjóši* или *nx"j*, *coſh"óši*, т. е. с палатальным *x'*.

Реже встречаются упоминания о позиционно обусловленном снижении голоса у других сонорных согласных.

I > l – в польском говоре в позиции оглушения, но без примеров [OF 1982, № 280]; в нижнелужицких говорах – *p'akl*, *platl*, как вариант выступает утрата сонанта, т. е. *p'ak*, *m'at* [SS 13, 222]; *klatl*, *lēsl*! [Селищев 1941, 233], здесь вместе с сонантом оглушается предшествующий шумный.

Как отмечает Р.И. Аванесов, произношение безголосых сонантов *l*, *ll*, *m* между согласным и паузой свойственно русскому языку – *wolg'*, *n'ec'h'*, *draxh'*. При этом у безголосых сонантов шумы настолько невыразительны, что может создаться впечатление вообще их отсутствия [Аванесов 1956, 139].

Что касается русских говоров, то можно привести следующие примеры оглушения, но чаще исчезновения сонантов:

мыс'', но *n̄i'c'* (< *n̄i'c'h'*), *n'et''* пас, пов'éc (от *писмо*, *повесмо*), *p'emat'ic*, *organ'ic* (Тотемский р-н);

c"χ̥ i'm, kopχ̥, os"χ̥'épta, kχ̥'uχ̥', koráχ̥', мыс"χ̥', motoc'íkχ̥, n'et' násχ̥ (безголосая губная смычка) (Пинежский р-н).

В [Русская диалектология 1989, 77] – *kładuχ̥, uʃuχ̥'y*.

В польском «крэсовом» говоре – G pl *kosm̥, asm̥* и *urgan'is, fašys* (< *izm̥*) [Калнынь, Масленникова 1985, 71].

Как видно из приведенного материала, снижение участия голоса в артикуляции сонантов обусловлено преимущественно контактными связями между согласными. Антиципация играет при этом роль только в некоторых северорусских говорах. При этом надо учитывать, что снижение голоса сонанта между шумным согласным и паузой отражает правила фонетической программы слова – во многих славянских диалектах сохраняется тенденция избегать повышения сонорности в конце слова.

4.3.3.

Охранительное отношение к участию голоса в артикуляции сонанта

Хотя, как заметил О. Брок, снижение звучности сонанта в соседстве с шумными согласными аудитивно не воспринимается, тем не менее синтагматика сонорных согласных в некоторых говорах указывает на включение в программу слова охранительного отношения к голосности сонанта.

В диалектах преимущественно южнославянского региона известна такая фонетическая черта, как замена фрикативного согласного аффрикатой в соседстве с сонорным согласным. Д. Брозович, рассматривая распространение аффрикаты *z* в балканских языках, в качестве центра фиксации этой аффрикаты называет Вардарскую Македонию. При этом автор, анализируя дистрибуцию *z*, констатирует изменение *z > z'* под влиянием ближнего или дальнего сонанта, включая позицию типа *zVson* [Brozović 1988, 146].

В описаниях фонетики македонских говоров, включенных в сетку ОЛА [FO], изменение зубного и передненебного спиранта в аффрикату в соседстве с сонорными согласными показано следующим образом: *'jənza, b'rɔnza, 'małzei, zver* (№ 92); *b'rɔnza, m'ranczul, zveči, z'venče* (№ 94); *benzin, munza, enza, mołzik, sołza, olžica, połżaf, mezre, nazre, sobzre* (№ 96); *'janza, 'menza, b'rɔnza, 'mołzik, połzik, 'sołzi, 'mezre, 'nazre* (№ 99); *'małzi, 'salzi, 'varzi, zerzel, al'žica, 'dałzi, 'darzi, z'venec* (№ 106); *banzot, vənžil, ganzot, vənži, łanža, łenžiš* (№ 112). На изменение фрикативного согласного в аффрикату в македонских говорах указано в [Видоски 1998, 110] и приводятся такие примеры – *ałsiča/ołsiča, călsa, mălsut, văpsi, hasrutm, nălciuaf, dărmi, dălcina*.

В [БДА I карты 56, 57] произношение типа *сълза~сълса* интерпретируется как наличие/отсутствие замены первоначальной аффрикаты спирантом, т. е. толкование противоположное тому, которое приводится в описаниях македонских говоров ($z > \chi$). Изменение же спиранта *ж* в *дж* показано на карте 59 – *бърце, върцем, дърци, продълум, търен, ръмий, дърцавата, инцекция, инцинер, търцоли, завърце съ, пацунка, свърци*.

Аффрикатизация глухого спиранта отмечается реже. В македонских говорах [FO] – 'donci gu (< donesi), zən'cex. (< zanesex) (№ 111), tənč (=тънъ) (№ 112). К изменениям такого же типа можно отнести *s > c* между сонантом и *k*, если в позиции V-k сохраняется *s*. Так, starcki, selcki, bugarcki, turcko, но и nebeski, tetosko (№ 96); bitołcki, połcki, gorcki, sfincko и kičeski (№ 101). В болгарских говорах сходное явление отмечено в [БДА I, карта 192] – *балканицки, българцко, кънечки, селцкъ, биулци, свинцику, морцики*.

Замену спиранта аффрикатой можно считать выражением дистанцирования сонанта от шумного согласного с тем, чтобы не допустить снижения голосности сонанта. С этой целью на границе между сонантом и шумным согласным образуется переходный элемент в виде смычки, которая в сочетании со спирантом образует аффрикату. Это объяснение не вполне подходит к аффрикате перед сонантом, когда смычка не соприкасается с сонантом (*pazre, звеči*). Возможно, в этом проявляется некая общая тенденция в отношении к соседству аффрикат и сонантов. Как известно, македонским диалектам вообще свойственна высокая насыщенность аффрикатами («македонска боја») [Конески 1965, 60]. Что касается меньшей выраженности аффрикатизации глухих спирантов, то причина этого может быть в более сильной артикуляции глухих согласных, делавшей их менее подверженными синтагматическим изменениям.

По данным [FO], замена фрикативного согласного аффрикатой в соседстве с сонантом отмечена в сербских говорах: *inžiñe:r* (№ 62); *bron'zi:n*, *fa'lzo:ra, 'brzo, 'zrno* (№ 73); *brò:nza, be:nzi:n, pe:n'zija, зvè:r, kò:nzula* (№ 83); *zun'zar, tən'zura, ʒ'virka, ʒ'veno* (№ 84); в № 55 указано на изменение *z > ʒ* после *n* и *r*, но примеров не приведено.

Изменение *ns, nš, nž > nc, nč, nč* в чешских говорах объясняется тем, что переход от носового сонанта к спиранту «совершается через затвор при закрытом входе в полость носа» [Селищев 1941, 109] – это и дает *jinči, jendže, žencký, pancký*.

Аффриката *ʒ* вместо *z* в соседстве с сонантом отмечена в восточнословацких говорах в [Stanislav 1958, 593] – *soldza, dzvon, džvir, džviradlo*.

В восточнославянских диалектах рассматриваемое явление представляет собою фонетическую примету отдельных слов. Так, в гуцульском

говоре (Раховский р-н) – *éнча спрáва, мéнч'í, стéпéндз'íйа, бéндз'íн, анджáн'íр*. В [ДАРЯ комментарии, 182] приводятся примеры произношения -*иц'к-*, -*ицк-* в соответствии с *-иск-* (явление, сходное с рассмотренным выше болгарским и македонским) – *жé[н'ц'к]ой, деревé[н'ц'к]ой* преимущественно в севернорусских говорах . В говоре Пустошского р-на (Великие Луки) произношение *деревé[ицък]ая* (вставной интерконсонантный гласный) определено указывает на связь аффрикаты с предшествующим сонантом.

В целом можно считать, что охранительное отношение к голосности сонантов свойственно южнославянским диалектам, для которых, по классификации [Исаченко 1963], вообще характерен более высокий уровень вокализованности.

4.4. Включение в фонетическую программу слова согласных, различающихся высотой тона

Как было сказано, утрата*_ѣ создавала в звуковой цепи возможность следования друг за другом согласных, отличающихся высотой тона (твердых и мягких). В некоторых случаях утрата редуцированного создавала ощущимый контраст между ожидаемым передним гласным и реально следующими веляризованными согласными – губными и задненебными. Здесь включался компенсационный механизм сохранения мягкости согласного, предшествующего утраченному *_ѣ. Отсутствие мягкости в таких сочетаниях встречается редко – например, *н'исмó, восмóй, ф Тóтму, судбó, свáрба* [Касаткин 1999, 155].

В сочетаниях согласных, отличающихся высотой тона, синтагматическая альтернатива состояла в сохранении *status quo* или же унификации соответствующей последовательности по высоте тона. Унификация по высоте тона может быть прогрессивной и регрессивной. Направление изменения отражает категориально разный тип связи между рядом стоящими звуками. Прогрессивное фонетическое изменение основано на непосредственном артикуляционном контакте второго звука с первым, они соединяют как бы один сегмент.

Регрессивное изменение в консонантных группах по своей сущности дистактно, т. е. планируется до произнесения звука, а лишь в его предвидении.

В славянских диалектах прогрессивное изменение согласных по высоте тона – довольно редкое явление. Наиболее эффективно оно проявляется

в виде прогрессивной ассимиляции по высоте тона после мягких согласных в русских говорах, т. е. *ván'k'a*, *ól'ja/ól'd'a*, *sv'ér'xu*, что описано в монографии [Касаткин 1968]. Такого же типа является унификация по тону в сочетаниях *l'+n*, *m* (*ból'n'o*, *sít'n'o*, *nal'm'o*) [ДАРЯ Вступит. статьи 1986, 182].

В славянских диалектах после падения редуцированных образовалось достаточно широкое поле для реализации регрессивного уподобления групп согласных по высоте тона. В основном это касалось сочетаний типа СС'. Сочетания С'С, содержащие С' не перед губными и задненебными согласными, обычно превращаются в СС (*путь* > *путный*, *связь* > *связной*).

Что касается антиципации мягкости следующего согласного, то языки/диалекты, развившие корреляцию твердости-мягкости, по-разному отнеслись к реализации этой возможности. Так, в описании болгарской фонетики смягчение согласных ассоциируется только с позицией перед гласным [Стойков 1961, 195]. Как иллюстрацию отсутствия ассимилятивной мягкости согласных перед мягким согласным приведем примеры из одного болгарского говора, обследованного по специальной программе: *dw'e*, *tr'íč'i*, *tวérd'i*, *dl'étu*, *sk'ímm't'i*, *z'ímn'ik*, *c'émk'i*, *sm'ax*, *sf'íñ d'en* и под. [Калнынь, Попова 1993, 120]

В польских говорах, судя по описаниям в [OF 1982], регрессивное смягчение касается в основном губных согласных перед *j*. Не имеем в данном случае в виду смягчение, сопровождающееся изменением локального ряда согласного (*s > z*, *z > ɿ*).

Многообразием проявлений регрессивного смягчения согласных выделяются восточнославянские диалекты. В целом это означает, что в их фонетической синтагматике значительно большую роль, чем в других славянских языках, играет антиципация мягкости согласного при выборе предшествующего согласного.

В описании фонетики восточнославянских языков/диалектов обычно всегда уделяется внимание правилам ассимилятивного смягчения согласных.

В описании фонетики украинского литературного языка, сделанном М.Ф. Наконечным в [Курс сучасної 1951], приводятся такие примеры ассимилятивной мягкости согласных, как *c'óvod'n'i*, *vélet'n'i*, *do són'ç'a*, *na m'íc'ç'i*, *n'íc'n'i*, *c'v'ít*, *z'v'íp*, *d'v'i*, *u kr'íc'l'i* (с. 208). Ассимиляция может вызвать аффрикатизацию второго согласного – *c'ç'iñá*, *rád'ic'ç'*, *gvóz'dz'i* (с. 208).

В описании фонетики белорусского литературного языка среди консонантных изменений, происходящих в группах согласных, ассимиляция по мягкости не упоминается [Крывіцкі, Падлужны 1984]. Между тем в приводимых в том же труде диалектных текстах даются многочисленные

примеры позиционного смягчения согласных. Так, *дас'ц'о, с'в'ёчка, з'вер'* (с. 156), *с'м'ёр'ц' п'ёр'ja, з'в'ёр'* (с. 161), *з'л'ёва, з'н'ац'*; *раз'в'ёс'ц'*, *ус'к'и́нуц'* (с. 163). Менее последовательно ассимилятивная мягкость проявляется в полесском говоре Лунинецкого р-на Брестской обл. – здесь записано: *ат м'ен'é, падм'ерзáйе, п'атнос'ц'*, *жытнік, трý н'н'i, зрадл'іва, тл'їйе, с"м'ёу'йе, ѹáz"в'e, вóз"м'e, с"м'етáна, с"н'eh, с"л'ed, із"віj, з"м'ейá* и пр.

Особое внимание ассимилятивному смягчению согласных уделяется в описании русской фонетики. Это вызвано двумя обстоятельствами. Поскольку явление позиционного смягчения образует вариативный компонент фонетики, появляется желание одному из вариантов придать орфоэпический статус. Ср. в этом плане §§ 85–111 в [Аванесов 1955], специально посвященные «смягчению согласных перед мягкими согласными», а также [Каленчук, Касаткина 1997, 14].

Как явление, пронизывающее современную русскую синтагматику, ассимилятивная мягкость согласных достаточно мобильна. При этом не только в плане расширения явления, но и наоборот – сокращения. Поэтому, как отмечает [Касаткин 1999, 216] в современном языке появляется оппозиция, основанная на отсутствии ассимилятивного смягчения – *эконом'те – ид'омм'te, азбест – каз'б'é* (с. 217). Можно отметить, что возможность противопоставления такого рода известна и по более ранним записям – например, *вн'из – д'ер'ёв'н'i, хлопн'i – хл'еб'н'ik, м'амл'a – з'ем'l'á, пл'еск – вóл'l'* [Калнынь 1956, 194].

Внимание к ассимилятивному смягчению согласных, присущее описанию фонетики литературных языков, в меньшей степени отражены в программах обследованиях восточнославянских диалектов. Вопрос обычно ставится выборочно по отношению к отдельным сочетаниям.

В [Программа 1947] предложен вопрос о возможностях ассимилятивного смягчения губных согласных перед задненебными, т. е. *щепки/щельки, лапки/лапьки, дефки/дефъки, лямки/лямьки*. Ассимилятивная мягкость губных образует изоголоссу на юго-востоке территории ДАРЯ. К сходному типу вопроса можно было бы отнести твердость-мягкость согласных *н, л* в *мелче/мельче, менше/меньше, до конца/до коньца* (вопрос 61). Но здесь скорее речь идет об отвердении латерального и носового согласного.

В [Программа 1950] ассимилятивная мягкость согласных в белорусских говорах иллюстрируется словами *дз'веры/дверы, дз've/две, мяdz'ведзь/мядведь* (вопрос 58).

В [Программа 1949] для украинских говоров предусмотрена констатация наличия/отсутствия ассимилятивного смягчения в сочетаниях *св'*.

зв', си', ст', цв', нс' (вопросы 430–432). На картах АУМ не всегда отражено ассимилятивное смягчение согласных. В комментариях к картам это объясняется тем, что такая мягкость в материалах обозначена непоследовательно [АУМ 1, 54; АУМ 2, 27, 32]. В легендах к картам часто мягкость дается в экспоненции в скобках. В АУМ 1 К. № 10 – *c⁽¹⁾v'it*, *z⁽¹⁾víp*, *c⁽¹⁾m'ix*, *z⁽¹⁾m'ii*; К. № 111 – *капус⁽¹⁾m'áний*; К. № 92 – *голуб⁽¹⁾ýáta*. В АУМ 2 К. № 96 – *c⁽¹⁾m'iñá*; К. № 95 – *gic⁽¹⁾m'*, *tec⁽¹⁾m'*; К. № 77 – *c⁽¹⁾v'áto* и др. Экспоненция мягкости в скобках указывает на принципиальную возможность позиционной мягкости согласного, но без уверенности в ее последовательности, а также в характере ее интенсивности. В этом отражена неуверенность аудитивного восприятия ассимилятивной мягкости.

Отсутствие в восточнославянских атласах целостного лингвогеографического отражения регressiveного смягчения согласных не случайно и ни в какой мере не связано с невниманием к данному явлению со стороны эксплораторов.

Регressiveная мягкость согласных основана на принципе антиципации – артикуляция мягкости формируется до произнесения следующего мягкого согласного. Интенсивность/категоричность антиципации может быть неодинаковой по времени внедрения в фонетические правила разных говоров, неодинаково проявляться в отношении разных согласных. Существенным фактором является варьирование в индивидуальном произношении. Такие отношения не укладываются в единобразную картину в качестве объекта картографирования. Основное значение в данном случае состоит в том, что обозначается специфический восточнославянский фон использования принципа антиципации при формировании сочетаний согласных, объединенных благодаря ассимиляции высотой тона.

В каждом конкретном говоре общая тенденция реализуется индивидуально, по своему репрезентя фонд ассимилятивного смягчения согласных. Это можно показать на материале говоров, обследованных со специальной целью установления правил фонетической синтагматики в этих говорах.

Говор Моршанского р-на Тамбовской обл. (1980 г.)

Здесь правила ассимилятивного смягчения согласных проводятся наиболее последовательно в сравнении с другими рассмотренными говорами.

an'f'ééd'i, ab'v'arnýt', ab'm'ípát', n'íin'úšsha, a также tr'án'k'i;

ð'v'er', t'v'órdvyi, am'n'ával'i, ad'b'il'i, ras'p'n'ísyval, iz'b'ónka,
c'v'atóy, iz'v'iš'w'én'ýa, z'm'iñá, c'm'ép'm', nus't'm'i, vaz'l'é (=взлеле и во зле), iz'ýavó, v'ér'b'iha, týr'f'anóy, kar'z'ýna, svír'l'ít', kan'v'ért,
b'iñ'z'iñ, bran'x'ít.

На этом фоне варьируется твердость/мягкость зубных спирантов в фонетически одинаковой, но в словесно разной позиции. Перед *к'*, *х'*, *γ'* согласные *с*, *з* заменяются мягкими, если сочетание начинает словоформу, и сохраняют твердость, если сочетание находится в середине словоформы – *с'к'ем*, *з'у'ир'ый*, *краск'i*, *б'исч'имръс'т'и*, *брызу'i*

Кологривский р-н Костромской обл. (1974 г.)

В этом говоре ассимилятивная мягкость представлена более ограниченно, в особенности это касается губных и отчасти смычных зубных согласных.

опт'ёка, *пт'ица*, *лапт'i*, *пн'i*, *пл'ic*, *пр'ес*, *обм'ин'ет*, *з'имн'инá*, *рыбн'ik*, *бр'ёд'ен* и *оп'н'ёц*, *покр'ин'ц'e*, *баб'йó*, также *пр'иготóф* в *инá*,

от н'ива, *зло н'е тм'ил'i*, *т'ел'атн'ik*, *отл'етам'at*, *тр'i*, *потн'ёц'iваи*, *подв'орк'i*, *од з'емл'i*, *н'еродн'ixa* и *от в'ёт'ил'i*, *т'в'ёр'д'ен'коi*, *под'з'ернó*, *под'д'оржыт*, *охом'н'ee*, *н'ат'н'иц'a*, *локот'йа*,

з'б'йт, *с'в'окла*, *на ворос'в'ё*, *с'в'ес*, *с'м'ех*, *с'т'енá*, *б'ес* ф'одора, *рас'ц'омt* – ассимилятивное смягчение фрикативных происходит всегда;

на *канв'ё*, *канф'ёты*, *банд'йт*, на *пун'т'e*, *н'энз'ёйа*, *к'ирн'иц*, *áр'м'иша*, *гор'с*, *пар'н'ёк*.

Аналогичные отношения отмечены в говоре **Пинежского р-на Архангельской обл. (1983 г.)** – здесь в варьирование твердости/мягкости согласного в позиции перед мягким согласным практически почти не включены зубные фрикативные, зубной носовой сонант и вибрант.

лапт'i, *опт"ёкло*, *гённ'ik*, *опт"ехам'it*, *р'ётк'i*, *обв'ёт//ов'ёт* и *в'в'ер'ху*, *обд'ору*, *гр'ёбн'i*, *обр'ажон*, *в'б'йт*, *вб'ежала*, *в д'онну* с"м'ёну, *вз"ёл'i*, *д'ёфкi* и *п'янка*, *охлун'иу*, *колоб'йó*, *д'иб'иá*, *Огáф'иа*, *скам'иá*, но *вийáму*, *в'иá с"л'ах*;

от н'ил'йт, *от в'иша* (мякина), *от м'акло*, *пот'т'анус*, *пот'н'иц'a*, *от л'йт*, *под б'ежал*, *под в'йт* с"омг'i, *д'в'e*, *под м'ёт'ина*, *од д'орнул*, *дород'н'ему* и *потн'ёт'ат*, *отт'ёр'йт*, *тл'ет*, *утр'ес*, *н'итк'i*, *подм'иг'иват*, *зайадл'ивой*, *иедр'он*, *р'едн'иша*; *плат'йо*, *от'иёлас*;

ic' ц'игунá, *кос'ц'ом* (тв. ед. от *кос'ец*), *ic"n'оку*, *с"в'окор*, *с"м'екат*, *с"н'ек*, *с"л'озá*, *с"л'инá*, *ic" с"ирот*, *уc"ио*, *с"к'идат*, *роз"б'ито*, *из"в'ес*, *роз"м'ато*, *из"дз"ёр'ева*, *з"з"ёт'ом*, *куз"н'ёц*, *з"л'ашчой*, *из"йолк'i*, *в'ёз"ио* и *ск'ош*, *носк'i*, *мозг'i*, *розв'ед'ил'i*;

кон'в'ёрт, *кон'ф'ёт*, *ин'т'ернат*, *иван' д'ён*, *на аван'с'i*, *б'ен'з"и*, *дл'ин'н'ой*, *сукон'н'иц'a*, *кл'ин'иа*, *б'итон'ц'ик*, *сон'л'ивой* и *хонг'i*, *поод'инк'e*,

к'ир'н'иц, *с"в'ер'б'йт*, *отор'в'ом*, *шар'ф'ик*, *кор'м'йт*, *в ар'м'ейу*, *с"м'ер'm*, *с"ер'д'ic*, *шёр'с'i*, *кор'з"иша*, *с"эр'ц'o*, *лаг'ер'н'ик*, *с"ер'г'ёй*, *мар'л'a*, *кур'иа* и *пос"в'ёркват*, *сорв'ош*."

Пример значительно менее интенсивной ассимиляции согласных по мягкости дает гуцульский говор Раховского р-на Закарпатской обл. (1974 г.).

Здесь губные имеют повышенный тон перед *й*, возникшем в результате асинхронизации палатализованности мягких согласных. Эта мягкость реализуется непоследовательно, а перед *й* другого происхождения губные артикулируются твердо. Т. е. – *к'ém 'йу/k'ém'иу, фárbíu, обýst, пíе*.

Зубные взрывные *т*, *ð* уподобляются по высоте тона только следующим *т'*, *ð'* – в *'im't' éшкого, в'ið'ð' éчиц'и'i*.

Более склонны к смягчению зубные спиранты – *к'íс'н'йù, йáсл'йù, с'н'йh, зел'íз'н'i* и – на борозн'i, *розв'утіла си*, а также *св'їчка, з віўса, йа́ст'йù, на форосц'i, с т'істом, з д'ідом*. Возможно также *н > н'* перед мягкими зубными и перед *ч'*, *дж'* – на *фрóн't'i, ж'ін'ч'i, в'ін'ч'áли с'i, мерен'дж'e, лáдан' с'e закýрит*.

Диалектные записи, приводимые в [Крывицкі, Падлужны 1984] показывают достаточно интенсивную реализацию ассимиляции по мягкости в группах согласных. Так, слуцкое екающее произношение содержит такие примеры как: *с'n'ех, с'в'ет, м'едз'в'еу', с'ч'ены, с'м'ельы, пас'п'ем, с'п'ечем, дз'в'е, с'в'екроу, пас'ч'ел', дз'в'ерей, гал'је, б'јордо, чац'в'орты* и др. (с. 192–197).

Хотя в восточнославянских диалектах склонность к ассимилятивному смягчению согласных проявляется с разной степенью интенсивности, в целом это является особенностью восточнославянской синтагматики, выделяя ее среди других регионов, имеющих корреляцию твердости-мягкости.

Неодинаковую склонность к регрессивной ассимиляции по мягкости в разных диалектах иногда объясняют разной степенью артикуляционной связности согласных в звуковой цепи: чем теснее связь, тем вероятнее распространение мягкости на все сочетание [Пауфошима 1977, 226]. Однако это плохо согласуется с тем, что при отсутствии ассимиляции по мягкости может активно происходить уподобление согласных по способу и месту образования. Вряд ли для такого артикуляционного уподобления достаточно меньшей связности рядом стоящих согласных, чем для ассимиляции по мягкости.

Наличие~отсутствие в разных славянских диалектах регрессивной ассимиляции по мягкости отражает различие той роли, которую выполняют в этих диалектах мягкие согласные в фонетической программе слова. В этом отражается историческая динамика синтагматического поведения мягких согласных. Более архаической является модель [V'C''V], когда мягкому согласному аккомодируют соседние гласные, т. е. по высокому

тону унифицируется сегмент, в котором первоначально сформировалась артикуляция мягкости.

Более новой является модель [V'C'C'V], когда антиципация мягкого согласного влияет уже и на выбор согласного. При этом как реликтовое явление может оставаться влияние предшествующего гласного на согласный, т. е. *к'ic'm'i*, но *göst'i* [Пауфошима 1973, 103]. Прямое прогрессивное воздействие переднего гласного на *к* отмечено в *л'ек'* (imp) [Калнынь, Масленникова 1985, 41], *non'er'ék'* [Касаткин 1999, 197]. Сходное явление показано в [БДА I, 166] – *изék'*, *изýk'*, *йузék'*; в [БДА II, 48] – *чумík'*, *ичумík'*.

Выход антиципации мягкости согласного за пределы сегмента [C'V] создает новую типологическую ситуацию. В том случае, когда высота тона согласного сохраняется в качестве компенсации утраченного **b* – это организует корреляцию твердых-мягких согласных, противопоставленных на конце слова, перед согласными, некоторыми гласными. Сама по себе корреляция не содержит логических оснований для распространения мягкости на последовательность согласных.

Однако ориентация только на инвентарь фонематических единиц ограничивает возможности системы, сводя ее устройство к статической модели. Эта ограниченность в восточнославянских диалектах преодолевалась расширением значения высокого тона в синтагматике. В фонетическом слове актуализируется антиципация мягкости следующего согласного при выборе предыдущего согласного. Повышается тон консонантного сегмента большей или меньшей длины и общая тональность речи становится более высокой. Характерно, что эта унификация по высоте тона в группе согласных часто имеет характер потенциальной возможности и по-разному реализуется в разных восточнославянских диалектах.

Унификация группы согласных по тонуreprезентует синтагматическую (динамическую) сторону корреляции твердости-мягкости. Включение антиципации мягкости при выборе мягкого согласного придает известную стабильность корреляции в целом, препятствуя, в частности, инвентарным потерям в корреляции. Характерно, что в зоне наибольшего развития корреляции твердости-мягкости, а именно на юго-востоке территории ДАРЯ, где на конце слова противопоставлены мягкие губные согласные, происходит и ассимилятивное смягчение губных согласных перед мягкими задненебными (*tr'án'k'i*). Оба эти явления в масштабах Славии являются знаком максимального развития консонантной корреляции палатализованности.

Из сказанного можно сделать предположение, что консонантная корреляция палатализованности занимает в системе тем более устойчивое

положение, чем больше проявлений она имеет при организации фонетической программы слова. Ассимилятивная мягкость согласных – это возможное продолжение той ситуации, которая возникла в связи с утратой гласного **þ*. Легко представить, что в случае блокирования унификации по высоте тона пределами сегмента [VCV], шансы на развитие корреляции палатализованности были бы значительно сокращены

4.5.

Включение в фонетическую программу слова согласных, различающихся местом и способом образования

4.5.1.

Общие замечания

Освоение фонетической программой слова согласных, различающихся участием голоса и высотой тона, касается больших классов согласных. Один из них присутствует во всех славянских диалектах, другой – в значительной их части.

Но в организации фонетической программы слова участвуют также согласные, составляющие и более мелкие группы, а иногда изолированные согласные.

В рамках фонетического слова согласные вступают в отношения, имеющие своей целью удобство произношения. В отличие от согласных, отличающихся голосом и высотой тона, это достигается не изменением по одному признаку. Согласные, различающиеся местом и способом образования, в пределах фонетического слова подвергаются более сложным преобразованиям, логика которых не всегда лежит на поверхности.

Общий список актуальных в славянских диалектах изменений в консонантных сочетаниях такого типа достаточно велик и, возможно, не исчерпывается имеющимися сведениями. Для понимания правил и логики включения в фонетическую программу слова сочетаний согласных разного места и способа образования, целесообразно ограничить круг рассматриваемых сюжетов.

4.5.2.

Прогрессивно направленные изменения в группах согласных, как реакция на неприятие возможной антиципации

Изменения в группах согласных могут быть рассмотрены с точки зрения направления этого изменения.

Прогрессивное изменение согласных, основываясь на контактной связи второго согласного с первым, презентует синтагматику более старого типа. Можно напомнить, что наиболее архаическим явлением прогрессивной ассимиляции является нижнелужицкое оглушение вибрента (*tr, kr, pr > tš, kš, pš* – до падения редуцированных).

Говоря о прогрессивном изменении в группах согласных, следует отметить, что оно редко эксплицируется диссимиляцией. Так, в [FO] зафиксирован лишь несколько фактов диссимиляции сонантов – это *di:młak* (№ 45), *gú:mlo, támlica* (№ 65), *kamlí* (№ 21), *sà mło:m* (№ 39).

Поэтому в своем роде уникальным является описание в [Крывіцкі, Падлужны 1984, 177, 178] такого явления в белорусских говорах, как прогрессивная диссимиляция в рамках сочетания фрикативных согласных – ты с 'm' ijeć 'u'a, с 'ç' élos' мълакó, с 'ç' éç', валóс 'ç'a, кас'ç' ó ат касý, с 'ç' ib' é, máz'dz' u, zdzádз'i, расçýt'ý, ш чум'ixой, ш чыšk'ý.

Но в этой же работе приводятся и примеры прогрессивной ассимиляции в тех же сочетаниях – с:éны у хáci, з:éльў (с. 178). Как сказано в [Касаткин 1999, 286, 289] изменение *st' > c'c'*, *zd' > z'z'* известно и в западнорусских говорах – н'éc's'u, жýs's'u, г гос'c'ám, nác's'a, з'z'élъla, гвaz'z'áni, ѹéz'z'u, в gn'az'z'é. Автор объясняет это изменение упрощением последовательностей *stsc'*, *zdz'*, возникших в результате развития цеканья/дзеканья в данном регионе. Если это так, то условием этого упрощения могла быть именно приоритетность контактной связи в группе СС.

Сходного типа явление представлено в виде ассимиляции палатального спиранта предшествующему согласному (Cj). Распространение этой фонетической черты показано во всех восточнославянских атласах [АУМ 1.К. 205; АУМ 2. К. 64; ДАБМ. К. 64; ДАРЯ. К. 74]. Как пример своеобразного проявления этой черты приведем данные из севернорусского говора (Пинежский р-н) – з"з"éхала, он'ic"s'a, он'i с"с"úга, с"с"éдомы (=едомы), с"с"éл'i, по злоч'ec"s"u, з"з"éхала, з"з"éду.

Иногда изменение в группе согласных похоже на прогрессивную диссимиляцию, но в действительности такой не является. Так, в хорватских говорах изменение *gn, gl > gň, gl - gň'ò:j, gňè:zdo* (№ 153), *gňi:zdo, gňò:j, glístina* (№ 45) создает контраст по высоте тона между первым и вторым

рым согласным, однако в основе этого изменения лежит ассимиляция по месту образования – передвижение *n*, *l* по направлению к *g* помещает сонант в палатальную зону, а такая локализация ассоциируется с повышением тона, т. е. *n>ň*, *l>l̄*. Известное сходство с этим просматривается в явлении, описанным П. Ивичем в сербском говоре – сонанты *l*, *n* смягчаются перед передними гласными при условии наличия предшествующих задненебных *k*, *g* – *stigl'e*, *gl'eda*, *tegl'i*, *dign'e*, *rekn'e* [FO № 80].

Пример явления, которое выглядит как диссимиляции, но таковым не является представлен в северорусском говоре (Холмогорский р-н). Здесь происходит мена *h > h'* перед *ш*, *ж* – *оммáн > оммáн'ышык*, *ч'инга>зац'ин'жыла*, *женá > жéн'шына* и под. Внешне это выглядит как регressive диссимиляция по высоте тона. Однако в действительности – это ассимиляция по месту образования. Мена *h > h'* в этом случае является следствием сближения места затвора носового согласного с зоной образования передненебного спиранта. Затвор, характерный для *h'*, не сочетается с корональной формой языка, присущей *h*, и поэтому корональная форма заменяется дорсальной.

Обычно как диссимиляция интерпретируется изменение *mn > vn* – сев.рус. *внóго*, *т'евнотá*, надо *внóй*; болг. *зевníк*, *питóвна*, *стръвно* и под. Однако и это изменение можно считать ассимиляцией по месту образования, поскольку билабиальная артикуляция заменяется лабиодентальной, а дентальное сближение свойственно *n*.

Пример действительно регressive диссимиляции можно видеть в изменении *tn > bn*, когда у первого согласного происходит замена носового резонатора на оральный. Это явление отмечает [Селищев 1941, 207] в чеш. и слцк. диалектах – чеш. – *písebný*, *upřibný*, *darebný*, *tebný*, *tebnost*; слцк. *darobni*, *pisobni*, *gibnazija*, *tajebni*, *spisebni*.

В целом можно считать, что прогрессивно направленное изменение согласных по месту и способу образования в масштабах Славии не является широко распространенным явлением. По данным ОЛА, в большей степени это свойственно македонским говорам и выглядит следующим образом:

африкатизация спирантов после смычных согласных, когда смычная артикуляция включается в образование следующего согласного: *s > c*, *š > č* после *p* – *pci*, *tercija*, *lipca*, *pčala*, *pčenica*, *pčenka* во многих говорах; то же в *skopcki* [FO № 102, 110] при сохранении спиранта после гласного (*nebeski*, *tetoski*).

s, *z*, *š*, *ž > c*, *z*, *č*, *ž* после *t*, *d* – *odzadi*, *nadzornik*, *potčepnit*, *otči* (= *otši*), *otcega*, *da otcejt*, *otcičit*, *nadživit* (№ 96), *potceči*, *nadzemni*, *podzemni* [FO № 101]; *da go om'hee*, *om'hega*, *od'sadi*, *om'chie*, *nađuci'vee* [Vidoeski 1970, 87].

Сочетания смычных с фрикативными, возникшие после падения редуцированных, в принципе имели альтернативный выбор направления артикуляционного изменения – регressive ассимиляция, т. е. *t, d > c, ȝ, č* широко известна как западным, таки восточнославянским диалектам. Но в македонских говорах сложилось противостояние вновь возникающей дистактной связи, вызывающей прогressive ассимиляцию. Здесь усиливались исконно контактные связи между звуками, когда второй звук ориентируется на первый, что и ведет к прогressive ассимиляции согласных. Это явление в масштабах Славии явление раритетное и имеет архаическую подоплеку.

s > c после *k – se takcal, Alekco* [FO № 99].

Неприятие дистактных связей в фонетической программе слова ведет к тому, что в некоторых говорах исконные сочетания *tc, tc̄* остаются вне ассимиляции, поскольку для прогressive изменения нет основания (оба согласные смычные, аффриката имеет этот элемент в своем начале), а регressive ассимиляция не актуальна, поскольку дистактные связи не включены в синтагматику. Поэтому в мак. говорах отмечено произношение *livalče, bratče, patče, žitce* [FO № 96], или *ži'ce, liva'če* (№ 93). Этими примерами македонские говоры в [FO] выделяются на фоне постоянных упоминаний о недопустимости сочетания зубных взрывных с последующей аффрикатой в хорватских и сербских говорах (ср. №№ 36, 46, 47, 49, 56 и т. д.). В то же время в мак. говорах встречается и прогressive аффрикатизация смычного – *ščo, dožžot, guščer, rožžat* [FO № 98].

Некоторую аналогию этой ассимиляции можно встретить в севернорусском говоре (Пинежский р-н Архангельской обл). Здесь развивается аффрикаты на месте смычного согласного в позиции после зубного или передненебного фрикативного.

Например, *шт, жđ > шч, жđж:* *шчúка* (=штука, щука), *шchaný, шчап//штап, жđжалá, но и шtóры, шtýr', над'ёжда;*

ст", зđ" > с"ц". з"дз": máс"ц"or, вм'ес"ц"áx, н'ез"дз"éшны, гвóз"дз"у, з"дз"íной (=Дина), *с"ц"енá, с"ц"енóк* (=тень), *з"дз"орý.*

шт", жđ" > шч', жđж': поéшч'e, дожđж'ес"с"е, жđж'óт нужđжéй (род. мн), но и лóшт'e.

При изменении сочетаний *ст", зđ"* вся консонантная последовательность локализуется в палатальном ряду. А в группе *шт", жđ"* доминирует передненебный спирант. В этом же говоре в консонантном сочетании есть и прогressive уподобление по месту образования в виде *шс" > ш'ш' – намáш'ш'e, н'е ур'éш'ш'e* [Калнынь, Масленникова 1995, 191].

Сходное явление отмечено в другом северном говоре (Холмогорский р-н) – ѹéшче, пошчó, шчóра, однáжджы, н'е тp'елóшие, вр'éшие,

помáинie; здесь же ɥ' > c' после с – n'ec'c'ánoй, doc'c'ánoй [Калнынь, Масленникова 1986, 97, 98].

Тенденция к аффрикатизации мягкого смычного согласного после фрикативного имеет место и в гуцульском говоре (Раховский р-н) – *póшta* и на *póш'ч'i*, *m'ma* и *лиш'* *ch'máta* *vóda*, *kóжdiй* и у *kóж'dж'iм*, *zажdé* и *zаж's'дж'iт*, *d'iти* и *лиж'* *dж'iти*. Здесь же фиксируется изменение *st'*, *zð'* > *c'ɥ'*, *z'dz'* – *h'ic'ɥ'*, *c'ɥ'ik* *c'e*, *z'dz'iтme*, на *póйiz'dz'i*, *lés'ɥ'e* (=листья).

В надднестрянском говоре (Калушский р-н) – у *hn'iз'dz'i*, *c'ɥ'iý* (=стол), *chéстiй* и *чéсç'i*, *d'ila* и *dез'dz'iá*

Прогрессивная ассимиляция согласных по локальному ряду в польском примере, где *ć*, *ż* > *č' ź'* после *ś*', *ż'* – *jaś'č'orka*, *leś'č'ina* [OF 1984 № 262], *goż'ž'e*, *goč'č'*, *raż'ž'ory* (№ 263). Передненебный спирант, чей высокий тон, сам являясь результатом ассимиляции, влияет на следующую палatalную аффрикату.

В дополнении к этому можно заметить, что на территории АУМ с севера-запада на юго-восток выделяется группа говоров постоянно имеющая аффрикатизацию смычного спиранта после *c* – *st'* > *c'ɥ'* [АУМ 1, 2].

Как было сказано выше, в македонских говорах происходит аффрикатизация спиранта после сонанта – *jenza*, *tæžet* [FO№ 92], *sołza*, *olžica*, *polžaf*, *enza*, *tipza* (№ 96), *turcki*, *gorcki*, но *kičeski* (№ 101), *donci gu* < *nesi* (№ 111); *colsa*, *molziš*, *verzi*, *munsa*, а также *mespe*, *svicka* [Видоески 1984, 87]. В условиях тесной контактной связи компонентов сочетания, сонант как элемент близкий к гласному по своей звучности, дистанцируется от возможного влияния предшествующей артикуляции, т. е. противостоит снижению сonorности (как известно, снижение звучности сонанта в соседстве с шумным согласным достаточно распространено в славянской фонетике). Дистанцирование сонанта от шумного согласного достигается образованием переходной артикуляции в виде смычки. Таким образом, стимул артикуляционного изменения исходит от первого компонента сочетания.

4.5.3.

Регрессивное изменение в группе согласных как способ коррекции направления звукопрохождения в звуковой цепи

Регрессивно направленные изменения в группах согласных в славянских диалектах известны более широко, чем прогрессивные. Эти изме-

нения можно разделить на два вида. В первом случае содержание процесса не выходит за рамки конкретного сочетания (рядом стоящие звуки). В другом случае логика изменения не укладывается в рамки конкретного сочетания. И поэтому речь может идти о перестройке направления звукопрохождения в соответствии с его естественным развитием – от голосовых связок вперед. Это всегда связано с заменой согласного более переднего места образования заднеязычным/задненебным и/или фарингальным.

В разных диалектах известна замена зубного согласного заднеязычным в позиции перед сонорными.

Изменение *tl*, *tl'*, в *kl*, *kl'* присуще гуцульским говорам – *klumok*, *doklá*, *m'iklá* *cvíkla* (род.ед.ч.), *kl'iye*. В [ASIJ 1968] карта XXV (комментарий с. 132) специально посвящена сочетаниям *tl*, *dl*, в которых зубной смычный также заменяется задненебным – *kłct'*, *sklp*, *klmačit'*, *glhi*, *glháň*, *glžen*, *glh*.

Это изменение, если его рассматривать в пределах дискретных сегментов, репрезентует диссимиляцию по месту образования и увеличивает артикуляционный контраст между рядом стоящими звуками. Однако для этого следует преодолеть специфическую слитность сочетаний зубных взрывных и латеральных. Это то, что [Брок 1910, 144] называл антропофонической особенностью такого рода сочетаний, воспринимающейся как боковой взрыв. [Панов 1967, 102] также подчеркивает слитность таких сочетаний, называя их взрывно-боковым звуком.

При такой слитности сочетания его диссимиляция должна быть иметь особую подоплеку. Изменение *t* > *k* перед *l*, *l'* могло произойти с целью перестройки консонантной последовательности в соответствии с естественным направлением шумопрохождения, т.е. в конечном счете как упрощение консонантной последовательности. Имеется в виду следующее. Переключение зубного смычного в латеральный сонант осуществляется путем некоторого перемещения языкового сближения с зубами спереди назад, т.е. навстречу движению воздушной струи, образующему шум. Особенно это выражено при невеляризованном сонанте, т.е. *l*. Изменение *t* > *k* означает, что подход к латеральному сонанту переместился из передней части ротовой полости в ее заднюю часть. Это и меняет направление шумопрохождения при образовании консонантного сочетания.

Тот же тип явления демонстрирует *d* > *g* перед *l* в нижнелужицком: *glymoko*, *glejko*, *gl'a*;

d > *g*, перед *n*, *l* в словенском говоре – *ve:gne*, *gna:ko*, *gnes*, *gle:sna*, *gla:n* [FO № 149];

t > *k* перед *n*, *l* в македонском говоре: *knoko*, *knočko* *kłanik*, то же в словенском – *kna:la*, *po:kle* [FO № 18, 90]; сходное явление представлено в

блг. в виде $\partial > \varepsilon'$ перед *и, и'* – *zář'ň'a, créř'ň'a, sář'no, préř'ň'o* [БДА III, К. 63, с. 64]

$t > k, d > g$ в словацких говорах – *ožlknút', istokne, gněs, gnu, nozgra, Vongrej, grot, svěknice, sveklo* [Stanislav 1958, 545];

$b > \varepsilon$ перед *м, в* в севернорусском говоре (Тотемский р-н): *óгморок, огману́й, огват ёла, огв ђс ёла, ог Bác'e.*

Коррекция направления шумопрохождения средствами синтагматических изменений в звуковой последовательности сама по себе, как цель фонетического изменения, явление необычное.

Тем не менее, кроме перечисленных фактов, можно привести и более эффектные данные в пользу того, что конкретное фонетическое изменение ориентировано именно на построение более удобного шумопрохождения, т. е. в соответствии с естественным направлением движения звука.

Известный пример этого дают болгарские говоры. Приведем данные из [Калнынь, Попова, 1983, 157], где описана фонетика говора, обследованного по программе, специально ориентированной на выяснение правил фонетической синтагматики. В этом говоре зубной глухой спирант заменяется фарингальным спирантом перед зубной или передненебной аффрикатой.

с > х – *съх չ'ár, съх չ'ýган'án, Танáхца, б'их չ'иңä, л'úхч 'и* (листья), *хч չ'ýп'иши*; *ш'ex' չ'áса, вাখч 'арв'éну, ах չ'éտõх* (*з#ч*');

ш > х - *св'ихч իңä, нóхч 'и, չ'úхч իң'и, дыхч 'и, кóхч 'и, упáхч իңä, с'ákax չ'и* (*и # ч*) [Калнынь, Попова 1993, 157].

Внешне это явление выглядит как усложнение звуковой цепи, поскольку увеличивается расстояние между рядом стоящими согласными по месту их образования. Если учитывать только артикуляционную специфику *с, ш*, и аффрикат как изолированных звуков, то логику передвижения спирантов в задненебный (или фарингальный) ряд понять трудно. Чем может быть вызвана столь резкая диссимилляция по месту образования, ведущая к одинаковым изменениям спиранта разного локального ряда перед разного же ряда аффрикатами? Объяснение может быть найдено, если названное изменение расценить как реализацию более удобного развития артикуляции не в конкретном сочетании согласных, а в фонетическом слове

Переключение спиранта в аффрикату того же ряда осуществляется навстречу движению воздушной струи, образующей шум. Это достаточно сложное артикуляционное движение, особенно при напряженности артикулирования глухих согласных, что свойственно рассматриваемому говору. Изменение зубного и передненебного спиранта в *х* означает перемещение подхода к аффрикате из передней части ротовой полости в ее заднюю часть. Это ведет к тому, что развитие шума движется по каналу звучания от более задней и простой артикуляции (фрикативной) к более

сложной и передней (аффрикативной) в соответствии с естественным направлением шумопрохождения, а не навстречу ему. При такой интерпретации фонетического явления мена *s, sh > x* может быть понята как реализация артикуляционной экономии в фонетической программе слова.

Сходное явление отмечается в восточносербских говорах, где согласный, произносимый перед аффрикатой определяется как глухой фарингальный спирант *h*. Локализация спиранта в фарингальном ряду максимально приближает его к месту начала звукодвижения. Перед звонкими согласными произносится задненебный спирант *y*.

'vuko:hči, p'raħci, m'ładoħči, bəħ 'ševera, g'røyže, gvo:yže, ubay'žet, hey žece [FO № 75]

li:hča, klä:hče, pūħčim, hčet, pähče, għħče, bá:hča, grò:yže, brè:yže, gvöyže (№ 78).

Вариант рассматриваемого явления в виде *s, ſ > f* перед *c, č* зафиксирован в македонских говорах сетки ОЛА [FO № 92, 96, 97 и др.]: *maſca, meſca, ifſcedi, rafſcepi, moſče, liſči* и т. д. Считается, что в этих говорах *x* в зависимости от позиции или утратился, или изменился в *f*. Поэтому, возможно, в приведенных примерах губному спиранту хронологически предшествовал *x*. Но даже если исключить этот предшествующий этап, надо будет признать, что сочетания *fc, fč* также имеют потенциал для более удобного артикулирования фонетического слова, в сравнении даже с *xc, xč*. При *fc, fč* в консонантной последовательности остается лишь одно язычное сближение – у аффрикаты, а спирант перемещен в губной ряд и язычная артикуляция в его образовании участия не принимает.

Таким образом, изменение места образования согласного определяется не только удобством произношения конкретного сочетания, когда согласные взаимно уподобляются. Изменения в группе согласных может реализовать тенденцию строить фонетическое слово по принципу более удобного движения артикуляции. В этом случае речь идет не о сходстве рядом стоящих звуков, а об удобном произнесении фонетического слова, что может достигаться и расподоблением рядом стоящих звуков (*сч > хч, бм > гм, дн > гн, дл > гл*)

4.5.4.

Изменения, по своему значению не выходящие за пределы конкретного сочетания

Наряду с явлениями, корректирующими направление звукопрохождения в слове, в славянских диалектах представлены многочисленные из-

менения, значение которых сводится к достижению произносительного удобства конкретного сочетания согласных. Список этих изменений достаточно велик и распространены они в масштабах Славии неодинаково

По-видимому, наиболее распространенной является ассимиляция шумных согласных, расположенных в зубном и передненебном ряду. В сочетании происходит отождествление согласных по месту и способу образования. Явления такого рода упоминаются во многих описаниях диалектной фонетики.

О недопустимости сочетания фрикативных и аффрикат зубного с такими же согласными передненебного ряда не раз упоминается в [FO] – “*s, z, c* не стоят перед *š, ž, č* и наоборот” (№ 41, 52). Согласные *s, z, c* не стоят перед *š, ž, č, ĥ, ė* (№ 36, 48, 49, 51, 59, 73, 74 и т. п.). Отступление от этого правила заслужило специального упоминания – “*s* может стоять перед *č - li:sče, 'česče, zaràsče*” [FO № 81].

В сербских и хорватских говорах взрывные зубные не сочетаются со следующими аффрикатами [FO № 36, 39, 50, 56 и др.] – но в тексте не показаны способы устранения запрещенных сочетаний и предлагается альтернатива: утрата взрывного или продление аффриката (с. 377).

В македонских говорах согласный *s* перед *č* не только заменяется фрикативным губным или задненебным, но и передненебным *š*. Так, *vošče, kvašče, mošče* [FO № 93], *křšče, lišče* (№ 95), *'tošče, ob'rašče, iš'češa, k'lašče* (№ 98), *'nošče, 'košče, 'pršče* (№ 102); *клашче, мошче, мишче, појашче* [Vidoeski 1970, 280]. Более редки случаи сохранения сочетания *sč - ne'vesče, 'masče, po'asče* [FO № 102] или *носче, восче, класче* [Vidoeski 1970, 280].

В макед. говорах альтернативное развитие имеют сочетания зубных взрывных с фрикативными зубными и передненебными. Как было показано выше, одна из возможностей – это обусловленная прогрессивной ассимиляцией аффрикатизация спирантов. Другой вариант – это слияние сочетания в аффрикату, т. е. *'oceče, 'ocoli, 'rozede, 'rocenka* (= *pot senka*), *'pečes* (= *pet šes*), *na'živeat* [FO № 100]. Что касается сочетаний *t, d* с аффрикатами, то отмечены случаи их сохранения. Так, *'livatče, 'patče, 'patče* (*pat*), *s'vetci* (№ 96), *'ritče, 'žitce, 'sa:tče* (№ 99).

В описаниях польских говоров сетки ОЛА приводятся примеры регressiveвой ассимиляции по месту и способу образования в консонантных группах, образованных зубными и передненебными/палатальными согласными. Так, *dž > žž, tš > čč, tč > čč - žžym'e, čšon, čšy, čšylacé, ččina* [OF 1983 № 314]; *pacšy, čšuma, žžem'e* (№ 323); *žžev'any, čšeba* [OF 1984 № 282]; упрощение сочетания в одну аффрикату – *ževo, ščylajo* (№ 296).

В описании болгарской фонетике в [Стойков 1961] в разделе, посвященном ассимиляции согласных, не говорится специально о возможном

уподоблении согласных зубного и передненебного ряда. Сказано лишь о произношении *беж живот*, *ж жалост* (с. 152). В [Андрейчин 1978, 52] этому уделено больше внимания. Как признак разговорной речи приводятся примеры *льсци* (< *жци*), *иживея* (< *жжж < зж*), *иичакам*, *беш шум*, *ш чук*, *вис си работата* (< *вих си*). Можно отметить, что программа обследования болгарских диалектов для атласа [Стойков 1969] не предполагала фиксацию явлений этого раздела консонантной синтагматики.

Как иллюстрацию возможных изменений в группах зубных и передненебных согласных, приведем данные из [Калнынь, Попова, 1993, 156–158].

Кроме замены зубных спирантов фарингальным/задненебным перед аффрикатами, это:

с, з > ш', *ж' перед передненебным спирантом* (сочетание одинаковых спирантов часто сокращается) – *ш'ш'áпка, аш' ш'их, а ж'юш'áх* (< *жжж < зж*), *а ш'е гу прукала* (< *шиши < зши*), *сь женá с'и, w'йшé* (< *ш'ш'*); *ш' > с перед с – нас сýна;*

т > ц перед зубными фрикативными и аффрикатами – уц слўжба, уц Сóф'и́я, уц цárската, куриáщи, п'еу' с'елá, rácäц са с'ейът, кац съм б'ýл (< *кат*); сокращение сочетания *цц* – *у ц'áлу, ср'еу'элу* (< *сред село*), *крац'и* (< *крадци*);

т > ч перед передненебными фрикативными и аффрикатами – п'еу' штúка, уч ч'ардáка, уч 'шéл, учóччик, крива"чи, п'еу' ш'éс'.

Звонкий смычный зубной не меняет своего образования перед з, з'. На месте сочетания *ձձ'* может произноситься аффриката *s'*, что предполагает унификацию сочетания по мягкости – *յз'áша м'и, назéрна*.

Ассимиляция рядом стоящих согласных зубного и передненебного ряда – это черта общая для восточнославянских диалектов, хотя и реализуется в них в неодинаковом объеме.

В описании украинской фонетики в [Курс сучасної 1951, 205-206] М.Ф.Наконечный показывает, что ассимиляция по месту и способу образования охватывает весь блок шумных зубных и передненебных согласных

Это – *зж > жж; зч > жч, шч; сч > шч; здж > ждж; шс' ; жсс' > с'с', з'с' (намáз'с'a); чс' > ц'с' (не морóц'с'a); шц' > с'ц'; жц' > зц; цц' > ц'ц'; дш, дч > джш, джч (пíджáйти, с'в'íджчáти);*

ծ, ծц > ձձ, ձց (надз цýм); ծс', ծц' > ձձс', ձց' (վ'íձ'ս'իч, յ բüձ'ւ'ի); ծш, ծч > тш > чч (ччемó).

К орфоэпической норме отнесено произношение звонких согласных перед глухими даже в сочетаниях однородной артикуляции (*з'с'*, *ձձц* и др.).

Проявление указанной ассимиляции в украинских диалектах можно показать на примере гуцульского говора (Раховский р-н 1974 г.):

еш, зж > шш, жж – шшéтий, рoжжéл вали

сч > шч – ичолов'іком

шц > сц – һрұс'и'i, касц'i

жц > сц – калус'и'i

шс, жз > сс, зз – не мос с ідати, міз зáнными

чц > щц – на бóц'и'i

че>це – преклéц своhо н'ён'e, а также н'иц зимоу(=нічъ)

чз > дзз – п'ідз зел'ізна

тц > цц – віццéм, кáц'и'i

тч > чч – ja ччу, в'іччéм, в'іч чóho

тш > чш – пічшукáли

тс > цс – віц сého.

В целом подобная картина ассимиляции согласных зубного и передненебного ряда характерна для говоров региона Карпат в целом.

В [Крывіцкі, Падлужны 1984] в диалектных белорусских текстах приводится не много примеров ассимиляции согласных разного места и способа образования. Например, *раж:ытца, рышчап'iц', јéшча* и в то же время *вóтчым, у бóчцы* (с. 179, 191).

Более полную картину дают записи, сделанные в полесском говоре Лунинецкого р-на в 1973 г.

тс > цс – ац стакáна

тс' > ц'с' – пац'с'евáйом

тц, тц' > цц, ц'ц' – у хáццы, ац'и'еb'e

тш > чш – ач шáпк'i, брач шкадúйе

дж > джж – адж жóнк'i

тч > чч – брыччéй, аччýн'eна

сш > шш – шиšíц', шишúрайу

шц' > ец' – на һрұс'и'i, на пос'и'i (от пошта)

шс > сс – вўчысса

жц > с'ц' – атрéс'и'e, на дз'ес'и'e

чц' > ц'ц' – у бóц'и'i

сч > щч – мáшча, рéшча.

Ассимиляция согласных зубного и передненебного ряда свойственна русским говорам, но реализуется неодинаково, что естественно в условиях типологического разнообразия русских говоров и их большого количества. Сопоставляя гуцульские и полесские данные с южнорусским говором (Моршанский р-н), можно заметить, что в южнорусском говоре из перечисленных изменений представлены только:

тс > цс – оцсад'i'm'

тц > цц – оццá

тш > чш – пачшыт'

тч > чч – óч'ч'iн

сш, зж > шш, жж – ши́шт', жжы́мáт'

сч > шч – иш'ч'iс't'im'.

В севернорусском говоре Кологривского р-на (1974 г.) та же ассимиляция представлена в следующем виде:

те, те' > цс, ц'с' – оцсад'it', ц'орц' с'и́м, но и потсобл'ёйут, о"ц'с'ол'a

ти, ти' > цц, ц'ц' – поц цв'еты́, н'е об'иц'ц'ева, кáц'ц'a

сш, зж > шш, жж – вýшишого, шишкóлы, бештанóф (<ши>, жженóй, в'ёк ижжыла, врож'жы́т', брож'жо

шс > с'с' – вóз'm'ес'с'a.

В этом говоре сочетание **шц** произносится в мышиц'i, но в то же время есть и результат ассимиляции в виде **с'в'ес'ц'ёна кл'ад'ба, вытас'ц'iл'i, ес'ц'о//ешчó** – видимо, это результат проникновения цоканья в рефлекс *tj – ич. Своеобразное изменение происходит в сочетании цж – здесь аффриката утрачивает фрикативную – пál'eđ жо.

Вне ассимиляции находится сочетание **тиш – поти́шт', млáтишой, от ши́шик'i**. Не подвергается ассимиляции и звонкий взрывный д – од золóфк'i, од'з'емлí, од жары́, поджáр'it', с'ед'жо, но и в'едз'зажыл'ис'a дак.

В севернорусском говоре Пинежского р-на (1983 г.):

те > цс – поцсад'it'

те" > ц"с" – оц"с"éк, н'е п'еу"с"е

ти' > ц'ц' – вороб'ц'a, вóб'ц'iна

сш, зж > шш, жж – рошишумéл'is", жжолтá, жжол'ёзом

сч > шч – доишчóк'i

с"ц' > с'ц' – кос"еу' и кос'ц'ом

сс" > с"с" – рос"с"еку', ис"с"елá

шс" > с"с" – подл'еу'ис"с"е.

Изменения в сочетаниях **с"ц', сс"** означают замену локального ряда согласного – зубной ~ палатальный. В этом говоре также сохраняется сочетание **шц – он'ешицы**, и согласный д перед звонкими фрикативными – **подзобу'ено, подзамóк, подз"емл'y, од жонк'i, поджáр'y, on'ed'жо**.

Уподобление рядом стоящих согласных зубного и передненебного ряда, хотя и происходящее с разной интенсивностью в разных говорах, в целом можно считать универсальным свойством славянской синтагматики.

Некоторое отклонение в этом плане демонстрируют серболужицкие диалекты. Как показывают материалы [SS], здесь названные согласные могут соседствовать друг с другом, не подвергаясь изменениям.

Особенно контрастно на общем фоне выглядит отсутствие ассимиляции спирантов. Так, в [SS 1] – *jězdžíć, keryšco, klasć, kóryšco, kwasć*,

rosćiskac, rosćinje (S. 10, 66, 79, 48 и др.); в [SS 13] – *wěłsy, cysćejšy, žyw-nosć, šeść, čisćejšy, masć, gosć, gózdič, rozdželiš, scelnā* (S. 126), *rosćenus, scixa, rozdželiš, kwisć, usćejšy* (S. 130).

По-видимому в серболужицком регионе достаточно определенно выражено архаическое отношение к неприятию антиципаций следующего согласного при построении фонетического слова.

Сопоставление уподобления согласных по месту и способу образования, с одной стороны, и унификации сочетания согласных по высоте тона, с другой, дает повод для следующего предположения. Даже те фрагментарные данные, которые были приведены, показывают, что широкое развитие уподобление по месту и способу образования сопровождается ограничениями в ассимиляции согласных по мягкости. И, наоборот, неразвитость ассимиляции по месту и способу образования сочетается с достаточно распространенной ассимиляцией по мягкости. Наглядно это показывает синтагматика гуцульского говора (Раховский р-н), с одной стороны, и южнорусского (Моршанский р-н) говора, с другой.

Ассимиляции разного рода в группах согласных – это сигнал модернизации консонантной синтагматики в сравнении с прасл. состоянием. Не вполне ясно, почему эти два вида ассимиляции находятся как бы в дополнительном распределении. Возможно это связано с уровнем напряженности согласных – меньшая напряженность удобна для распространения высокого тона на соответствующее сочетание.

Рассмотрение синтагматики согласных, различающихся местом или способом образования показывает, что различие в этом разделе консонантной синтагматики в славянских диалектах эксплицирует следующие закономерности.

1. Ориентация на архаический или новый тип связи в звуковой последовательности. Это эксплицируется в разной частоте прогрессивно и регрессивно направленных изменений. Характерно, что архаические отношения репрезентуют, в основном диалекты на окраине Славии. На юге – это мак./блг., на западе серболуж. ареал.

2. Уподобление по месту/способу образования, с одной стороны, и мягкости/высоте тона, с другой, в известной мере обнаруживают признаки дополнительного распределения в рамках славянского диалектного континуума.

3. Диссимилляция согласных в фонетическом слове является более редким явлением, чем ассимиляция.

4. Существует изменение согласных, логика которого не укладывается в рамки конкретного сочетания. Это изменение иного ранга, так как речь может идти о перестройке направления звукопрохождения в соответ-

ствии с его естественным развитием – от голосовых связок в переднюю часть ротовой полости. И это всегда связано с заменой согласного более переднего места образования заднеязычным/задне-небным или фарингальным согласным.

4.6.

Изменение уровня вокальности/консонантности консонантной части фонетической программы слова

В любой звуковой последовательности присутствует контраст между звуками по признаку вокальность (голосность)/консонантность. При этом имеем в виду не различие между гласными и согласными, относящимися к особым образом артикуляционно организованным классам. В данном случае речь идет о разном уровне вокальности/голосности согласных. В применении к согласным степень этого различия устанавливается “на шкале нарастания консонантных признаков – в зону наиболее консонантных помещаются взрывные глухие, а в зону наименьшей консонантности – сонанты” [Пауфошима 1985, 50]. Несколько по иному об этом же сказано в [Трубецкой 1960, 172] – «смычные и сонанты как с точки зрения акустической, так и артикуляционной являются максимально полярными типами». Говоря об уровне консонантности согласного, эту характеристику можно переформулировать с точки зрения голосности (вокальности) – смычные наименее голосны, а сонанты, наоборот, наиболее голосны.

Сонорные согласные, как известно, сыграли особую роль в прасл., выполняя подчас роль гласных. Здесь же нас интересует, как во вновь возникших после падения редуцированных сочетаниях шумных с сонантами приоритет получал сонант и таким образом способствовал повышению уровня вокальности/голосности фонетической программы слова.

Падение редуцированных обусловило появление ранее отсутствующих не в начале слова сочетаний сонанта с шумным согласным типа CSon.

Сочетание типа CSon самим своим устройством располагает к увеличению голосности в слове поскольку имеет предпосылки к регressiveйной ассимиляции. Однако это происходит отнюдь не всегда. Покажем это на примере сочетаний, имеющих с рассматриваемой точки зрения диагностическое значение.

Сочетания одинаковых по месту образования взрывных и назальных согласных (*p*, *b* + *m*, *m'*; *t*, *d* + *n*, *n'*) артикулируются как один согласный.

Сочетания *pm*, *bm* в русском языке М.В. Панов определяет как увулярный взрыв или губной щелчковый; в зубном ряду им соответствуют зубные щелчковые или *dn*, *tn* [Панов 1967, 37]. О. Брок, называя зубную щелчковую артикуляцию фаукальным взрывом, считает его свойственным всем славянским языкам [Брок 1910, 144]. По замечанию И.И. Ковалика, взрывные согласные вообще перед носовыми претерпевают частичную назализацию, при которой «в конце произношения ротовых согласных группы *n*, *b*, *m*, *d*, *k*, *g*, наступает носовая эксплозия» [Ковалик 1956, 74].

Слитное артикулирование сочетаний взрывных и назальных согласных одного ряда создает благоприятные условия для ассилияции, в результате которой шумный согласный заменяется сонантом, т. е. *dn* > *nn*, *bm* > *mm*. Хотя артикуляционные предпосылки для такой ассилияции есть практически во всех славянских диалектах, реализуется эта ассилияция далеко неезде.

Особенностью такой ассилияции является ее асимметричность – изменяется звонкий шумный согласный, а парный ему глухой перед тем же носовым остается без изменения. Отступления от этого принципа единичны – например, в болгарском говоре, описанном в [Димчев 1969, 263], один раз отмечена ассилияция по назальности в группе *tn* – *сённе* вместо *сетне*. На эту асимметрию в отношении сочетаний *dn*, *tn* указывают [Аванесов 1949, 167; Крывицкі, Падлужны 1984, 177]. Причиной асимметрии Р.И. Аванесов считал контраст по голосу между глухим шумным и сонантом. Однако, как указывают другие факты диалектной фонетики, сама по себе глухость шумного согласного не препятствует замене его сonorным согласным. Так, в русских диалектах известно произношение назального сонанта вместо глухого губного взрывного в словах *мт'ица*, *мчелá* [Аванесов 1949, 169]. Надо полагать, что отсутствие ассилияции в *pt*, *tn* объясняется стабилизирующим воздействием напряженности, свойственной смычным глухим согласным.

Сочетания *bm*, *bm'*, *dn*, *dn'* характеризуются разной частотой: губные сочетания образуются только на стыке приставки-предлога и корня, а зубные сочетания представлены как на стыке морфем, так и в пределах одной морфемы. На разную частоту сочетаний *bm*, *bm'* и *dn*, *dn'* указано в [ДАРЯ Вступит.статьи, 186] – ответы на соответствующие вопросы [Программа 1947] фиксируют сочетания губного ряда в 1–4 примерах, а количество сочетаний зубного ряда доходит до 80.

Назализация сочетаний *bm*, *dn* повышает голосность/вокальность в рамках фонетической программы слова. Поскольку явление, хотя и имеющее одинаковую фонетическую подоплеку, распространено в славянском континууме неравномерно, можно думать, что явление эксплицирует

более глубинные особенности системы, связанные с повышением уровня вокальности звучащей речи. Локализация рассматриваемой назализации выглядит следующими образом.

Изменение *bm*, *bm' > mm* – это преимущественно черта русских говоров. Так, в архангельском говоре (Холмогорский р-н) – *оммотайтум*, *оммолот ил'i*, *ом'm'ёл'* (императив), *ом'm'иши* (= об Мише).

В белорусских говорах это явление отмечено в витебском регионе – *аммáн*, *амм'ёр'иц'*, *аммануц'* [Крывицкі, Падлужны 1984, 179].

Назализация губного смычного встречается, хотя и не часто, в украинских говорах региона Карпат – *омману́йете*, *омм'и́н'áти*, *оммéти*, *оммáни́ччик* (р-ны Закарпатской обл., Путильский р-н Черновицкой обл., Калушский р-н Ивано-Франковской обл.).

В хорватском говоре отмечено уподобление зубного взрывного следующему *m – ötta(h)*, *ötä(h)* [Ресо 1980, 97].

Ассимиляция по назальности в сочетаниях *dn*, *dn'* распространена в славянских диалектах шире, чем это имеет место в сочетаниях губного ряда. Возможны три варианта комбинации этих явлений: [1. только *dn, dn' > nn, nn'*], [2. только *bm, bm' > mm, mm'*], [3. *dn, dn' > nn, nn', bm, bm' > mm, mm'*].

Вариант 2. – это особенность русских говоров; вариант 3. – кроме русских отмечен в некоторых украинских и белорусских говорах; вариант 1. – известен части русских говоров, но является основным репрезентантом назализации смычного в других славянских диалектах. Территориальное несовпадение этих фонетических явлений в восточнославянских диалектах показано в [Калнынь 1998].

Назализация зубного смычного присутствует в русских говорах преимущественно на территории северо-западных областей и в меньшей степени на северо-востоке. Явление иллюстрируется примерами *инó*, *об'инно*, *онновó*, *холónной*, *гónно*, *ронн'á*, *ин'óм* [Русская диалектология 1964, 91]

Это же свойственно белорусским диалектам. В описании белорусского диалектного произношения назализация смычного зубного согласного иллюстрируется примерами – *халónна*, *п'ирéн'н'íк*, *м'ённ'ýй*, *лánна*, *марúнна*, *трúнна*, *рónный*, *с'áн'н'i*, *ин'óм*, *тьн'н'áц'*, *курóсан'н'a* [Крывицкі, Падлужны 1984, 177, 218].

Назализация зубного согласного в сочетаниях *dn*, *dn'* является особенностью юго-западных говоров региона Карпат, на что специально указывал [Жилко 1955, 135]. Примеры из таких говоров:

сп'инн'íц'a, *полунне*, *в'ин' н'óho*, *чиł'ánnik*, *два иннá*, *инн'ís*, *неhónна*, *унн'ú*, *п'ян'н'íj* (=пять дней) (Турковский р-н Львовской обл.);

у велико́нному, зáнний, перéнний, до полúн'н'e, б'инно́ho, в'íд онно́ho в'íн нéй (Раховский р-н Закарпатской обл.); не hónna, пос'л'íнне, тýн на robót'i (< д#н) (Путильский р-н).

Характерно, что западноукраинские говоры, имеющие назализацию зубного взрывного, территориально близки к западно- и южнославянским диалектам, имеющим ту же черту.

Ср. в польских диалектах – *stuńña*, *b'ýnny*, *uannu* [OF 1983, 92];

в словацких диалектах – *honní*, *pannút'*, *suňnička*, возможно сокращение двух сонантов до одного – *hono*, *sreňi*, *saňit'si*, *slobono*, *vino*, *stuňa*, *choňik*, *poriaňe*, *ňes*, *ňeska*, *voňe* (=vodne) [Stanislav 1958, 549];

в чешских диалектах – *jennož*, *polenne*, *žánněj*, *ve nne*, *hlanný*, *spoňnička*, *stuňňe*, *přeňni*, *žaňni*, *ženník* [Belič 1972, 56; Havránek 1934, 140].

в сербских говорах – *pónnica*, *glá:nna*, *xlánnna*, *jénno:g*, *pré:sennik* [FO № 61], *žé:nna*, *'ipanne*, *pó:nne*, *jánni:k* (№ 60).

в болгарских говорах – бéннъ, глáннъ, зáннъ, еннó, пльнннýнъ [Бояджиев 1972, 41]; еннáш, глáнни, пláннина, срénник, сéннал, понничárка [Младенов 1966, 58]; жéнну, испрýннъ съ, пуглéннъ, рунннýнъ, сéннъ, уткráннъ [Димчев 1969, 81]; рунннни, глáнни, бéннъ, еннó, зáннъ, нъпáннъ, прéнну, углýнн'áф, пóннушки, ср'áнну и др. [Бояджиев 1991, 114, 128 и др.]; л'ин'н'ýца, глáнна, пр'итáнналу му, с'éннала, жéн'н'и, упáннала, w'énnny', към пláнн'e, иннó мнч'é (=едно момче) и с'йн'и с'и, н'éска, здесь же ассимиляция по назальности, но диссимилияция по способу образования представлена в виде *dn* > *tn* в слове *уткráмнул* [Калнынь, Попова 1993, 117, 154].

Известна и такая ситуация, когда в соответствии с *dn* произносится один назальный согласный. В принципе в этом можно было бы видеть в равной мере как результат упрощения *nn* из *dn* (факты такого упрощения отмечены в [Бояджиев 1991]), так и прямую утрату *d*. Именно как результата утраты смычного квалифицируется произношение в хорватских говорах – *jé:na*, *'záni*, *ní:no* [FO № 22, 43]; *glána*, *opáne*, *zájni*, *sréjni*, а также *'omar* < *dm*, *òma(h)* || *ommah* [Peco 1980, 97, 119, 176].

В македонских говорах так же оценивается произношение *'eno*, *'pana*, *s'janá*, *'novi*, *'enás* [FO № 106, 109]. Однако здесь же в п. № 113а показаны результаты *d* > *n* - *'panna*, *'enno*, *'senna*.

В серболужицких диалектах произношение *panuš*, *šenuš*, *panuć*, *panč* квалифицируется как результат утраты *d* в сочетании *dn*, минуя стадию *nn* [Michalk, Sperber 1983]. Материал десяти томов [Sorbischer Sprachatlas] не содержит ни одного примера замены взрывного согласного назальным. Чаще сочетания *dn*, *dn'* сохраняются, реже сокращаются до *n*, *n'*. Так, *sr'édnak*, *sréjk*, *srénc* [SS 1 K. 83], *sudnistwo*, *sudny* [SS 8 K. 60]

Другие нижнелужицкие примеры – *senu se, забуна́ш, kinis, srjeny* [Mücke 1891, 249], *sleny, přeny, jan/jen, krynuš, рајтону, кюоница* [Калнынь 1967, 178].

Можно отметить, что нижнелужицкие диалекты в отношении синтагматики *dn* проявляют известную склонность к арханке, т. е. некоторое сопротивление вновь предлагаемой антиципации. Здесь фиксируется такое явление, как *dn > rn*: *parnuš, parn'o, gđornu, spörny, wytab'erarn'ica, pserńica/pśelnica*. Это изменение комбинирует антиципацию назального сонанта с нежеланием отождествления с ним смычного согласного. Смычный согласный останавливается на стадии такого сонорного согласного, который является самым шумным из сонантов. Характерно, что в этих диалектах подобную же трансформацию претерпевает *d* перед *l* – *študlica/šturlica, parl'e, pörl'a/pvdla nas, fidlar//firlar', kv'edlačka//ku'irl'ača*.

Вариант сопротивления антиципации сонанта отмечен в [БДА Ш, 63] – здесь перед назальным гласным зубной взрывный заменяется заднеязычным, т. е. увеличивается расстояние между согласными, которые в то же время укладываются в направление естественного звукопрохождения. Так, *zágn'a, crég'n'a, sághno, préghna*.

Рассмотренные изменения сочетания *dn* (а также *bm*, отличающегося низкой частотой в речи) во всех своих проявлениях *повышают* уровень голосности слова, что можно расценивать как задачу, заложенную в фонетическую программу слова. Задача это не универсальна, а свойственна лишь части славянских диалектов.

Характерно, что *снижение* вокальности в принципе возможно в сочетании сонантов, возникших после падения редуцированных, но встречается это редко. Так, в [ДАРЯ К. 81, комментарий, 187] приводятся примеры произношения *dn* вместо сочетания *pp* в западных и северных говорах – *đ'er'ev'ádno, ofc'ádn'ya, star'ídn'yy, dl'ídn'yy, sukódn'yy, kám'edn'ye, bol'shédna, č'ýtvr'ohgrádn'yy* (Новгородская обл.), *đ'er'ev'ádn'aa, po star'ídn'omu, po-stoiádno, obyknovéđno* (Ленинградская обл.), и под.

В белорусских говорах *dn* вместо *pp* отмечено в *мыльдн'á, pišódny, mádny* (=пшонный, манный) [Крывіцкі, Падлужны 1984, 218]. и под.

Р.И. Аванесов такие факты русской диалектной фонетики оценивает как гиперизм, проявляющийся у носителей диалекта в ходе стремления избавиться от такой диалектной черты, как *pp* из *dn* [Аванесов 1949, 168].

Но для объяснения фонетического явления, хотя и редкого, но достаточно компактно локализованного, не всегда подходят такие понятия как гиперизм и аналогия (аргумент, особенно любимый А.А. Шахматовым).

Изменение *pp > dn* может быть знаком того, что в программе слова обозначилась тенденция к повышению консонантности данной звуковой

последовательности, т. е. своеобразный протест против голосности. Примеры такого рода известны в чешских диалектах – *Adna, padna* (=panna), *kamednej, dřevjednej, slamnednej, dratedňík* [Belič 1972, 56; Komárek 1982, 81]; *Hadna, padna, soukednej, kamednej* [Селищев 1941, 109].

Аналог этого явления имеется и в губном ряду, когда сонант *t* заменяется губным взрывным, т. е. *tn* > *bn*.

В русском говоре – *вобнóг'ix* (Тотемский р-н Вологодской обл.);

в словацких – *darobní, pisobní, gibnázija, tajební, spisební, darebñica* [Stanislav 1958, 558];

в чешских – *pisebný, upřibný, darebný, tebný, tebnost* [Ковалик 1953, 83; Селищев 1941, 207];

в болгарском – *гръбна* [Стойков 1967, 83], вероятно, через стадию *vn* > *tn* получено произношение *гръбнь* с *b* вместо *v* [Бояджиев 1991, 138];

в сербском – *gubno* [Ковалик 1953, 83];

в словенских – *gubno, spobnati se, gubnu* [Ramovš 1924, II, 98], *riobnem* [FO № 4].

Фрагментарное сопоставление синтагматического поведения сочетаний *dn*, *bm* и *pn*, *tn* заставляет предположить, что сочетания, содержащие сонант, имели в рамках программы слова альтернативный путь развития, а именно – усиление вокальной или консонантной компоненты звуковой последовательности. Нерешенным остается вопрос о причине развития в ту или другую сторону. Анализ более широкого материала указывает на приоритет вокальности в развитии сочетаний, содержащих сонант. Но почему появлялась склонность к консонантизации сочетания? В этих случаях по-видимому действуют причины, связанные с общим устройством системы, ее ориентированностью на вокальность или консонантность. Сама по себе ориентация такого рода представляет собою определенную инновацию в динамике славянских диалектов.

4.7. Финальное сочетание *tSon* как компонент фонетической программы слова

Особую ситуацию как в отношении контура слова, так и его компонента – слога, создавало появление сочетания типа *tSon* на конце слова после падения редуцированных. Это имело место в континуантах праформ типа **sedmb*, **svekrb*, **myslb*, **kašljb* и 1-ptc **neslb*, **pletlb* и под.

Общее между этими праформами то, что все они после утраты конечного редуцированного оказались в ситуации, когда в слоге согласные после гласного образуют превернутую дугу сонорности. Именно такой контур имеет сочетание *tSon* в сегменте *ViSon*.

Сочетание типа *tSon*, приемлемое для начала слова, оказавшись после падения редуцированных на его конце, явилось синтагматическим новшеством, создававшим произносительные трудности. «Нетерпимыми» называет эти сочетания на конце слова [Шахматов 1915, 231]. Но своеобразие этих сочетаний состоит в том, что изменилось пространство их функционирования. Если раньше это был слог, то теперь их судьба определяется фонетической программой слова, которая избегает произносительных неудобств, в особенности в той зоне, для которой характерно пониженное внимание со стороны говорящих. Сформировалась ситуация антиципации способа завершения фонетической программы слова.

В описании фонетики всех славянских языков уделяется специальное внимание реакциям на появление финальных сочетаний типа *tSon*. Преобладающей стала тенденция устранений этих сочетаний. Достигалось это таким способом, как:

оглушение сонанта, выравнивающее уровень сонорности сочетания;

разделение шумного и сонорного согласного вставным гласным, что приводит к появлению в конце слова нисходящей сонорности *VSon*;

утрата конечного сонанта или предшествующего ему шумного, что дает в конце слова удобные последовательности *Vi* или *VSon*.

Иногда эти фонетические изменения трактуются как компоненты более сложной линии развития. Так, в древнерусском языке А.А. Шахматов реконструирует последовательность изменений *neslъ* > *nesl* > *nesl* > *nes*, *větrъ* > *větъ* > *větr* > *věter* [Шахматов 1915, 231]; для чешских говоров, имеющих *ved*, *nes*, предполагается изменение *nesl* > *nesl* > *nes* [Lamprecht 1968, 89] или *sedmъ*, *ostъ* > *sedm*, *ost* > *sedem*, *osem* [Hujer 1961, 88].

Редко в современных языках/диалектах представлен результат использования лишь одного способа устранения финальных сочетаний типа *tSon*. Так в болгарском языке это всегда вставные гласные, т.е. *могъл*, *текъл*, *мисъл*, *храбър*, *седем* и под. [Андрейчин 1978, 58; Мирчев 1978, 149].

Но чаще в славянских диалектах комбинируются результаты разных способов устранения *tSon* в конце слова.

Так, в словенских говорах в [FO 1981] показаны силлабизация сонанта и вставные гласные – *trà:sl*, *pà:dl*, *posiekł* (№ 4), *'ka:šl*, *'wagn*, *'pism* (№ 6), *'kašil*, *'vo:yiń*, *'sedon*, *'voson* (№ 11).

С точки зрения совмещения разнообразных способов изменения сочетаний *tSon* на конце слова показательны сведения об этом явлении в серболужицких диалектах, приведенные в [SS 1990].

В нижнелужицких говорах – *jědl̩*, *pl’el̩*, *kladl̩*, *kašl̩*, *mózl̩* и *wug’el̩*, *kašel̩*, *mózel̩*, *brač*, *kmoč* (< *tš* < *tr*); в диалектах, где *t* > *w* – *narośw*, *pśedw*, *pletw*, а также *jo m’et*, *péat*, *jět*, *don’as*, *usl’ek* (с. 205, 223).

В верхнелужицких диалектах – *pšišl̩* и *pšišl̩*, *pšadl̩* и *p’ek*, *zjět*, *zal’es*, *pšat*, *wět*, *kmót*, а в пограничных говорах *brater*, *bratr*, *brat* (с. 224). Разнообразие способов устранения конечного сочетания *tSon* показано в слепянском диалекте – *jědl̩*, *ušekl̩*, *wum’el̩*, *n’esl̩*, *plět*, *jět* (с. 222).

В восточнославянских диалектах принятая альтернатива изменения финального сочетания *tSon* отделяет I-ptc *m* от остальных форм, имеющих такое же сочетание.

В I-ptc *m* латеральный сонант утрачивается после всех согласных, кроме *t*, *d*, поскольку *t*, *d* сами утрачивались перед финальным сонантом, т. е. рус. *вёз*, *нёс*, *пёк*, *ослеп*, но *плёл*, *вёл*, а также *семь*.

В других словоформах, в основном именных, сочетание *tSon* устраивается путем утраты сонанта (*брат*, рус. диал. *мыс'*, *дон*) и образования вставных интерконсонантных гласных при том, что в некоторых словах сочетание согласных может и сохраниться.

В качестве вставных гласных выступают *o* и *e*, которые предположительно развились на месте вокальной прокладки типа *ə* [Марков 1964]. После задненебного согласного преобладает гласный *o*, а после других согласных – *e*.

Развитие вставного гласного переднего ряда между твердыми согласными с последующим смягчением предшествующего согласного явление довольно необычное, поскольку эксплицирует синтагматический приоритет вторичной артикуляции. Если сравнить с польской ситуацией, то там вставной гласный *e* ведет себя так же, как и континуант *ъ – перед ним произносятся твердые согласные, исключая задненебные, которые имеют позиционную мягкость (*węgiel'*, *ogień*, *węzeł*, *siedem*, диал. *v’atr*) [Klemensiewicz 1955, 116].

Примечательной особенностью вставного гласного *e* в восточнославянских диалектах является то, что он может перетягивать на себя ударение *сестёр*, *бобёр*, *хитёр*, белорус. *зубёр*. Варьирование *o/e* может сопровождаться варьированием ударности/безударности гласного и, соответственно, твердости/мягкости согласного перед вставным гласным *добр* ~ *доб’ор*. Можно полагать, что перенос ударения на вставной гласный был средством подчеркнутого отделения сонанта от предшествующего шумного и создания удобного завершения программы слова.

О многообразии способов устранения финальных сочетаний типа *tSon* в русских говорах можно судить по материалам картотеки ОЛА, ориентированной на сопоставимость явления в масштабах Славии.

В русских говорах, безвариантно представлен вставной гласный в континуантах **osť*, **vět'* и утрата смычного в **sedm'*.

Всегда произносится вставной гласный в континуанте **kašlj'*, но при этом варьируется место ударения – *'kašel'* ~ *ka'šel'*. Ударение на вставном гласном отмечено в северо-западном регионе. Здесь же, хотя и в меньшем количестве пунктов, произносится *do'b'or* (из **dобръ*).

Сочетание типа *tSon#*, по материалам ОЛА, представлено в русских говорах в континуанте **svekr'* – *'sv'okr'*. Такое произношение, иногда параллельно со *'sv'okr'*, фиксируется также преимущественно на северо-западе. В записях ОЛА нет указаний на снижение голоса/повышение шума при произношении финального выбранта в этом слове. Но это не означает, что такого изменения в артикуляции выбранта в действительности нет. О возможности прогрессивного оглушения выбранта в северорусских говорах было сказано выше.

Разными способами в русских говорах устраняется конечное сочетание шумного согласного с сонорным в континуанте **mysl'*.

Утрата конечного сонанта и произношение *'тыс'* – это свойство преимущественно северорусских говоров (Архангельская, Вологодская обл.), а в южнорусском регионе отмечено лишь в двух пунктах около Белгорода. Мягкость спиранта позиционно обусловлена согласным *l'*. Сохранение этой мягкости после утраты вызвавшего ее сегмента указывает на то, что в фонетической программе слова антиципация мягкого согласного сохранялась и после его утраты. Это, в свою очередь, свидетельствует о высоком уровне артикуляционной связи в сегменте *s'*. Тем очевиднее правило, согласно которому фонетическая программа слова требует избавления от финальных сочетаний, препрезентующих восходящую сонорность.

Более широко распространены в русских говорах континуанты, имеющие вставные гласные – *'тыs'el'*, *'тыs'əl'*, *'тыs'il'*. Это преимущественно западнорусские говоры и некоторые южнорусские. Впрочем, в южнорусских говорах произношение *'тыsa'*, *'тыs'i'* может выражать не специальную реакцию на финальное сочетание *tSon*, а быть проявлением общей тенденции к развитию интерконсонантного гласного в любой позиции в слове, а не только в его конце [Калнынь 1993, 212].

Повсеместно в русских говорах устранение конечного сочетания шумного согласного с сонантом в континуанте **mysl'* достигается превращением конечной позиции в неконечную, т. е. включением слова в класс имен на *-a*, чему соответствует произношение *'тыsl'a'*.

Традиция русской диалектологии не предусматривала фиксации нюансов артикулирования сонантов при записи диалектной речи. Однако, как показали работы последних лет [Касаткин, Пауфошима 1984], оказалось, в частности, что синтагматические реакции на сочетания типа *tSon#* более разнообразны, чем принято считать. Покажем это на примере говоров, описанных в [Калнынь, Масленникова 1985].

В вологодском говоре (Тотемский р-н) в указанных сочетаниях имеет место:

оглушение сонанта – *вонд'*, *корабд'*, *спазм*, *в'епр'*, *т'игр* – перед *r* продолжает произноситься звонкий согласный, что свидетельствует о неполном оглушении вибрранта;

утрата сонанта – *пл'ic'*, *жыс'*, *n'et' náć*, *нов'éc* (G pl), *don*;

вставные гласные – *ryуб'ел'*, *вóбою* (G pl *вóбла*).

В южнорусском говоре (Моршанский р-н) в сочетаниях *tSon#* происходит:

силлабизация сонанта – *вонт'*, *рубл'*, *мысл'*, *в'епр'*, *ð'ikáбр'*, *л'imp*, *внутр'*; на то, что условием силлабизации является позиция на конце слова указывает ее отсутствие перед гласным следующего слова – *рубл'* и *рубл'* *аддалá*: слоговость сонанта имеет специфическое проявление при делении слова на слоги (в говоре преобладает деление на открытые слоги) – в этом случае слоговой сонант превращается в последовательность *л'i*, *p'i*, *ры* – *адна мы/сл'i*, *ад'ин л'i/тры*, *л'eć' вну/тр'i*;

вставные гласные – *м'ётър*, *л'итър*, *аруан'из'ым*, *мътацыкъыл*; в этих случаях вставка гласных совпадает со свойственной говору тенденцией развития интерконсонантных гласных не только в конце слова (*кън'иуа*, *тълатóк*, *зáфтър'* и под.);

включение слов в класс имен на *-a* – *жыз'н'a*, *бал'е́з'н'a*, *кáз'н'a*, *аруан'из'ма*.

Характерно, что в этом южном говоре нет примеров на утрату конечного сонанта за исключением формы *l-ptc t*. В этом отражается охранительное отношение к признаку консонантности в звуковой цепи, свойственное южнорусским говорам в большей мере, чем северным.

Как было сказано, в восточнославянских диалектах альтернативность способов изменения финального сочетания *tSon* не распространяется на форму *l-ptc*. Сравнительно однообразное изменение формы *l-ptc* в этих говорах заставляет предполагать, что она обладала некоторыми особенностями, отличающими ее от других слов, утративших конечный *ъ. Известное подтверждение этому можно видеть в судьбе латерального сонанта после гласного в *l-ptc* (**dalъ*, **znaлъ*) в украинских и белорусских диалектах. Здесь в *l-ptc* происходит лабиализация конечного сонанта (*staq*,

day). При этом в других формах, утративших конечный *ъ, латеральный согласный сохраняется – *subst N sg* укр *стіл*, *орел*, белорус. *вугал*, *стол*, *пол*, то же в *G pl m, f* и др.

Существо рефлексации сонанта в I-ptc можно понять если усмотреть в ней аналогию с развитием того же согласного в континуантах сочетаний **tъlt*, **tъlt* (**stъlpъ*, **tъlstъ*, **vъlna*, **zъltъ* и под) в украинских и белорусских диалектах. Имеется в виду следующее.

Интерконсонантные последовательности *ъl*, *ьl* в условиях открытого слога имели статус дифтонга, будучи центром слога. При этом в праукраинских и прабелорусских диалектах правило вокального завершения слога нашло более категорическое выражение, чем в прарусских говорах, и, в соответствии с этим, повысился уровень вокализованности дифтонга. Это достигалось изменением *l > ѿ*, формировавшим ѿ-дифтонг (*ъ҃ц*, *ь҃ц*).

Аргументом в пользу того, что в праукр. и прабелорус. диалектах сонант изменялся, именно будучи компонентом дифтонга, является сохранение латерального согласного в сочетаниях, возникших после падения редуцированных.

Но особенностью украинских и белорусских диалектов является и то, что в процесс вокализации дифтонгов, оканчивающихся на *l*, была втянута и форма I-ptc *m*, имеющая гласный перед конечным сонантом. Это могло произойти в том случае, если **ъ* в конце I-ptc *m* утратился раньше, чем в конце других форм и тенденция вокализации дифтонга, закрывающего слог, продолжала быть актуальной.

Русские говоры в этом плане отличаются от украинских и белорусских – в русских говорах лабиализация сонанта *l > ѿ*, если происходит, то на уровне позиции, т.е. перед согласным и на конце слова. Лишь на западе русской территории, примыкающей к белорусским говорам, изменение *l > ѿ* в основном ограничено сочетаниями типа **tъlt* и формой I-ptc [ВСИ 1995, 18].

Таким образом, отношение фонетической программы слова к финальным сочетаниям *tъlson* было не одинаковым. Те из сочетаний, которые представляли безусловное новшество, разным способом изменялись, приспосабливаясь к удобному завершению слова. Но те сочетания, которые по правилу слогообразования утвердились до падения или сразу после падения редуцированных, в зону действия фонетической программы не попадали.

Некоторые выводы

Предложенный опыт рассмотрения фонетических изменений в славянских диалектах после падения редуцированных позволяет сказать следующее.

Падение редуцированных принципиально изменило поле синтагматических действий в фонетике. Оно складывалось из разного типа сегментов – открытый слог, новый закрытый слог. Наиболее целесообразным для этих сегментов было объединение в фонетическое слово, которое реально становилось основной произносительной единицей. Фонетическое слово не было хаотическим нанизыванием звуков. Оно организовывалось согласно программе, где выбор звука/сегмента не был произвольным. Определяющими компонентами программы была конкуренция между контактным (старым) типом связи звука с предшествующим сегментом, с одной стороны, и дистактной связью, основанной на том, что выбор предшествующего звука определяется антиципацией следующего сегмента.

Роль антиципации в фонетической программе слова играла решающую роль при формировании консонантных корреляций по участию голоса и палатализованности. Через призму фонетической программы слова могут быть поняты и некоторые другие фонетические изменения в славянских диалектах.

Resume

The article by L.E. Kalnyn "The Phonetic Program of the Word as a Framework for Phonetic Changes in the Slavic Dialects" rises the problem of the reasons for the emergence of various phonetic changes as a heritage of comparatively unvatiaged state of common Slavic phonetics in the sphere of reduced sounds disappearance. The author states, that the variety comes not simply from the articulation specifics of respective segments, but is determined on a higher, more generalized level.

The disappearance of the reduced sounds has principally changed the field of phonetic changes. Sintagmatic space has become different by its size and contents. To define this space a term "phonetic program of the word" is introduced. The sounds, that are being included into this program, are oriented on the chronologically different ties. Contiguous ties protect old ties. Non-contiguous, being an innovation following the disappearance of the reduced sounds, create an alternative choice of the preceding sound. Competition between contiguous and non-contiguous sounds to a large extent determine the phonetics of certain idioms.

Through the prism of "word's phonetic program", the article analyses different stages of Slavic phonetics, reveals the dynamics of such vitally important events as formation of correlation through voice participation, palatalization, relation of the speech to vocalic consonance.

ЛИТЕРАТУРА

- [Ахманова 1966] – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- [Аванесов 1955] – Аванесов Р.И. Русское литературное ударение и произношение. М., 1955.
- [Аванесов 1956] – Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- [Аванесов 1974] – Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- [Аванесов, Калнынь 1983] – Аванесов Р.И., Калнынь Л.Э. Обобщающие карты как особый тип карт в ОЛА // ВЯ, 1983, № 4.
- [Андрейчин 1978] – Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1978.
- [Атлас. Вост. комментарии 1957] – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.
- [АУМ] – Атлас української мови. Ч. 1. Київ, 1984; Ч. 2. Київ, 1988.
- [Бернштейн 1961] – Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- [Брызгунова 1969] – Брызгунова Е.А. Звуки и интонации русской речи. М., 1969.
- [Бодуэн де Куртенэ 1903] – Бодуэн де Куртенэ И.И. Лингвистические заметки и афоризмы. ЖМНП. СПб., 1903. № 4.
- [Бондарко 1977] – Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- [Бояджиев 1972] – Бояджиев Т. Говорът на с. Съчанли Гюмюрджинско. София, 1972.
- [Бояджиев 1991] – Бояджиев Т. Българските говори в западна и източна Тракия. София, 1991.
- [Бевзенко 1980] – Бевзенко С.П. Українська діалектологія. Київ 1980.
- [Брок 1910] – Брок О. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
- [БДА] – Български диалектен атлас. Т. I–IV. София. 1964–1978.
- [Видоески 1984] – Видоески Б. Фонолошкиот систем на говорот на селото Езерец // Македонски јазик. 1984, XXXV.
- [Видоески 1998] – Видоески Б. Диалектите на македонскиот јазик. Т. 1. Скопје, 1998.
- [Видоески 1999] – Видоески Б. Диалектите на македонскиот јазик. Т. 2. Скопје, 1999.

- [Высотский 1967] – Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связис качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- [Высотский 1978] – Высотский С.С. Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах М., 1978.
- [Вопросник КДА 1957] – Вопросник Карпатского диалектологического атласа. М., 1957.
- [Георгиев 1985] – Георгиев В.И. По вопроса за уподобяването на съгласните в български // Проблеми на българския язик. София, 1985.
- [Горшкова, Хабургаев 1981] – Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- [ДАБМ] – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступные артыкулы. Мінск, 1973.
- [ДАРЯ 1986] – Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР. В. I. Вступительные статьи. М., 1986.
- [Димчев 1969] – Димчев М. Говорът на българите от с. Валя Драгулуй // Годишник на Софийския ун-т. Т. LXIII, 1, 1969.
- [Дурново 1924] – Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. М.-Л., 1924.
- [Жилко 1955] – Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
- [Жилко 1963] – Жилко Ф.Т. Фонологічні особливості української мови в порівнянні з іншими слов'янськими. Київ, 1963.
- [Залеський 1970] – Залеський А.М. Континуанти праслав'янських *ę и *a (після м'ягких приголосних) у говорках української мови // Мовознавство. 1970. № 3.
- [Зиндер 1979] – Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.
- [Иванов 1983] – Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983.
- [Исащенко 1963] – Исащенко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. Вып. III. М., 1963.
- [Калнынь 1956] – Калнынь Л.Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // Ученые записки Института славяноведения. Т. ХШ, 1956.
- [Калнынь 1967] – Калнынь Л.Э. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967.
- [Калнынь 1973] – Калнынь Л.Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973.

- [Калнынь 1976] – Калнынь Л.Э. К типологии восточнославянского внешнего консонантного сандхи // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976.
- [Калнынь 1989] – Калнынь Л.Э. О факторах фонетической стабильности языкового идиома в условиях языковых контактов // Deseta konferenčija Međunarodne komisije za fonetiku i fonologiju slovenkih jezika. Sarajevo, 1989.
- [Калнынь, Масленникова 1985] – Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
- [Калнынь, Масленникова 1995] – Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.
- [Калнынь 1998] – Калнынь Л.Э. Сочетания взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами // Восточнославянские изоглоссы 1998. Выпуск 2. М., 1998.
- [Калнынь, Попова 1993] – Калнынь Л.Э., Попова Т.В. Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации // Исследования по славянской диалектологии. 2. Южнославянские диалекты. М., 1993.
- [Касаткин 1968] – Касаткин Л.Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968.
- [Касаткин 1999] – Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- [Каленчук, Касаткина 1997] – Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения М., 1997.
- [Князев 1991] – Князев С.В. О связи особенностей артикуляционной базы говора с характером противопоставления глухих и звонких твердых и мягких согласных // Современные русские говоры. М., 1991.
- [Кириллова, Новикова 1988] – Кириллова Н.В., Новикова Л.Н. Активные процессы в современных русских народных говорах. Калинин, 1988.
- [Ковалик 1953] – Ковалик І.І. Назалізація і деназалізація проиголосних у слов'янських мовах//Вопросы славянского языкознания. Львов, 1953.
- [Колесов 1980] – Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- [Конески 1965] – Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965.
- [Кочев 1968] – Кочев И. О балканском характере мягких согласных в позиции конца слова в болгарском языке // Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. VI. Sofia, 1968.
- [Кузнецова 1965] – Кузнецова А.М. Изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.

- [Кузнецова 1969] – Кузнецова А.М. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости-мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
- [Крывацкі, Падлужны 1984] – Крывацкі А.А., Падлужны А.І. Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.
- [Курс сучасної 1951] – Курс сучасної української літературної мови. Київ, 1951.
- [ЛЭС 1990] – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- [Мареш 1983] – Мареш В. Историскиот развој на македонскиот вокален систем // Македонски јазик. Г. XXXIV, Скопје, 1983.
- [Марков 1964] – Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.
- [Мартине 1960] – Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1980.
- [Марузо 1960] – Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
- [Мейе 1951] – Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
- [Мирчев 1978] – Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1978.
- [Младенов 1966] – Младенов М. Ихтиманският говор. София, 1966.
- [Німчинов 1926] – Німчинов К. Диспалаталізація приголосних перед е, и // Записки історично-філологічного відділу УАН. Т. 9. Київ, 1926.
- [ОЛА 1994] - Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. М., 1994.
- [Панов 1967] – Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
- [Пауфошима 1987] – Пауфошима Р.Ф. О связи характера примыкания и звукового эллипсиса с особенностями фонологической системы (на материале современного русского языка) // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.
- [Пауфошима 1978] – Пауфошима Р.Ф. Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах М., 1978.
- [Пауфошима 1977] – Пауфошима Р.Ф. О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Пауфошима 1985] – Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в северно-русских говорах. М., 1985.
- [Попова 1994] – Попова Т.В. О судьбе *ё и *(j)a в современных юго-западных украинских говорах // Проблеми соучасної ареології. Київ, 1994.

- [Попова, Пожарицкая 1990] – *Popova T.B., Пожарицкая С.В.* Влияние консонантного окружения на рефксы *ѣ // ОЛА Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы *ѣ. М., 1990.
- [Программа 1947] – Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.-Л., 1947.
- [Программа 1949] – Программа для збирання матеріалів до діалектологичного атласа української мови. Київ, 1949.
- [Программа 1950] – Программа па вывучанню беларускіх гаворак і збіранню звестоак для складання Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1950.
- [Русская диалектология 1964] – Русская диалектология / Под ред Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.
- [Русская диалектология 1989] – Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина М., 1989.
- [Русская разговорная 1963] – Русская разговорная речь М., 1963.
- [Селищев 1941] – Селищев А.М. Славянское языкознание М., 1941.
- [Сидоров 1966] – Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- [Синявский 1927] – Синявский О.Н. Фонетична контроверса // Записки історично-філологічного відділу УАН. Т. 13/14. Київ, 1927.
- [Скалозуб 1979] – Скалозуб Л.Г. Динамика звукообразования. Киев, 1979.
- [Сорокин 1985] – Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- [Стойков 1942] – Стойков Ст. Български книжовенъ изговоръ. София, 1942.
- [Стойков 1961] – Стойков Ст. Увод у българската фонетика. София, 1961.
- [Стойков 1969] – Стойков Ст. Программа за събиране на материали за български диалектен атлас. София, 1969.
- [Соссюр 1977] – Соссюр Ф. Труды по языкоzнанию. М., 1977.
- [Ткаченко 1998] – Ткаченко О.Б. Українська фонетика на історико-типологичному тлі // Мовознавство 2-3, 1998.
- [Трубецкой 1960] – Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
- [Шахматов 1915] – Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- [Щерба 1915] – Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.
-
- [Belič 1972] – Belič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- [Brozović 1988] – Brozović D. O fonetu [ȝ] u balkanskim jezicima // Језични појаве во Битола и Битолско денеска и во минало. Скопје, 1988.

- [FO] – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpsrih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
- [Havránek 1934] – *Havránek B.* Nářečí česká. Praha, 1934
- [Klemensiewicz 1955] – *Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T. Urbańczyk S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
- [Komárek 1982] – *Komárek M.* Nástin fonologického vývoje českého jazyka. Praha, 1982.
- [Lamprecht 1986] – *Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historická mluvnice češtine. Praha, 1986.
- [Michalk 1983] – *Michalk F., Sperber W.* Wopisanje fonologicznych systemow naręc̄ow serbskich informaciskich dybkow w Slowjanskim ręčnym atlasu // Lětopis. Rjad A, č. 30/1, 1983.
- [Mucke 1981] – *Mucke K.E.* Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891.
- [Michalk 1964] – *Michalk Z.* Zur Frage der sorbischen Sandhe (Satzphonetik) // Zeitschrift für Slavistik. Bd. IX. H. 2. 1964.
- [[OF]] – Opisy fonetyczne polskich punktów “Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego” *Z. Topolińska*. Zeszyt 1 – 1982; *A. Basara, J. Basara*. Zeszyt 2 – 1983; *H. Zduńska*. Zeszyt 3 – 1984, Warszawa.
- [Peco 1980] – *Peco A.* Pregled srpskohrvatskih dijalekata Beograd, 1980.
- [Savicka 1999] – *Savicka I., Grzybowski S.* Studia z palatalności w językach słowiańskich. Toruń, 1999.
- [Smahl-Stockyj 1913] – *Smahl-Stockyj St.* Grammatik der ruthenischen Sprache. Wien, 1913.
- [SS] – Sorbischer Sprachatlas T. 1, Bautzen, 1965 – T. 13, Bautzen, 1990.
- [Schroeder 1958] – *Schroeder A.* Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Lautbeschreibung. Tübingen, 1958.
- [Stanislav 1958] – *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka. Bratislava, 1958.
- [Stieber 1934] – *Stieber Zd.* Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934.
- [Vachek 1958] – *Vachek J.* K znělosnímu protikladu souhlásek v češtině a angličtině // Studie ze slovanske jazykovědy. Praha, 1958.
- [Videoski 1970] – *Videoski B.* Grupy konsonantyczne s(z), š(ž)+c, č w dialektach macedońskich // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. T. 9, 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение	5
1.1. Особенности фонетической синтагматики в славянских диалектах	6
1.2. Фонетическая программа слова как инструмент интерпретации правил фонетической синтагматики	8
2. Нижнелужицкая рефлексия *o как свидетельство конкуренции контактной и дистактной связей в фонетической программе слова после падения редуцированных	13
3. Гласные как компоненты фонетической программы слова	25
3.1. Взаимосвязь фокальных компонентов фонетической программы слова	26
3.2. О линейной направленности изменения гласных в звуковой цепи	34
3.2.1. Явления аккомодации гласных	34
3.2.2. Прогрессивное изменение гласных в сегменте CV	35
3.2.3. Регрессивное изменение гласных в сегменте CV	40
3.3. Участие принципа антиципации при формировании корреляции палатализованности	48
3.4. Неодинаковая коммуникативная нагрузка отдельных частей слова как компонентов его фонетической программы	56
3.5. Влияние фонетической программы слова на фонетику конкретных морфем	60
4. Согласные как компоненты фонетической программы слова	64
4.1. Общие замечания	65

4.2. Изменение шумных согласных по принципу участия голоса	66
4.2.1. Позиция перед согласным	66
4.2.2. Позиция на конце слова. Диагностическое значение фарингальных/задненебных спирантов	70
4.2.3. Позиция на стыке слов	78
4.2.4. Выводы о специфике и артикуляционной природе изменения шумных согласных по признаку участия голоса в рамках фонетической программы слова	82
4.3. Отношение сонантов к возможному изменению уровня голосности в их артикуляции	83
4.3.1. Оглушение передненебного вибронта	83
4.3.2. Оглушение других сонорных согласных	87
4.3.3. Охранительное отношение к участию голоса в артикуляции сонанта	89
4.4. Включение в фонетическую программу слова согласных, различающихся высотой тона	91
4.5. Включение в фонетическую программу слова согласных, различающихся местом и способом образования	98
4.5.1 Общие замечания	98
4.5.2. Прогрессивно направленные изменения в группах согласных как реакция на неприятие возможной антиципации	99
4.5.3. Регрессивное изменение в группе согласных как способ коррекции направления звукопрохождения в звуковой цепи	102
4.5.4. Изменения, по своему значению не выходящие за пределы конкретного сочетания	105
4.6. Изменение уровня вокальности/консонантности в консонантной части фонетической программы слова	111
4.7. Финальное сочетание tSon как компонент фонетической программы слова	116
Некоторые выводы	122
Resume	123
Литература	124

Научное издание
Людмила Эдуардовна Калнынь

**Фонетическая программа слова
как пространство
фонетических изменений
в славянских диалектах**
Москва, 2001. 131 с.

Оригинал-макет:
Ленышева М.И.

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 15.05.2001 г. Печ. л. 10,0. Тираж 200 экз. Зак.76.

Типография ИПТК «Логос» ВОС
129164 Москва ул. Маломосковская, д.8

